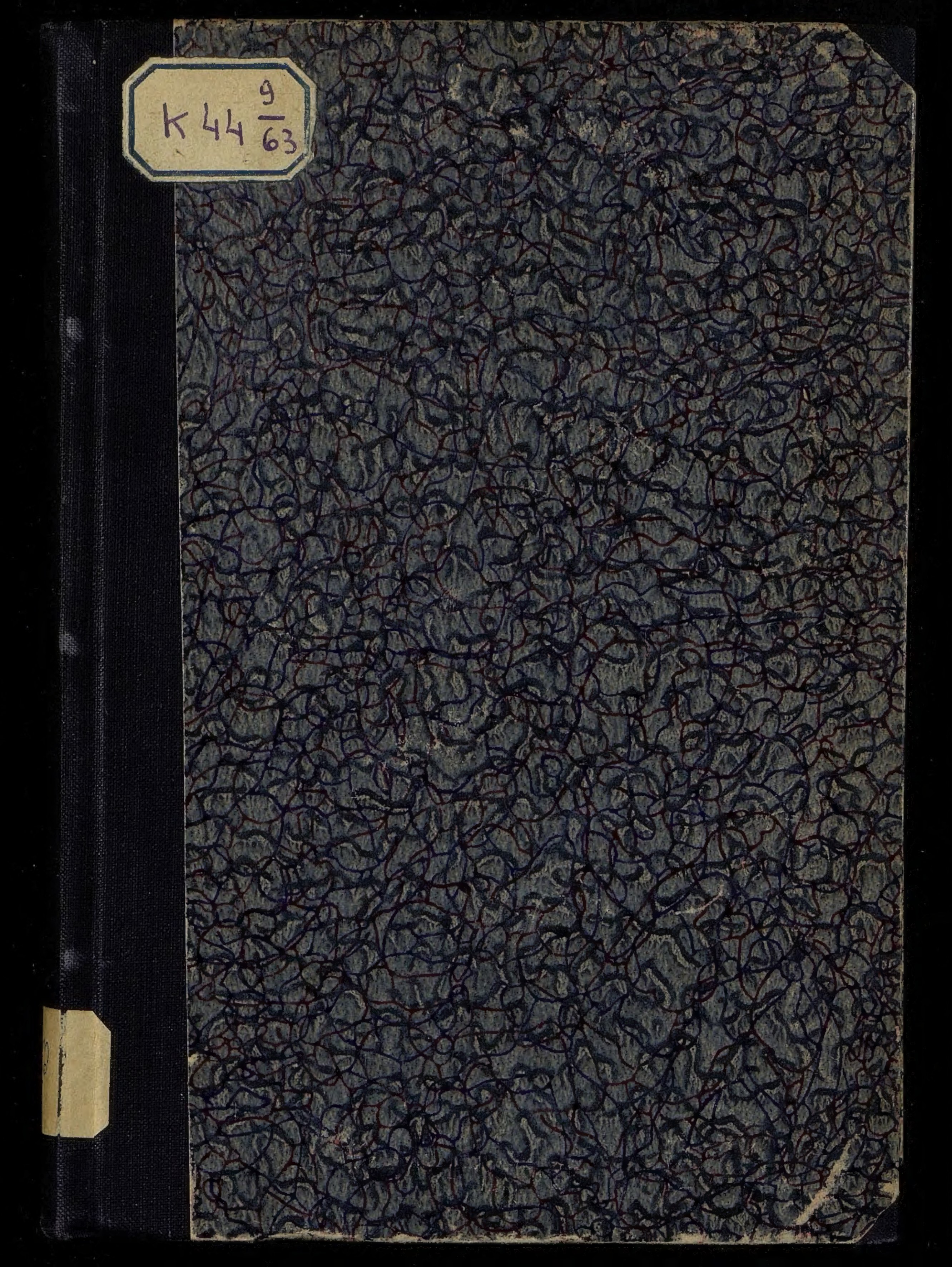

K 44 9/63

Е. А. М—скій.

ДНЕВНИКЪ ЗАЛОЖНИКА

7 мѣсяцевъ плѣна въ Карлсбадѣ

Съ предисловіемъ

М. М. КОВАЛЕВСКАГО

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Е. А. М—скій.

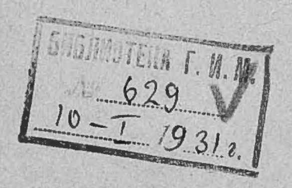
ДНЕВНИКЪ ЗАЛОЖНИКА.

7 мѣсяцевъ плѣна въ Карлсбадѣ.

Съ предисловіемъ

М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типографія „Двигатель“, Казначейская, 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дневникъ Е. А. М—скаго какъ нельзя лучше передаетъ то настроеніе, въ которомъ не ему одному пришлось провести 7½ мѣсяцевъ оторваннымъ отъ родины въ то время, когда она всего болѣе могла нуждаться во всѣхъ своихъ сынахъ. „Принудительное мѣстожительство“ въ австрійскомъ курортѣ среди враждебнаго, но сохраняющаго полную благопристойность населенія, подъ бдительнымъ окомъ полицейскихъ и военныхъ властей, слѣдящихъ за каждымъ вашимъ шагомъ, приказывающихъ въ опредѣленное время являться въ полицію, сидѣть дома съ 8 час. вечера до 8 утра, контролирующихъ ваши затраты и, въ заключеніе, запрещающихъ вамъ забрать съ собою ваши же хранящіяся въ банкѣ деньги,—было особенно мучительно для тѣхъ, кто не имѣлъ возможности уйти въ научную или литературную работу. Я былъ въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ. Хотя въ Карлсбадѣ нѣтъ никакой научной библіотеки, но значительной затратой средствъ я могъ выписать изъ Берлина нужныя мнѣ книги. Помимо этюда объ авторахъ дневниковъ о французскихъ событіяхъ въ царствованіе Людовика-Филиппа и двухъ томовъ, посвященныхъ собственнымъ воспоминаніямъ подъ общимъ заглавіемъ: „Моя жизнь“, я серьезно занялся

еще чтеніемъ всей литературы, вызванной войной, англо-нѣмецкимъ соперничествомъ, вопросомъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи, положеніемъ, созданнымъ въ Бельгіи ея военнымъ занятіемъ, наконецъ, тѣмъ уже съ десятокъ лѣтъ опредѣлившимся теченіемъ германской политической мысли въ пользу замѣны національнаго принципа имперіализмомъ, въ которомъ надо искать дѣйствительный источникъ современной войны. Большинство моихъ соотечественниковъ настолько поражено было ходомъ событій и такъ мало могли приспособиться къ вновь созданнымъ для нихъ условіямъ жизни, что бродили большую часть дня по улицамъ или въ окрестностяхъ Карлсбада, поддерживая другъ въ другѣ невольно возникавшія опасенія, что не сегодня-завтра насъ лишатъ свободы, заставятъ жить въ баракахъ, кстати воздвигаемыхъ на небольшомъ разстояніи отъ Карлсбада, положатъ въ день нѣсколько десятковъ крейцеровъ и приставятъ военную стражу. Эти опасенія, пока мы оставались плѣнниками, къ счастью, не оправдались.

Съ тѣхъ поръ я остаюсь безъ всякихъ извѣстій о моихъ несчастныхъ товарищахъ. И до моего отъѣзда тѣхъ изъ нихъ, которые были не при деньгахъ, предупреждали, что казенная квартира для нихъ готова, а это заставило бывшихъ аптекарей превратиться въ цирульниковъ, и кой-кого изъ лицъ, занимавшихся въ нормальныхъ условіяхъ либеральными профессіями, запастись фотографическимъ аппаратомъ. Намъ же, болѣе достаточнымъ, осталось только примириться съ жестокой необходимостью рисковать цѣлостью нашей кожи и пріятностью нашего внѣшняго облика въ фотографическихъ снимкахъ. Со времени возвращенія на родину мы не разъ появляемся во всякаго рода присутственныхъ мѣстахъ съ напоминаніемъ о горькой

долѣ оставшихся за рубежомъ. Съ каждымъ днемъ пополняются списки имѣющихъ право разсчитывать на обмѣнъ гражданскихъ плѣнныхъ и заложниковъ. Русское начальство, ранѣе честью просившее австрійцевъ уѣхать во свояси, остановилось, наконецъ, на мысли о пользѣ обмѣна; но австрійцы упорствуютъ въ своемъ нежеланіи обнаружить простое человѣколюбіе. На обмѣнъ претендуютъ люди, которымъ по возрасту и болѣзнямъ не суждено служить въ арміи, задержка которыхъ совершенно безполезна какъ той, такъ и другой странѣ. Придетъ ли кому въ голову, разъ онъ знакомъ сколько нибудь съ русской дѣйствительностью, что генеральша Зеленая, вдова покойнаго воспитателя Великаго Князя Константина Константиновича, въ роли заложницы можетъ вызвать русское правительство на какія-то серьезныя уступки Австріи. Мыслимо ли, чтобы возвращеніе либеральнаго земскаго дѣятеля Екатеринославской губ., г. Яковенко, или подвергшагося судебному преслѣдованію за непокорныя слова адвоката Гиллерсона—такъ дорого предержащимъ властямъ, что въ угоду австрійскимъ требованіямъ они готовы отпустить даже заподозриваемыхъ въ шпіонствѣ подданныхъ двуединой Имперіи. Вѣдь такое предположеніе противорѣчитъ здравому смыслу, котораго очевидно, нельзя отрицать у „опаснаго и коварнаго врага“, прозвище, справедливо примѣненное къ германцамъ тѣми, кто руководитъ нашими судьбами. Нелѣпый, средневѣковый институтъ заложниковъ, вызванный изъ вѣкового сна къ новой жизни Габсбургской монархіей и примѣненный къ людямъ, пріѣхавшимъ искать въ леченіи минеральными водами, если не выздоровленія, то облегченія ихъ недуговъ,—причина безцѣльнаго, глупаго задержанія стариковъ и инвалидовъ, умножающихъ только число потреби-

телей быстро тающихъ запасовъ продовольственнаго матеріала. Мы ждемъ многаго отъ счастливаго исхода переживаемаго нами кровопролитія. Позволено ли надѣяться, что въ числѣ этихъ грядущихъ благъ будетъ и то, что мы поумнѣемъ. Или новому Эразму придется присоединить новую главу къ „Похвалѣ Глупости“.

Максимъ Ковалевскій.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ субботу 12-го Іюля прошлаго лѣта, съ вечернимъ вержболовскимъ поѣздомъ, я выѣхалъ изъ Петербурга черезъ Берлинъ въ Карлсбадъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи свободнаго времени до 1-го Сентября, я намѣревался продѣлать свой обычный трехнедѣльный курсъ леченія въ Карлсбадѣ, оттуда отправиться на краткій отдыхъ въ Баденъ-Баденъ и на обратномъ пути побывать нѣсколько дней въ Гамбургѣ у проживающихъ тамъ матери и замужней сестры.

Въ утреннихъ газетахъ дня моего выѣзда была напечатана знаменательная декларація нашего правительства по поводу австрійскаго ультиматума Сербіи, что создало тревогу въ городѣ. Всѣ сознавали серьезность момента, нѣкоторые допускали даже перерывъ дипломатическихъ сношеній между Австріей и Сербіей, но даже у самыхъ явныхъ пессимистовъ не было мысли о подобномъ всемірномъ пожарѣ, который съ такою небывалою яростью вспыхнулъ черезъ одну недѣлю послѣ того. Нашъ поѣздъ былъ полонъ ѣдущими заграницу для леченія или отдыха. Среди пассажировъ были и такіе, которые весьма близки къ тѣмъ сферамъ, гдѣ „все знаютъ“. Пріѣхавъ утромъ въ Вержболово, и зайдя въ станціонную мѣняльную контору размѣнять русскую сторублевую на германскія деньги, я увидѣлъ первый грозный признакъ: на стѣнѣ

былъ вывѣшенъ берлинскій курсъ русскаго рубля— $208^{1}/_{2}$. Подобнаго низкаго курса не было со времени японской войны и это навело насъ, путешественниковъ, на невеселыя размышленія. Никто, однакожъ, и не подумалъ вернуться во свояси и мы всѣ поѣхали дальше. Послѣ обѣда мы на какой-то станціи купили утреннія берлинскія газеты того же дня. Сообщенія и тонъ газетъ еще болѣе усилили тревогу. Въ нашемъ поѣздѣ ѣхали на мѣсто своего служенія нашъ посолъ въ Парижѣ г. Извольскій съ однимъ изъ секретарей посольства. Когда мы вечеромъ пріѣхали въ Берлинъ, встрѣчавшій ихъ на Силезскомъ вокзалѣ одинъ изъ чиновъ нашего мѣстнаго посольства разсказывалъ о происходящихъ въ Германской столицѣ манифестаціяхъ. Съ однимъ, ѣхавшимъ вмѣстѣ со мною, коллегою мы остановились въ отелѣ Элитъ близъ Фридрихштрассе и немедленно явившійся къ нему служащій въ Берлинѣ его племянникъ, молодой германскій инженеръ, въ свою очередь сообщилъ, что въ данный моментъ на многихъ улицахъ города происходятъ враждебныя Россіи и Сербіи манифестаціи. Влекомые любопытствомъ мы отправились посмотрѣть, что именно происходитъ. Вечеръ былъ воскресный, когда берлинскія улицы и безъ особенныхъ событій полны гуляющей публики, почему общая картина центральныхъ улицъ ничего необычайнаго собою не представляла, но на площади между Бранденбургскими Воротами и Тиргартеномъ то и дѣло проходили толпы молодежи обоего пола, направляясь въ Аллею Побѣды, равно къ австрійскому и сербскому посольствамъ для устройства демонстрацій—гдѣ дружественной и гдѣ враждебной. Эти толпы состояли преимущественно изъ юныхъ мальчишекъ и дѣвицъ — подростковъ, падкихъ на всякое зрѣлище и все это вообще имѣло

видъ, очень далекій отъ чего-то серьезнаго, съ чѣмъ дѣйствительно слѣдовало бы считаться. Не было ни энтузіазма, ни подъема, и толпа больше молчала, вопросительно глазѣя съ любопытствомъ другъ на друга. Отправившись обратно къ себѣ въ гостинницу я проходилъ мимо русскаго посольства, которое не было освѣщено и охранялось нѣсколькими конными городовыми. Проходившимъ мимо кучкамъ народу останавливаться не разрѣшалось. На слѣдующее утро я встрѣтилъ въ отелѣ многихъ знакомыхъ русскихъ, ѣдущихъ на разные германскіе курорты; нѣкоторые же, успѣвшіе окончить свое леченіе, ѣхали обратно домой, но я не видѣлъ ни одного, возвращеніе котораго на родину было связано съ грядущими событіями. Исключеніе составлялъ одинъ крупный путейскій чиновникъ изъ Варшавы, который былъ экстренно вызванъ по телеграфу обратно изъ отпуска изъ Киссингена, гдѣ онъ успѣлъ пробыть лишь четыре дня. Онъ очень роптадъ на свое начальство за то, что оно погорячилось, заставивъ его прервать только-что начатое леченіе безъ всякой надобности, такъ какъ все это, какъ онъ выразился, вѣдь все равно окончится пуфомъ. Мы все-таки рѣшили обождать день—другой въ Берлинѣ, пока туманъ разсѣется, но слѣдующій день не внесъ въ положеніе ничего новаго. Такъ какъ въ предыдущее лѣто я своего обычнаго Карлсбадскаго леченія продѣлать не могъ, то отказаться отъ него и въ этомъ году было не безопасно для моего здоровья, почему мысль объ обратной поѣздкѣ домой не приходила мнѣ въ голову. Я, однакожъ, задалъ себѣ вопросъ—не поѣхать ли на этотъ разъ вмѣсто Карлсбада въ швейцарскій курортъ Тараспъ, который многіе считаютъ почти равноцѣннымъ Карлсбаду, но сдѣлать это мнѣ отсовѣтовали какъ

берлинскій врачъ—спеціалистъ, который былъ мнѣ рекомендованъ въ Петербургѣ, такъ и близкій мнѣ русскій врачъ, случайно оказавшійся въ Берлинѣ проѣздомъ въ Киссингенъ. Къ тому же меня предупредили, что ѣдущій въ Тараспъ долженъ предварительно, за нѣсколько недѣль, заказать себѣ тамъ комнату, иначе онъ рискуетъ уѣхать немедленно обратно за ненахожденіемъ пристанища. Чтобы использовать время я и мой коллега, направлявшійся въ Маріенбадъ, рѣшили съѣздить пока въ Лейпцигъ посмотрѣть книжную выставку, въ расчетѣ, что спустя сутки, которыя проведемъ тамъ, можетъ быть, кое-что выяснится въ ту или другую сторону. Но и эти сутки ничего опредѣленнаго не дали. Въ самомъ же городѣ Лейпцигѣ и на выставкѣ все было спокойно *). Пробывъ день на выставкѣ, а вечеръ въ театрѣ, мы рано утромъ слѣдующаго дня уѣхали оттуда — я въ Карлсбадъ, а онъ въ Маріенбадъ. Пріѣхавъ къ вечеру на пограничную станцію Эгеръ, находящуюся уже на австрійской территоріи, я увидѣлъ на площади предъ вокзаломъ цѣлое море людей — десятки тысячъ австрійскаго войска въ сѣрой формѣ. Въ станціонныхъ же залахъ и на платформахъ было такъ тѣсно, что яблоку негдѣ было упасть. На мой вопросъ, что такое происходитъ, мнѣ отвѣтили, что войско мобилизовано для отправки въ Сербію. Съ большимъ трудомъ я добился носильщика и еле успѣлъ пересѣсть въ карлсбадскій поѣздъ. Всѣ отдѣленія моего вагона, даже перваго класса,

*) Оглядывая при выходѣ изъ выставочныхъ воротъ находящійся въ непосредственной близости колоссальный памятникъ „Битвы народовъ“, мой спутникъ задалъ пророческій вопросъ: не находимся ли мы сейчасъ наканунѣ такой же битвы? Мы оба, однакоже, отнеслись къ этому вопросу какъ къ шуткѣ.

были полны солдатъ, которые не обращали никакого вниманія на требованіе кондуктора и не предъявляли никакихъ билетовъ. Послѣднему ничего болѣе не оставалось, какъ мириться съ этимъ и махнуть рукою. Черезъ два часа я былъ въ Карлсбадѣ, заѣхавъ въ отель Національ, который оказался на половину пустымъ, что для этого времени года необычайно. Выйдя на слѣдующее утро, 17-го Іюля, на улицу, я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ, находившихся въ очень затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны людямъ не хотѣлось бросить леченіе, ради котораго многіе пріѣхали изъ разныхъ отдаленныхъ городовъ Россіи, а съ другой стороны никто не могъ быть увѣренъ, что если и уѣдетъ изъ Карлсбада, то удастся ли ему добраться домой въ случаѣ, если дѣйствительно начнется всеобщая мобилизація. Чѣмъ остаться же гдѣ-нибудь въ дорогѣ, лучше, во всякомъ случаѣ, посидѣть въ Карлсбадѣ, гдѣ, какъ въ курортѣ, по общему убѣжденію, никто не будетъ обиженъ. Пока думали и гадали война между Германіей и Россіей уже началась. 19 Іюля (1-го Августа по новому стилю) въ Карлсбадскихъ газетахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ курорта появилось обращеніе мѣстнаго бургомистра къ дорогимъ гостямъ Карлсбада, приглашающее ихъ не разбѣгаться безъ оглядки, а оставаться на мѣстѣ, спокойно продолжать свое леченіе въ Карлсбадѣ, гдѣ имъ гарантируется полная безопасность. Въ то же время было объявлено, что желѣзныя дороги на нѣсколько дней совершенно закрываются для проѣзда частныхъ лицъ, такъ что и пожелавшіе уѣхать также не имѣли возможности это сдѣлать. Событія же одно другого ужаснѣе шли своимъ чередомъ. Началась война между Россіей и Австріей и мы оказались уже въ роли оффиціальныхъ враговъ той

страны, куда мы пріѣхали искать покоя и исцѣленія своихъ недуговъ.

Помимо вопроса о выѣздѣ возникло другое важное затрудненіе—денежное. Какъ только была объявлена война Германіи съ Россіей, мѣстные банки перестали платить по акредитивамъ русскихъ банковъ и мѣнять русскія деньги. Это, впрочемъ, продолжалось недолго и по истеченіи 10—12 дней карлсбадскіе банки вновь стали выплачивать деньги по акредитивамъ крупныхъ русскихъ банковъ и мѣнять русскія бумажныя деньги, но по невѣроятно низкимъ курсамъ: 180, 150 и даже 130 кронъ за 100 рублей. Прошла недѣля и желѣзнодорожное сообщеніе Карлсбада съ Вѣной и Берлиномъ было какъ нибудь возстановлено, но при самыхъ невыносимыхъ условіяхъ. Поѣздка до Вѣны, напримѣръ, разсчитанная въ нормальное время на 8—10 часовъ времени, продолжалась около 5 сутокъ, при безчисленныхъ пересадкахъ, невозможной тѣснотѣ въ вагонахъ и отсутствіи носильщиковъ на станціяхъ. Несмотря на это, находились смѣльчаки, рискнувшіе тронуться въ путь, но, полагаю, они будутъ весь свой вѣкъ помнить перенесенныя ими въ этой поѣздкѣ мученія. Большинство же не пожелало уѣхать въ такихъ условіяхъ или просто не имѣло чѣмъ, такъ какъ получавшіяся по почтѣ деньги или письма съ переводами намъ не выдавались, а переотправлялись въ Прагу. Мѣстное же населеніе, надо ему отдать справедливость, относилось къ намъ даже сочувственно и многіе уѣхали не расчитавшись со своими хозяевами, которые никакихъ принудительныхъ мѣръ противъ своихъ должниковъ не принимали. Человѣкъ же 35 молодежи были арестованы и отправлены въ ближайшій городъ Эгеръ, гдѣ имѣются военныя казармы. Тамъ они просидѣли около недѣли взаперти въ самыхъ

скверныхъ условіяхъ существованія: спали на соломѣ, ѣли безъ ложекъ и вообще настрадались вдоволь, но черезъ недѣлю ихъ отпустили обратно въ Карлсбадъ, а нѣкоторымъ даже удалось выбраться домой. Мѣстная русская церковь была опечатана и ея настоятель, протоіерей Рыжковъ, послѣ произведеннаго у него обыска былъ арестованъ, при чемъ конфискованы были найденныя у него благотворительныя суммы.

Понемногу публика стала разъѣзжаться. Такъ какъ черезъ австро-германскую границу не пропускали, то уѣзжали черезъ Швейцарію, Италію и Турцію, а еще больше черезъ Венгрію и Румынію, но далеко не всѣ рѣшились на этотъ подвигъ, такъ какъ многихъ изъ нихъ австрійцы арестовывали въ пути. Это, впрочемъ, было только въ первое время, и тѣ, которые имѣли терпѣніе высидѣть нѣкоторое время въ Карлсбадѣ, уѣзжали совершенно спокойно и безъ всякихъ лишеній и непріятностей черезъ Вѣну—Будапештъ—Предеаль—Унгени. Не всѣмъ, однакожъ, суждено было скоро вернуться домой.

Изъ нѣсколькихъ тысячъ русскихъ, которые были захвачены въ Карлсбадѣ войною, оказалась маленькая категорія, которой пришлось тамъ зимовать, и лишь 7 человѣкъ изъ этой категоріи, въ томъ числѣ пишущій эти строки, были выпущены на родину во второй половинѣ Февраля сего года, послѣ 7-мѣсячнаго пребыванія, остальные же продолжаютъ до сихъ поръ томиться тамъ въ плѣну. Вотъ какъ это случилось.

15-го Августа по новому стилю, когда въ Карлсбадѣ было не менѣе двухъ тысячъ русскихъ, не имѣвшихъ еще возможности выѣхать, у небольшой кучки, что-то около 20 человѣкъ, въ числѣ коихъ оказался и я, мѣстною полиціею были отобраны

паспорта, безъ всякаго объясненія для какой цѣли и на сколько времени, и черезъ три дня каждому изъ насъ былъ врученъ полиціею гектографированный бланкъ, нѣчто въ родѣ волчьяго паспорта, въ которомъ было сказано, что обладатель сего документа, замѣняющаго видъ на жительство, не имѣетъ права, подъ страхомъ ареста, выѣхать изъ предѣловъ города и обязанъ по пятницамъ въ 9 час. утра являться лично въ полицію для регистраціи. Мы отправились въ мѣстное Окружное Управленіе (Bezirkshauptmannschaft) спросить, что сіе означаетъ. Намъ отвѣтили, что мы являемся „государственными заложниками", взамѣнъ арестованныхъ въ Россіи австрійскихъ консульскихъ чиновъ, и что отпустить насъ не могутъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что выборъ заложниковъ былъ сдѣланъ австрійскими властями безъ всякаго смысла и доказываетъ, на сколько они далеки отъ знанія Россіи. Кромѣ академика М. М. Ковалевскаго и еще 4—5 болѣе или менѣе видныхъ общественныхъ или промышленныхъ дѣятелей или чиновниковъ, въ эту категорію попали многія лица совершенно скромныя по своему положенію и ничѣмъ незаслужившія этой незавидной чести. Въ то же время, находившіеся тогда въ Карлсбадѣ другіе русскіе, гораздо болѣе значительнаго ранга, остались незамѣченными и свободно уѣхали. Въ число заложниковъ, напримѣръ, попалъ одинъ скромный обыватель лишь потому, что въ его паспортѣ указано званіе отставной надворный совѣтникъ (Hofrat)—чинъ, весьма крупный въ австрійской табели о рангахъ, нѣкоторыхъ же статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ оставили въ покоѣ, такъ какъ у австрійцевъ такого чина нѣтъ и они его игнорируютъ и т. д. Еще курьезнѣе, что въ числѣ заложниковъ оказались 3 еврея, правовое положеніе

коихъ въ Россіи, казалось бы, должно было ихъ гарантировать отъ роли „государственныхъ заложниковъ“. Австрійцы и этого не поняли.

По началу никто изъ насъ не относился серьезно къ этому событію. Приписывая это какому-то недоразумѣнію, мы были увѣрены, что эта трагикомедія продлится недолго и паспорта скоро возвратятъ, но къ несчастью намъ пришлось убѣдиться, что австрійскія власти нашимъ освобожденіемъ спѣшить не собираются. Убѣдившись, что мой „курсъ леченія“ въ Карлсбадѣ не скоро кончится, я съ 12 Августа, обзаведшись тетрадями, сталъ ежедневно, передъ сномъ, заносить кратко, на 2—3 страницахъ, свои переживанія за истекшій день. Эта маленькая задача оказалась, однакожъ, нелегкою. Постоянное опасеніе обыска и ареста заставляло быть крайне осторожнымъ, такъ какъ любой полицейскій чинъ могъ поступить съ тобою,— какъ съ человѣкомъ, стоящимъ внѣ закона, — такъ, какъ ему заблагоразсудится. Я потому рѣшилъ прежде всего ничего не заносить о главномъ переживаемомъ міровомъ событіи—о войнѣ, и этого пункта вообще не касаться, затѣмъ избѣгать каждой темы, каждаго факта, который далъ бы малѣйшій поводъ къ подозрѣніямъ въ шпіонажѣ или враждебности. Вотъ чѣмъ объясняется то, что кромѣ чисто-личныхъ переживаній, и то записанныхъ крайне осторожно, съ недомолвками и подчасъ эзоповскимъ языкомъ, въ дневникѣ ничего нѣтъ. Я потому и не думалъ его издать, считая, что общественнаго интереса онъ составить не можетъ. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, однакожъ, меня къ этому побудили и пришлось уступить.

Е. А. М—скій.

Петроградъ.
Мартъ, 1915.

ДНЕВНИКЪ.

Вторникъ, 12/25 августа 1914 г.

Нахожусь здѣсь уже почти мѣсяцъ, окончилъ свой обычный курсъ леченія, и не вижу еще никакой возможности выѣхать отсюда. Пока мое положеніе государственнаго заложника ничѣмъ не отличается отъ положенія „свободныхъ", застрявшихъ здѣсь русскихъ, которые, подобно намъ, тоже не могутъ поѣхать въ Россію и боятся даже отправиться въ Швейцарію или Италію, куда нѣкоторые попали съ большимъ трудомъ. Вотъ недѣля какъ уѣхалъ въ Кіевъ черезъ Румынію одинъ изъ нашего кружка г. Л—гъ и никакихъ свѣдѣній отъ него или о немъ не получено, а отъ г. П., рискнувшаго уѣхать въ Вѣну, куда добрался съ большимъ трудомъ, сегодня получена депеша, на имя прис. пов. Р., чтобы онъ не трогался изъ Карлсбада. Странно, что депеша подписана не самимъ П—мъ, а другимъ лицомъ, которое осторожно не упоминаетъ даже имени П—а. Не арестовали ли его тамъ, какъ молодого человѣка, числящагося въ ополченіи II разряда?

Писалъ сегодня въ Одессу Бу—чу, черезъ неизвѣстнаго господина, живущаго въ Яссахъ и рекомендованнаго мнѣ здѣшнимъ врачемъ, д-ромъ Шапиро. По газетнымъ слухамъ, которымъ не хочется вѣрить, въ Одессѣ творятся ужасы. Несчастная Одесса—тамъ все возможно.

Погода чудная, а на улицахъ, какъ на кладбищѣ—пусто и мертво.

13/26 августа.

Ровно 4 недѣли какъ я пріѣхалъ въ Карлсбадъ. Сегодня докторъ засвидѣтельствовалъ полное исчезновеніе у меня болѣзненныхъ симптомовъ. Какъ я былъ бы счастливъ безъ этой страшной войны!

Встрѣтилъ на Alte Wiese М. М. и отправился съ нимъ въ кафе Штейнеръ, гдѣ просидѣли больше часа за чашкою кофе. Бесѣдовали о смерти Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Акимова, о чемъ я ему сообщилъ со словъ газетъ. Просить разрѣшенія поѣхать въ Меранъ М. М. не совѣтуетъ. Этотъ курортъ, въ которомъ онъ въ прежніе годы бывалъ, зараженъ, по его словамъ, чахоточными больными, да и тирольское населеніе менѣе симпатично, чѣмъ Карлсбадское. Тамъ же, въ кафе, я его познакомилъ съ бывшимъ профессоромъ горнаго института М—вымъ, который почему-то избѣгъ нашей участи и не попалъ въ заложники. Сидѣвшая около насъ жена редактора Биржевыхъ Вѣдомостей г-жа Б. сообщила, что она собирается уѣхать завтра со своею матерью въ Петербургъ чрезъ Румынію, хотя знаетъ, что изъ Вѣны многихъ возвращаютъ обратно сюда.

Писалъ и телеграфировалъ агенту Министерства Торговли и Промышленности М. Е. Субботкину въ Генуу относительно возможности проѣхать черезъ Генную въ Одессу, такъ какъ газетныя свѣдѣнія на этотъ счетъ противорѣчивы.

Испанское посольство объявляетъ, что оно беретъ на себя пересылку денегъ изъ Россіи сюда при посредствѣ какого то банка въ Копенгагенѣ.

14/27 августа 1914 г.

Принялъ послѣднюю 12-тую углекислую ванну и сократилъ водопитіе до 2-хъ стакановъ. Г—въ

страшно рвется домой и не будучи въ состоянiи, по незнанiю иностранныхъ языковъ, поѣхать безъ компанiи, подбиваетъ меня выхлопотать возвращенiе паспорта и рѣшиться поѣхать. Сегодня опять получены депеши изъ Яссъ отъ уѣхавшей отсюда въ срединѣ прошлой недѣли партiи соотечественниковъ, что они добрались уже до русской границы. П—тъ тоже хочетъ ѣхать и оба, онъ и Г—въ, ставятъ вопросъ о поѣздкѣ въ зависимости отъ того, поѣду ли я. Пока я лишь обѣщалъ быть завтра у Bezirkshauptmann'а и попросить освободить меня и въ утвердительномъ случаѣ—подумаю относительно отъѣзда. Я—ко подалъ письменное прошенiе о возвратѣ ему паспорта, но отвѣта еще не имѣетъ.

Галицiйскiе купцы платятъ уже за русскiе рубли 220 кронъ за 100, но банки болѣе 180 не даютъ. Въ Берлинѣ же производится котировка русскаго рубля по 185 марокъ. По свѣдѣнiямъ мѣстныхъ газетъ въ Россiи уже кое-гдѣ были бунты и погромы. Вотъ что страшно. Это насъ здѣсь сильно удручаетъ. Съ чтенiемъ книгъ и газетъ здѣсь не везетъ: во-первыхъ, чтенiе не лѣзетъ въ голову, во-вторыхъ, сосѣди не даютъ читать—все приходятъ и мѣшаютъ, такъ какъ сами ничего не дѣлаютъ и даже не читаютъ.

15/28 августа.

День сильныхъ волненiй и безпокойныхъ мыслей. Рано утромъ былъ въ полицiи для регистрацiи. Я явился въ 8½ ч. Младшiй чиновникъ мнѣ замѣтилъ, что въ самомъ документѣ указано время явки 9 часовъ, но старшiй вѣжливо заявилъ, что это безразлично и, сдѣлавъ отмѣтку на паспортѣ, немедленно отпустилъ меня. Позавтракавъ въ café Boulevard съ Г—вымъ, П—омъ и М—омъ я отправился къ Bezirkshauptmann'у попросить о возвратѣ

паспорта. Пріемъ былъ не особенно вѣжливый, но и не грубый. Въ началѣ онъ и слышать не хотѣлъ о возвратѣ мнѣ паспорта, но когда я ему изложилъ свои мотивы, онъ смягчился и, принявъ отъ меня свидѣтельство, выданное полиціею взамѣнъ паспорта, отвѣтилъ, что онъ этотъ вопросъ разберетъ, такъ какъ это зависитъ не отъ него только одного, позволивъ зайти для отвѣта завтра. Я вышелъ отъ него съ усилившеюся надеждою на свое освобожденіе. Особенно былъ этому радъ Г—овъ, рѣшившій, что въ воскресенье вмѣстѣ уѣдемъ черезъ Румынію. Къ вечеру, однакожъ, перспектива ухудшилась, такъ какъ получены были вѣсти отъ нѣкоторыхъ, уѣхавшихъ отсюда на прошлой недѣлѣ, что они задержаны были въ Вѣнѣ и высланы были оттуда не въ Румынію, а въ Швейцарію.

16/29 августа 1914 г.

Былъ вторично у Berzikshauptmann'а узнать о своей судьбѣ. Онъ велѣлъ подать письменное прошеніе и, повидимому, склоненъ отпустить меня на волю. Я вышелъ изъ его кабинета съ болѣе сильною надеждою, чѣмъ вчера. Оцѣниваю свои шансы теперь въ $^3/_4$ за и $^1/_4$ противъ. Написалъ прошеніе по-нѣмецки и подалъ въ его канцелярію. Теперь буду ожидать рѣшенія своей участи. Вновь видѣлся съ К—мъ, настроеннымъ очень весело. Онъ думаетъ зазимовать здѣсь и не особенно этимъ тяготится послѣ того, какъ получилъ деньги изъ Парижскаго отдѣленія Рус. для вн. тор. Банка, гдѣ у него текущій счетъ. Г—овъ также повеселѣлъ, получивъ по телеграфу изъ Харькова чрезъ Стокгольмъ 1900 кронъ. Онъ даже умѣрилъ свою крайнюю бережливость и терпѣливо ожидаетъ моего освобожденія. Больше всѣхъ унываетъ Я—ко со своею старухою матерью.

День сегодня чудный и я много гулялъ. Какъ странно при такой погодѣ ходить по улицамъ Карлсбада и видѣть закрытые рестораны, магазины и отели, въ коихъ ежегодно въ это время бурлитъ веселая жизнь. Оно какъ-то не гармонируетъ одно съ другимъ. Разговоры все одни и тѣже—на тему о томъ, можно ли ѣхать домой или лучше сидѣть на мѣстѣ и пока не трогаться.

17/30 августа 1914 г.

Утромъ меня подняли съ постели и вручили 2 депеши: одну отъ Т—ва изъ Лозанны, а другую изъ Копенгагена отъ неизвѣстнаго мнѣ Б—на, спрашивающаго, для передачи роднымъ, о моемъ здоровьѣ. Полагаю, что братъ чрезъ Данію кому-то поручилъ подать эту депешу, но окончательной увѣренности въ этомъ предположенiи у меня нѣтъ. Я на всякiй случай отвѣтилъ, что здоровъ и просилъ телеграфировать возможно ли проѣхать изъ Копенгагена въ Россiю.

Я потребовалъ отъ хозяина счетъ и заплатилъ причитающiяся ему деньги. Эта сумма чувствительно уменьшила мою наличность, но крайне тяжело жить въ кредитъ, хотя хозяинъ самъ это предлагаетъ. Пока деньги въ карманѣ имѣются — буду платить. Утромъ, чтобы хоть немного перемѣнить однообразный режимъ, я отсталъ отъ ежедневной своей компанiи и, позавтракавъ дома, отправился въ лѣсъ, скрывшись просто отъ своихъ. Это вѣчное нахожденiе 4-хъ человѣкъ совмѣстно и безконечное нытье на одну и ту же тему приведетъ къ тому, что станемъ другъ другу противны. Лишь въ 12-мъ часу я спустился въ café Boulevard, когда тамъ уже никого не было, и, пользуясь своимъ одиночествомъ, жадно набросился на столичныя и

пражскія газеты отъ 28 числа, которыя читалъ почти полныхъ 2 часа.

18/31 августа.

Отъ того же неизвѣстнаго мнѣ Б. изъ Копенгагена я получилъ телеграфный отвѣтъ, что оттуда въ Россію ѣхать возможно. Имѣются также свѣдѣнія о возстановленіи пароходнаго движенія между Любекомъ и Копенгагеномъ. Теперь я понимаю телеграфный запросъ застрявшей въ Гамбургѣ жены брата о ея намѣреніи выѣхать домой. Я все-таки ей написалъ, что ѣхать не совѣтую. При ея и дѣтей болѣзненности и мнительности эта поѣздка крайне трудна и рискованна. Кто-нибудь изъ нихъ вѣдь можетъ заболѣть въ пути, въ чужой странѣ, при ограниченности средствъ. Трудно себѣ представить весь ужасъ такого положенія. По газетнымъ сообщеніямъ Россія даже убрала свою таможню изъ Торнео и Богъ вѣсть что тамъ теперь дѣлается. Къ тому еще газеты сообщаютъ упорно о какихъ-то волненіяхъ въ Одессѣ, Кіевѣ и на Кавказѣ, а положеніе дѣла о войнѣ, судя по тѣмъ же газетнымъ сообщеніямъ, вполнѣ благопріятствуетъ тому, что пишутъ. Не хочется всему этому вѣрить, а все-таки, при отсутствіи доказательствъ противнаго, слѣдуетъ опасаться, что что-то происходитъ. Какъ же при этихъ условіяхъ имъ совѣтовать ѣхать? Счастливъ теперь тотъ, кто въ состояніи остаться на неопредѣленное время въ Швейцаріи или Италіи и переждать пару мѣсяцевъ пока это ужасное время пройдетъ.

Послѣдній день августа былъ на славу хорошъ. Тѣмъ не менѣе настроеніе такое, что тебя не влечетъ даже въ лѣсъ, на эти славныя прогулки. Все тяжелыя думы одолѣваютъ...

19 августа—1 сентября.

Уже сентябрь по новому стилю. Пересталъ уже совсѣмъ пить Mühlbrunn и изъ положенія кургаста перешелъ въ исключительное положеніе просто „сидѣльца“ въ чистомъ смыслѣ слова. По привычкѣ, однакожъ, я вышелъ въ 7 час. утра на улицу, но освобожденіе отъ водопитія, веденія счета времени между однимъ стаканомъ и другимъ и между „водопоемъ“ и завтракомъ лишь увеличило тоску, обостривъ еще больше томленіе бездѣліемъ. Исчезла послѣдняя обязанность, занимавшая все утро и заставлявшая тебя что-то дѣлать, считать и наблюдать. Теперь вставай когда хочешь, хоть въ 12 часовъ дня, завтракай когда угодно, сиди дома или выходи на улицу: все равно самъ ты здѣсь никому не нуженъ и дѣлай что заблагоразсудится. Только „пребывай“ и плати на каждомъ шагу деньги, запасъ коихъ становится все тоще и тоще.

Въ café Boulevard,—въ которомъ уже стерли на вывѣскѣ французское слово Boulevard и написали на этомъ мѣстѣ нѣмецкое „haus“ встрѣтилъ М. М., познакомившаго меня со своею подругою жизни. Она по происхожденію австрійская итальянка, говоритъ хорошо по-французски и весьма плохо по-русски, не молодая, но и не старая брюнетка и по призванію музыкантша. Онъ, повидимому, крѣпко къ ней привязанъ. Она очень шумлива и добродушна.

20 августа—2 сентября.

Черезъ г. Каменскаго въ Галацѣ, котораго рекомендовалъ д-ръ Шапиро, я отправилъ оффиціальное сообщеніе, что пріѣхать домой къ сроку я никоимъ образомъ уже не могу по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. Этимъ я только исполнилъ нужную формальность, но душа все-таки не-

спокойна, когда вспоминаешь, что другіе должны за тебя работать.

Здѣшнимъ англичанамъ дали спеціальный поѣздъ, который отвезъ ихъ до Швейцарской границы. Въ Карлсбадѣ теперь остались только 5 человѣкъ, которые по молодости лѣтъ не отпущены. Я изъ любопытства отправился на вокзалъ посмотрѣть отъѣздъ. Мѣстное населеніе тепло ихъ провожало и ничто не напоминало, что отъѣзжаютъ „враги". Провожали американскій консулъ м-ръ Hoover и крупнѣйшіе здѣшніе врачи. Прямо съ вокзала вся наша компанія, къ которой примкнули г-да Ц., отправилась пѣшкомъ въ кафе Egerländer пить чаю въ лѣсу. Какое поэтически-красивое мѣсто. Въ разговорахъ о злобахъ дня провели хорошо пару часовъ, восхищались чуднымъ видомъ на Карлсбадъ и его окрестности и говорили съ завистью объ уѣхавшихъ англичанахъ, которые уже находятся по дорогѣ домой. Съ какою радостью прочитали мы тамъ позднѣйшія газетныя извѣстія о томъ, что внутри Россіи все спокойно и что слухи о волненіяхъ въ Одессѣ ложны.

21 августа—3 сентября.

Послѣ отъѣзда англичанъ въ городѣ стало еще тише и одинъ за другимъ начали закрывать магазины. Какъ тѣни бродятъ одни русскіе, коихъ осталось около 300 человѣкъ, и все говорятъ объ ожидающемся особомъ поѣздѣ для русскихъ.

Черезъ Каменскаго въ Галацѣ я написалъ въ Россію нѣсколькимъ лицамъ и учрежденіямъ, съ коими имѣю дѣловыя связи, прося обождать моего возвращенія. Къ обѣду въ Hôtel Paradis Г—овъ принесъ вѣсть о предстоящемъ, будто бы, возвращеніи паспортовъ. Слухъ идетъ отъ М. М.

Больше всѣхъ, конечно, радуется самъ Г—овъ и уже предвкушаетъ сладость отъѣзда вмѣстѣ съ нами. Я бы предпочелъ поѣхать съ ними не въ общемъ русскомъ поѣздѣ, а какимъ либо другимъ. Меньше будетъ шума и гама, что весьма вредно и опасно въ непріятельской странѣ. Но вообще слѣдуетъ еще провѣрить, насколько этотъ слухъ вѣренъ. Завтра попытаюсь выяснить дѣло.

Отъ Л. получилъ депешу, что она съ дѣтьми собираются ѣхать черезъ Стокгольмъ—Торнео. Насилу ее не удержу—пусть ѣдетъ. Если и меня отпустятъ, было бы желательно пріѣхать въ Петербургъ ранѣе ихъ пріѣзда туда, чтобъ ихъ тамъ встрѣчать.

Какъ на смѣхъ въ этомъ году здѣсь стоитъ рѣдкая для Карлсбада въ это время года хорошая погода, до которой, впрочемъ, теперь никому никакого дѣла нѣтъ.

22 августа—4 сентября.

Встрѣтившись утромъ съ М. М., мы вмѣстѣ отправились въ полицію для еженедѣльной регистраціи и кстати спросили относительно вчерашняго слуха о возвратѣ паспортовъ, о чемъ М. М.—чу сообщилъ вчера д-ръ Шапиро. Отвѣтили, что они ничего объ этомъ не знаютъ. Позавтракавъ, въ „Cafehaus“ мы отправились на прогулку въ Schönbrunn. Къ намъ присталъ М—нъ и мы просидѣли тамъ до самаго обѣда. М. М. подѣлился съ нами своими приключеніями въ Россіи и во Франціи и все время выражалъ опасеніе, что, если насъ освободятъ, то не будемъ ли мы дома вспоминать съ сожалѣніемъ о спокойныхъ дняхъ, проведенныхъ въ прекрасномъ Карлсбадѣ. Запасшись деньгами на долгое время, онъ не особенно стремится уѣхать

отсюда, чувствуя себя здѣсь вовсе не такъ плохо. Онъ, конечно, по своему правъ, но мое положеніе совершенно другое. Если буду вынужденъ оставаться за границей все время войны, то прежде всего изсякнутъ всѣ источники моего существованія, что же будетъ потомъ?

Отъ Е. М. Субботкина получилъ отвѣтъ на свое письмо. Онъ сообщаетъ, что телеграфно донесъ Министерству о моемъ положеніи и что какъ въѣздъ, такъ и выѣздъ въ Италію и изъ Италіи для русск.-подданныхъ совершенно свободенъ. Оттуда же можно ѣхать въ Россію черезъ Константинополь, но по условіямъ пароходнаго сообщенія лучше ѣхать чрезъ Венецію, чѣмъ чрезъ Геную.

23 августа—5 сентября.

Печальный день. Былъ утромъ у Bezirkshauptmann'а г. Іордана, объявившаго мнѣ, что онъ по телефону говорилъ съ Вѣною и на мое прошеніе объ освобожденіи якобы получилъ отказъ. Лопнули всѣ надежды. Неужели остаться въ Карлсбадѣ зимовать? Даже на мой вопросъ, будетъ ли мнѣ по крайней мѣрѣ разрѣшено переѣхать въ Меранъ или въ Вѣну, получилъ отвѣтъ: „вы должны оставаться впредь до распоряженія въ Карлсбадѣ, никуда не отлучаясь". Между тѣмъ, задержанный одновременно съ нами К—чъ, какъ мы узнали вечеромъ, сегодня же получилъ паспортъ и завтра уѣзжаетъ. Г—въ и П., потерявъ надежду поѣхать вмѣстѣ со мною, рѣшили уѣхать безъ меня послѣ завтра черезъ Румынію. Они правильно поступаютъ и я не сомнѣваюсь, что они проѣдутъ безъ всякихъ препятствій. Жутко станетъ, когда останусь одинъ въ „Alice" и начнется осень. Холода уже начались и листья желтѣютъ. Что предпринять? Пойти ли къ

д-ру Ц., попросить его зайти къ Іордану похлопотать? Ужасно тяжело пойти просить лично о себѣ.

Получилъ сегодня двѣ депеши отъ Т—ова изъ Лозанны. Спрашиваетъ отъ имени родственниковъ и друзей относительно К—скаго, М—ова и какой то г-жѣ С—ской. Онъ пустилъ въ ходъ свою горячность и надѣлалъ много шума, напечатавъ какую то депешу въ русскихъ газетахъ, что принимаетъ на себя наведеніе справокъ обо всѣхъ розыскиваемыхъ. Это съ его стороны очень хорошее дѣло, если только не выйдутъ недоразумѣнія.

24 августа—6 сентября.

Не выдержалъ характера и отправился къ д-ру Ц—у, который любезно обѣщалъ отправиться завтра въ Bezirkshauptmannschaft похлопотать о возвратѣ паспорта. Блеснула еще одна надежда. Если и это средство не поможетъ пойду просить лично или черезъ д-ра Ц—ка разрѣшить мнѣ отлучиться на два дня въ Вѣну, съ цѣлью похлопотать тамъ въ министерствѣ о разрѣшеніи либо выѣхать изъ Австріи либо, въ крайнемъ случаѣ, остаться въ Вѣнѣ. Все-таки лучше будетъ тамъ, чѣмъ оставаться съ наступленіемъ осени въ Карлсбадѣ, одна мысль о чемъ повергаетъ меня въ уныніе. Неужели и въ этомъ откажутъ? Не допускаю.

За обѣдомъ принесли мнѣ сразу три заказныхъ письма изъ Гамбурга отъ своихъ. Письма—отъ 3-го и 4-го Сентября. Въ первый разъ такая скорость, отъ которой мы давно отвыкли. Изъ письма матери я убѣдился, что депеша о томъ, что она рада моему намѣренію поѣхать въ Россію, если возвратятъ паспортъ, дѣйствительно исходитъ отъ нея и не подложна, какъ я подозрѣвалъ. Она, бѣдная, согласна обречь себя на всѣ моральныя страданія,

которымъ она рискуетъ подвергать себя съ моимъ выѣздомъ туда, откуда она не будетъ имѣть возможности даже получать отъ меня письма, лишь бы я вырвался изъ моего ужаснаго положенія. Вотъ что значитъ сердце матери.

25 августа—7 сентября.

Рано утромъ встрѣтилъ М. М., которому передалъ полученный мною черезъ Лозанну телеграфный запросъ о немъ проф. А. В. Васильева. Затѣмъ мы отправились въ Шенбруннъ позавтракать. Послѣ завтрака мы совершили прекрасную прогулку по горамъ и пообѣдавъ въ Шенбруннѣ вернулись въ городъ на извощикѣ уже около 2-хъ часовъ. М. М. все время разсказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ по Испаніи и Марокко, и о разныхъ своихъ сношеніяхъ съ учеными и государственными людьми Франціи. Пріѣхавъ въ городъ я отправился искать М—ва, о которомъ справляется черезъ Трегубова Товарищъ Министра иностранныхъ дѣлъ Нератовъ. Я его разыскалъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ за безденежьемъ онъ переѣхалъ изъ роскошнаго Esplanade Palace на край города, въ Lothringerstrasse, и занимаетъ комнату въ 4-мъ этажѣ дома, гдѣ живутъ одни сапожники, прачки и прочая бѣднота. Чтобы его не сконфузить, я передалъ ему чрезъ квартирную хозяйку письмо и былъ очень радъ, что его не было дома. Передъ вечеромъ вся русская колонія радостно зашевелилась: получена бумага отъ испанскаго посольства, что всѣхъ женщинъ, дѣтей и мужчинъ старше 45 лѣтъ выпускаютъ въ Россію, за исключеніемъ насъ, задержанныхъ, коихъ всего 36 человѣкъ обоихъ категорій,—заложниковъ и военнообязанныхъ. Какъ намъ быть теперь?..

26 августа—8 сентября.

Большая перемѣна въ моей карлсбадской жизни. Сегодня утромъ уѣхали Г—овъ и П—тъ, съ которыми я проводилъ всѣ дни и вечера. Жили рядомъ въ 3-хъ комнатахъ, вмѣстѣ ежедневно завтракали, обѣдали, пили чай, ужинали, гуляли и дѣлили горе и радость. Гл—овъ любезно предложилъ мнѣ взаймы тысячу кронъ изъ ненужнаго теперь ему остатка. Онъ даже не хотѣлъ взять росписку, но я на этомъ настоялъ и онъ взялъ. Вмѣстѣ съ Я—ко, я ихъ провожалъ на вокзалъ. Въ этомъ же поѣздѣ уѣхало много народу изъ русскихъ, но не было обычнаго шума, несмотря на обиліе женскаго элемента. Общее унылое настроеніе пришибло и ихъ. Прямо съ вокзала я поѣхалъ въ Bezirkshauptmannschaft. Узнавъ уже, что д-ръ Ц. получилъ отказъ, я рѣшился просить хотя бы разрѣшенія поѣхать на 3 дня въ Вѣну лично похлопотать объ освобожденіи. Іорданъ мнѣ и въ этомъ отказалъ, предложивъ обратиться туда письменно, но прибавилъ, что по его мнѣнію ходатайство не увѣнчается успѣхомъ. Эта же участь постигла и Я—ко, который отправился туда, взявъ съ собою свою 79-лѣтнюю мать и д-ра Морачевскаго. И эта демонстрація не помогла—послѣдовалъ категорическій отказъ. В. С. Ш—нъ телеграммою черезъ Тр—бова предлагаетъ мнѣ выслать деньги. Я отвѣтилъ, что не нужно.

27 августа—9 сентября.

Сговорившись съ К—скимъ, Я—ко, и М—номъ мы отправили утромъ депешу на имя испанскаго посланника въ Вѣнѣ съ просьбою похлопотать объ освобожденіи насъ. Чтобы отвлечь отъ насъ всякое подозрѣніе въ нелойяльности, я предъявилъ текстъ

депеши Іордану, который на отправку таковой далъ на словахъ свое согласіе. Вернувшись отъ него, мы узнали, что сегодня же вновь отобраны паспорта у цѣлаго ряда лицъ и даже отъ женщинъ, будто бы по распоряженію изъ Вѣны. Всѣ, конечно, бросились въ Bezirkshauptmannschaft похлопотать, но никакого толку не добились. Слухъ объ этомъ событіи съ быстротой молніи распространился среди немногочисленныхъ уже членовъ русской колоніи, и всѣ бросились стремглавъ выѣхать съ послѣобѣденнымъ поѣздомъ изъ Карлсбада, чтобы спастись отъ незавидной участи, подобно нашей. Теперь здѣсь остались лишь такіе, какъ мы, задержанные, затѣмъ русскіе поляки, не знающіе, куда имъ отправиться, и такіе, которые не могутъ выѣхать за неимѣніемъ денегъ. Бургомистръ получилъ отъ испанскаго посольства 5000 кронъ въ пользу русскихъ, уѣзжающихъ на родину, и не знаетъ теперь, что съ этими деньгами сдѣлать, такъ какъ одни уже уѣхали, а другіе или не желаютъ или не имѣютъ разрѣшенія уѣхать.

Получилъ сегодня письмо изъ Гамбурга отъ семьи брата, что они на этихъ дняхъ выѣзжаютъ въ Россію черезъ Швецію.

28 августа—10 сентября.

Совершилъ еще одно дѣйствіе въ отношеніи своего освобожденія—отправилъ прошеніе на имя высшаго учрежденія въ Вѣнѣ, вѣдающаго все дѣло о военноплѣнныхъ — Kriegsüberwachungsamt, объ освобожденіи меня и о возвратѣ паспорта, указывая на свое болѣзненное состояніе. На прошеніи сдѣланы надписи д-ромъ Шапиро и городовымъ врачемъ (Stadtphysicus) д-ромъ Ahnelt'омъ. Д-ръ Жупникъ былъ настолько любезенъ, что самъ пере-

писалъ сочиненное мое прошеніе на машинѣ и попросилъ по телефону д-ра Анельта сдѣлать требуемую надпись. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Не пропадутъ ли даромъ 12 кронъ расходовъ.

А отобраніе паспортовъ продолжается. Что всего страннѣе, это то, что сегодня отобраны паспорта у нѣсколькихъ поляковъ, въ томъ числѣ у редактора Варшавскаго Курьера Олехновича. Выяснилось, что это сдѣлано по предписанію изъ Вѣны. Въ то же время я получилъ черезъ Тр—ова отъ профессора Васильева новую депешу для К—скаго, въ которой сообщается, что онъ, проф. В—евъ, имѣетъ „espérance fondeé" скоро съ нимъ повидаться. М. М. придаетъ этому большое значеніе, увѣряя, что Васильевъ такой основательный человѣкъ, что ни одного лишняго слова не скажетъ.

Вечеромъ я пріятно провелъ часокъ за ужиномъ въ Асторіи въ обществѣ К—го съ женою, Харьковскаго прис. пов. Р—номъ съ женою и нашего коллеги по плѣну Саратовскаго прис. пов. С—на.

29 августа—11 сентября.

Сегодня полицейскій день. Явился на регистрацію и узналъ, что количество задержанныхъ уже доходитъ до 60 человѣкъ. Женщинъ всѣхъ отпустили и оставили однихъ мужчинъ. Мы этому очень рады, такъ какъ для насъ было бы невыносимо тягостно заботиться здѣсь объ этихъ несчастныхъ женщинахъ. За завтракомъ видѣлся съ М. М. и узналъ о новомъ разочарованіи. На депешу нашу испанскому послу полученъ уже отвѣтъ, что наше ходатайство отклонено австрійскимъ правительствомъ. Это вновь повергло насъ въ уныніе. Несмотря на это, 17 человѣкъ изъ числа задержанныхъ, по совѣту здѣшняго врача д-ра Я—ки,

отправили депешу сегодня на имя австрійскаго министра государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи котораго находятся здѣшнія минеральныя воды, прося его заступничества.

Почтовыя сношенія настолько улучшились, что теперь вѣнскія газеты уже получаются здѣсь въ почти нормальномъ порядкѣ: утреннія—на слѣдующее утро, а вечернія—къ слѣдующему вечеру. Доѣхать же отсюда до Вѣны уже можно въ 10 часовъ времени. Отправившись сегодня послѣ завтрака съ М. М. въ его любимую прогулку въ Schönbrunn, мы уже имѣли при себѣ вчерашнюю Neue Freie Presse, и я ее почти всю прочиталъ ему вслухъ. Обо многомъ пришлось намъ потолковать по поводу прочитаннаго, что отняло у насъ все дообѣденное время. Послѣ обѣда мы съ Я—ко отправились въ Fischern и зашли въ кинематографъ, гдѣ пробыли болѣе 2-хъ часовъ. Тяжелая драма, которую мы тамъ видѣли, еще болѣе испортила наше дурное настроеніе.

30 августа—12 сентября.

Въ безсонный предразсвѣтный часъ, когда голова занята одною мыслью—о желанной свободѣ, у меня созрѣла мысль использовать для достиженія своей цѣли свое знакомство съ итальянскимъ посломъ въ Петербургѣ, маркизомъ Карлотти. Личныя просьбы, тѣмъ болѣе къ высокопоставленнымъ лицамъ, мнѣ всегда были непріятны, и я чрезвычайно рѣдко къ нимъ прибѣгаю, но тяжелая нужда на этотъ разъ взяла верхъ, и я рѣшился сдѣлать этотъ шагъ, кажется послѣдній, къ своему освобожденію, отправивъ отъ своего имени испанской миссіи въ Букарештѣ большую депешу на французскомъ языкѣ съ просьбою передать таковую по телеграфу

въ Петербургъ итальянскому послу, котораго прошу объ оказаніи мнѣ содѣйствія черезъ его коллегу въ Вѣнѣ. Своимъ порядкомъ я этимъ же путемъ телеграфировалъ А. С. Ермолову, прося его поддержать мою просьбу лично у Карлотти. По логикѣ вещей, если только Карлотти согласится что-нибудь сдѣлать для меня, это должно увѣнчаться успѣхомъ, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, все дѣло окончится лишнею тратою 22-хъ кронъ на депешу, которая и не дойдетъ по назначенію.

Вечеромъ получилъ депешу отъ Гл—ова и П—та изъ Яссъ, что они уже переѣзжаютъ русскую границу. Воображаю, какъ они счастливы: они такъ рвались домой.

31 августа—13 сентября.

Въ послѣдній день русскаго Августа здѣсь началась настоящая Карлсбадская осень. Дождь пошелъ еще съ ночи и цѣлый день не прекращался. Это наводитъ на всѣхъ насъ настоящее уныніе. Что будетъ дальше? На улицахъ пусто, отели, виллы и магазины заколочены, а лица у всѣхъ постныя. Война все болѣе и болѣе осложняется и не только конца, но и середины не видно. Промелькнувшая въ газетахъ вѣсть что президентъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Вильсонъ, якобы, рѣшилъ предложить миръ, ни въ комъ не встрѣчаетъ вѣры. Р—ны собираются во вторникъ уѣхать. По этому поводу мы всѣ собрались въ 4 часа въ Asgard у К—скихъ, какъ бы съ прощальнымъ визитомъ, и за чаемъ побесѣдовали о всякой всячинѣ,—больше, конечно, о нашихъ попыткахъ къ полученію возможности уѣхать на родину. М. М. имѣетъ большія связи среди австрійскихъ государственныхъ людей и могъ бы получить разрѣшеніе

переѣхать въ Вѣну, но самъ не хочетъ похлопотать объ этомъ. Я же не перестаю объ этомъ мечтать, въ случаѣ если въ полномъ освобожденіи получу отказъ. Чтобы разсѣять хоть сколько-нибудь щемящую тоску, мы отправились къ Hanika поужинать разочекъ „по настоящему“, захвативъ по дорогѣ Я—ко. За ужиномъ музыка играла веселые попури, но это еще болѣе усилило мою тоску.

1/14 сентября.

Наступилъ русскій сентябрь. Помимо наступленія календарной осени этотъ срокъ имѣетъ для меня особенное значеніе, такъ какъ съ сегодняшняго дня, не будь войны, я бы уже былъ на своемъ посту. Отъ своихъ правленій я никакихъ свѣдѣній не имѣю и не знаю, что тамъ дѣлается. Если даже ими письма и телеграммы не получены, то они вѣрно знаютъ о моей судьбѣ изъ газетъ и по разсказамъ возвратившихся на родину, но я никакъ не могу успокоиться, когда вспоминаю, что въ такое время, когда мое присутствіе болѣе всего необходимо, я вынужденъ отсутствовать. На всякій случай я написалъ Л. Г. чрезъ уѣзжающаго завтра Р—на, прося его лично переговорить съ моими правленіями и сообщить имъ о моемъ положеніи. Увѣренности въ томъ, что письмо до него дойдетъ, у меня нѣтъ, но я сдѣлалъ то, что могъ. Погода съ утра была немного лучше вчерашней, почему, выйдя на пустую Alte Wiese, я немного пришелъ въ себя, но къ вечеру вновь пошелъ дождь. Повидимому — осень вступила въ свои права и улучшенія нечего ждать.

Пока что, я совершилъ то, что задумалъ уже нѣсколько дней послѣ того, какъ Г—овъ оставилъ мнѣ тысячу кронъ: инкассировалъ въ Wiener Bank-

Verein остатокъ моего аккредитива и перевелъ матери немного денегъ. Не вѣрится мнѣ что-то словамъ М—на, что она, будто-бы, имѣетъ еще нѣсколько денегъ въ запасѣ. Если у нея и было коечто, то она, во-первыхъ, уже 4 мѣсяца ничего не получала отъ меня, во-вторыхъ затратила много на семью брата, застрявшую въ Гамбургѣ. Одно опасеніе, что она можетъ быть нуждается, мнѣ во много разъ тяжелѣе собственнаго безденежья.

2/15 сентября.

Утромъ уѣхали Р—ны и мы ихъ провожали на вокзалъ. Съ ними въ одномъ поѣздѣ уѣхали г-да Ц—съ и многіе другіе русско-подданные. Кажется,— теперь здѣсь остались одни только задержанные и нѣсколько десятковъ такихъ, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, сами не хотятъ ѣхать. Наша колонія все болѣе и болѣе суживается. Даже поляки, ни за что не желавшіе прежде ѣхать чрезъ Румынію, предпочитая выжидать исхода военныхъ дѣйствій на ихъ родинѣ, теперь стали уѣзжать. К—скій, которому почему-то возвратили паспортъ, тоже собирается уѣхать въ Петербургъ этимъ путемъ. Р—нъ уѣхалъ не безъ опасенія, что его по молодости лѣтъ могутъ задержать на границѣ, тѣмъ болѣе, что онъ по паспорту значится ратникомъ ополченія второго разряда.

Необходимость понемногу пріучаетъ меня къ чтенію, которое до сихъ поръ мнѣ давалось весьма трудно. Уѣзжая изъ Петербурга я набралъ дома полный чемоданъ матеріаловъ, больше всего протоколовъ съѣздовъ и старыхъ, непрочитанныхъ журналовъ, съ тѣмъ, чтобы прочесть все это въ дорогѣ и на курортахъ, и несмотря на 7-недѣльное пребываніе здѣсь, я до сихъ поръ всего этого запаса

не прочиталъ, такъ какъ состоянiе духа таково, что никакое серьезное чтенiе не лѣзетъ въ голову. Начнешь читать—и чрезъ двѣ минуты мысли оказываются тамъ, гдѣ онѣ были цѣлый день, т. е. гдѣ мои близкiе друзья, дѣла, служебныя и общественныя обязанности...

3/16 сентября.

Депеша Ш—на, полученная мною еще третьяго дня черезъ Тр—ва, о томъ, что могу быть спокойнымъ относительно положенiя моихъ дѣлъ, сняла съ меня тяжелую заботу. Не стану себя обманывать: при всемъ оптимизмѣ я почти не сомнѣваюсь, что сбереженiя моихъ многолѣтнихъ трудовъ безвозвратно потеряны и съ прiятною мечтою объ обезпеченной и спокойной старости приходится разстаться, но противъ этого ничего подѣлать не могу. Если разразилось подобное несчастье надъ всѣмъ мiромъ, то не могу же я претендовать на исключенiе для меня.

Обѣдалъ съ К—скими у Hanika, и М. М. показалъ мнѣ полученную имъ отъ испанскаго посланника въ Румынiи депешу о томъ, что онъ хлопочетъ о его освобожденiи въ Вѣнѣ. М. М. самъ не знаетъ, откуда это взялось. Очевидно, имѣется какая то связь между этою депешею и телеграммою проф. Васильева, въ которой указано на esperance fondée. Этотъ фактъ поднялъ нѣсколько мои надежды на мою депешу къ Карлотти.

Вечеромъ человѣкъ 15 русскихъ заложниковъ собралось въ Кафе Штейнеръ посовѣтоваться по поводу предположенiя корпорацiи Карлсбадскихъ врачей отправить депутацiю въ Прагу и Вѣну похлопотать за насъ. Несмотря на неизбѣжные споры N...., старавшагося помѣшать этому,—онъ впослѣдствiи,—самъ призналъ необходимость этой по-

пытки, рѣшено было собрать 600 кронъ на эту поѣздку. На меня возложены обязанности казначея. Пока собрано только 488 кронъ.

4/17 сентября.

Въ городѣ появилась новая категорія людей— бѣглецы изъ Галиціи, гдѣ происходятъ всѣ ужасы войны, и съ каждымъ днемъ число этихъ бѣглецовъ здѣсь растетъ. Особенно это замѣтно въ Фишернѣ гдѣ они обыкновенно поселяются, какъ поляки, такъ и евреи. Сегодня, говорятъ, пріѣхало человѣкъ 100, преимущественно нищета, но есть и состоятельныя семьи.

На поѣздку врачей у меня набралось 507 кронъ. Конфуза, тѣмъ не менѣе, не будетъ, такъ какъ корпорація рѣшила послать не трехъ, а двухъ—д-ровъ Я—тку и Ц—ника, а въ Вѣнѣ къ нимъ могутъ присоединиться другіе карлсбадскіе врачи, уже находящіеся теперь тамъ, изъ числа живущихъ обыкновенно зимою въ Вѣнѣ. Сегодня я получилъ письма отъ сестры и отъ ея младшей дочурки. Послѣднее мнѣ доставило большое удовольствіе. Она пишетъ совсѣмъ какъ взрослый человѣкъ и такимъ же бойкимъ тономъ, какъ и говоритъ. Тема, конечно, школьная. Ее очень занимаетъ тотъ отпечатокъ, который теперь война наложила на школьную жизнь. Ее, какъ видно изъ письма, все это очень занимаетъ, даже захватываетъ. Для дѣтей ея возраста эти ужасныя событія впослѣдствіи, въ ихъ предстоящей жизни, можетъ быть, будутъ имѣть компенсацію въ лучшихъ дняхъ, а для насъ, стариковъ, и этого утѣшенія нѣтъ. Намъ суждено видѣть и слышать одни лишь страданія и горе.

Л. съ дѣтьми все еще въ Гамбургѣ и до сихъ поръ не могутъ уѣхать домой. Какъ ихъ жаль, несчастныхъ мучениковъ.

5/18 сентября.

Въ полиціи на явкѣ я сегодня видѣлъ много новыхъ лицъ, которыхъ никогда еще не встрѣчалъ. Большинство изъ нихъ—люди молодые, задержанные какъ способные къ военной службѣ. Нашего брата, стариковъ, въ роли заложниковъ, сравнительно мало. Отношенія къ намъ со стороны полиціи—самыя предупредительныя. Послѣ регистраціи М. М. увлекъ меня въ Кафе Boulevard позавтракать. Тамъ мы застали Я—ко и М—на и долго бесѣдовали на злобы дня. Настроеніе у М. М. значительно поднялось. Онъ со всѣхъ сторонъ получаетъ депеши и деньги, преимущественно чрезъ испанскія посольства, и самъ не знаетъ отъ кого. Оттуда мы пошли по книжнымъ магазинамъ, гдѣ М. М. накупилъ много книгъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ по исторіи. Пріятно проводить время съ этою крупною личностью, но одна его особенность, отъ него отнюдь не зависящая, насъ всѣхъ раздражаетъ—его громкій голосъ и постоянный хохотъ—продуктъ его веселой и живой натуры. Въ эти дни русскимъ не слѣдовало бы въ присутствіи австрійцевъ обращать на себя вниманіе въ публичныхъ мѣстахъ и тѣмъ болѣе громко хохотать. Они не понимаютъ нашего языка, и, не зная къ чему этотъ хохотъ относится, могутъ принимать это на свой счетъ.

Послѣ обѣда былъ въ Кургаузѣ на концертѣ. Было много нѣмцевъ, главнымъ образомъ мѣстная публика. Оказывается, что даже въ зимнее время карлсбадцы имѣютъ эти ежедневные даровые концерты. Оркестръ содержится круглый годъ за счетъ особаго сбора съ пріѣзжающихъ и играетъ ежедневно, кромѣ субботъ и понедѣльниковъ.

6/19 сентября.

Сегодня получилъ телеграмму изъ Роттердама отъ Зейме, что имъ только теперь получено чрезъ Мадридъ мое письмо отъ 14 августа. Письмо, такимъ образомъ, было въ пути 22 дня. Онъ сообщаетъ, что телеграфныя сношенія Голландіи съ Россіей почти нормальны, а банковыя операціи возможны только телеграфнымъ путемъ. Мои депеши онъ любезно отправилъ по назначенію, но такъ какъ онѣ у меня не откопированы, то я уже не помню, кому онѣ адресованы и въ чемъ заключаются. Скорѣе всего въ настоящее время въ нихъ уже никакой надобности нѣтъ и онѣ являются только повтореніемъ телеграммъ, посланныхъ чрезъ Швейцарію Т—вымъ. Уже прошло больше недѣли какъ отправилъ прошеніе въ Вѣну и телеграмму итальянскому послу въ Петербургъ и ниоткуда никакого отвѣта не имѣю. Это уже начинаетъ меня волновать и уныніе растетъ. Неужели всѣ эти попытки останутся безрезультатны и неопредѣленность положенія будетъ и впредь такъ продолжаться какъ до сихъ поръ? Вѣдь эти шаги послѣдніе, на которые я питалъ кое-какія надежды. На поѣздку врачей въ Прагу и Вѣну я очень мало разсчитываю, хотя сегодня внесъ для этой цѣли собранные 500 кронъ д-ру Янаткѣ, который выѣзжаетъ вечеромъ въ Прагу совмѣстно съ д-ромъ Жупникомъ.

Сейчасъ читалъ въ газетахъ, что Максъ Нордау въ качествѣ австрійскаго подданнаго задержанъ во Франціи и находится тамъ въ какой то казармѣ въ Бордо. Какой это абсурдъ. Этотъ маститый писатель 38 лѣтъ живетъ во Франціи, крѣпко ее любитъ, за что многократно подвергался упрекамъ со стороны нѣмецкихъ публицистовъ, и ему же приходиться терпѣть за свой паспортъ....

7/20 сентября 1914.

Пустота въ городѣ, омраченная, вдобавокъ, дурнѣйшею погодою, жестоко гнететъ и душитъ. Жить не хочется—вотъ самое вѣрное изображеніе существующаго настроенія духа. На эту тему у меня была сегодня подробная бесѣда за обѣдомъ съ Я—ко. Онъ того мнѣнія, что именно теперь интересно будетъ жить. Онъ чего то ожидаетъ отъ этой войны, которая, по его мнѣнію, будетъ послѣднею и принесетъ всеобщее благо. Я же держусь противоположнаго взгляда . . . .

. . . .

. . . .

8/21 сентября.

Вѣдь нѣтъ еще, собственно, и двухъ мѣсяцевъ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, а кажется, что прошла цѣлая вѣчность. Неужели тамъ дѣйствительно все такъ и пошло вверхъ дномъ, какъ намъ здѣсь кажется? Военное время какъ-то совершенно иначе вліяетъ на человѣческую психологію и все, какъ реальные факты, такъ и отвлеченныя понятія, приняли другой масштабъ, пошли по совершенно другому руслу. Невозможное стало возможнымъ и возможное невозможнымъ. Мѣсяцъ уже болѣе не мѣсяцъ, а день не день.

Въ газетахъ разсказываютъ про какихъ-то двухъ сестеръ въ Прагѣ, которыя рѣшили проспать все время войны. Это желаніе сдѣлалось ихъ idèe fixe и онѣ дѣйствительно научились, путемъ самовнушенія, спать почти цѣлыя сутки. Ихъ, бѣдныхъ, отправили въ больницу. Иначе, конечно, поступить съ ними не могли, но мнѣ ихъ душевное состояніе вполнѣ понятно. Если нельзя умереть совсѣмъ безъ насилія надъ собою, то заснуть на все это время,

сколько бы оно ни длилось, было бы теперь самое разумное, что возможно придумать.

9/22 сентября.

Сегодня еврейскій новый годъ и нѣсколько человѣкъ изъ нашей колоніи, православныхъ и евреевъ, сговорившись, отправились въ синагогу на Parkstrasse, послушать пѣніе. Пошелъ и я. Синагога очень красива снаружи и внутри, канторъ и хоръ превосходно и задушевно пѣли. Проповѣдь раввина была великолѣпна по формѣ и талантливо настроена, но религіознаго экстаза она не вызывала. Если многіе изъ молящихся и плакали, то причина въ томъ историческомъ моментѣ, съ которымъ она совпала и о которомъ она трактовала. Она бы одинаково подѣйствовала, если бы была произнесена не только въ этотъ день и въ этомъ мѣстѣ, но кѣмъ угодно и гдѣ угодно. Общее несчастье такъ велико, всѣмъ такъ тяжело на душѣ и горе столь неизмѣримо, что стоитъ создать соотвѣтствующую обстановку и слезы сами потекутъ безъ цитатъ изъ Священнаго Писанія и безъ ссылокъ на патріарха Авраама. Надо отдать справедливость проповѣднику: онъ горячо говорилъ о любви къ отечеству, объ обязанностяхъ каждаго гражданина приносить возможныя жертвы на алтарь родины и т. п., но ни словомъ не обмолвился о „врагахъ" и не вызывалъ вообще къ чувствамъ вражды и злобы, на чемъ въ такихъ случаяхъ вообще принято играть не безъ успѣха. Это замѣтилъ даже антисемитъ М—нъ.

Отъ д-ра Жупника получена депеша изъ Праги, что намѣстничество согласно отпустить всѣхъ лицъ старше 50 лѣтъ безусловно, а лицъ моложе этого возраста,—если докажутъ надлежащимъ порядкомъ свое болѣзненное состояніе. Окончательное рѣшеніе вопроса послѣдуетъ въ Вѣнѣ, куда депутація вчера

выѣхала. Такимъ образомъ вновь блеснулъ лучъ надежды, и у нашихъ стариковъ нѣсколько поднялся упавшій было духъ. Словомъ—вѣчные приливъ и отливъ душевнаго настроенія....

10/23 сентября.

Три дня подъ рядъ отправлялъ депеши съ оплаченными отвѣтами и ни одного отвѣта не имѣю. Теперь ясно, почему такъ долго не имѣю письма отъ своихъ изъ Гамбурга. Къ чему эта жестокость въ отношеніи такой невинной корреспонденціи, какъ моя—одинъ Аллахъ вѣдаетъ.

Второй день какъ мы вдвоемъ съ Я—ко, пользуясь остатками хорошей погоды, отправляемся пѣшкомъ въ С-тъ Бернардъ, дѣлая туда и обратно 8 верстъ, и тамъ же обѣдаемъ. Великолѣпная лѣсная дорога и хорошій ресторанъ. Гуляешь въ этой чудной природѣ и на душѣ отъ этого становится еще тяжелѣе: разгаръ осенняго сезона, работы, въ особенности при теперешнихъ условіяхъ, было бы полныя руки, а ты изволь ходить по лѣсамъ Карлсбада и безконечно „отдыхать". Когда же этому мученію будетъ конецъ? Днемъ заходилъ къ К—му, который въ своемъ Asgard'ѣ чувствуетъ себя недурно, но все-таки принимаетъ мѣры къ своему освобожденію. Думаю, что при его связяхъ, онъ все-таки добьется этого желаннаго событія ранѣе, чѣмъ мы. Вечеромъ пріѣхали д-ра Янатка и Жупникъ. Завтра узнаемъ результаты ихъ поѣздки.

11/24 сентября.

На мое заявленіе о недоставленіи трехъ заказныхъ писемъ въ Гамбургъ по 3-мъ распискамъ я сегодня получилъ оффиціальный отвѣтъ, что одно изъ нихъ возвращено въ Карлсбадъ, а остальныя лежатъ въ Гамбургѣ на почтѣ невостребованными.

Что же это такое? Л. мнѣ телеграфировала, чтобы я ей писалъ до востребованія, почему не допускаю, чтобы она не справлялась на почтѣ, а ей писемъ не выдаютъ. Эта безсмысленная жестокость выводитъ меня изъ себя. Теперь мнѣ ясно неполученіе отвѣтовъ на всѣ мои телеграммы. Не знаю, чѣмъ я это заслужилъ. Другіе, кажется, получаютъ по крайней мѣрѣ депеши.

Былъ у д-ра Янатки и говорилъ съ нимъ о его миссіи въ Прагѣ и Вѣнѣ. Испанскій посланникъ, по его словамъ, отнесся къ вопросу вполнѣ безучастно и онъ совершенно не въ курсѣ дѣла, австрійскія же власти, какъ мѣстныя, такъ и центральныя, согласны выпустить всѣхъ постарше 50 лѣтъ, но все это частные разговоры, ни для кого необязательные, и почему то у всѣхъ здѣсь сложилось убѣжденіе, что отъ этой поѣздки врачей толку будетъ мало. Янатка, тѣмъ не менѣе, проситъ дать ему для отправки въ Вѣну подробный списокъ всѣхъ задержанныхъ здѣсь русскихъ. Нечего дѣлать, приходится составлять этотъ списокъ, авось кое что изъ этого выйдетъ.

12/25 сентября.

Сегодня начинается второй мѣсяцъ веденія мною сего дневника. Кому и какая отъ него будетъ польза? Онъ настолько однообразенъ, вращаясь все вокругъ одного вопроса, что мнѣ самому было бы скучно его читать—чего я еще не пробовалъ. Я все-таки буду продолжать писать, пока не уѣду или не заболѣю, такъ какъ смотрю на него какъ на хронологическій матеріалъ, могущій на что нибудь пригодиться. Когда нибудь, если суждено будетъ мнѣ держать его въ рукахъ, онъ, можетъ быть, послужитъ мнѣ канвою для воспоминаній о моихъ теперешнихъ переживаніяхъ. При слабости моей памяти считаю эти ничтожныя замѣтки для себя полезными.

Казалось бы, при образѣ жизни, который веду теперь,—только читай да почитывай. Это, однако жъ, далеко не оправдывается на дѣлѣ. Причиною этому тѣснота нашего кружка и то состояніе духа, въ которомъ находимся. Жажда свободы столь велика у каждаго изъ насъ, что какъ только сойдемся вдвоемъ или втроемъ — начинаются безконечные разговоры и пересуды о возможности вырваться, о тѣхъ или иныхъ способахъ достиженія этой всѣми желанной цѣли, и этимъ разговорамъ, предположеніямъ и гаданіямъ просто конца нѣтъ, и такъ уходятъ цѣлые дни и вечера въ самомъ безплодномъ пожираніи времени. Придешь домой, возьмешь книгу въ руки и въ памяти опять всплываютъ все тѣ же мысли, заполняющія весь твой мозгъ. Гдѣ же тутъ читать?

13/26 сентября.

Уѣхала въ Россію мать Я—ко съ двумя сопровождающими ее дѣвицами. Для него это событіе имѣетъ немалое значеніе. Съ одной стороны у него теперь гора спала съ плечъ. Онъ все боялся, что старуха здѣсь умретъ и кромѣ того она его связывала въ отношеніи переѣзда въ какое либо другое мѣсто, если бы это понадобилось. Съ другой стороны онъ остался одинъ и еще больше будетъ тосковать. Сопровождающей ее фельдшерицѣ я далъ пару писемъ на имя брата и Ш—на, но не увѣренъ, что ей удастся провезти эти письма чрезъ австрійскую границу. Можетъ быть, не разрѣшатъ вообще передавать какія бы то ни было письма. Большая будетъ досада, если письма не будутъ доставлены, такъ какъ эти люди, кажется, послѣдніе, выѣхавшіе безпрепятственно въ Россію; остающіеся такіе же невольники какъ я, и вѣроятно смогутъ уѣхать лишь тогда, когда самъ смогу.

Д-ръ Ц. обѣщалъ написать какому-то вліятельному лицу въ Вѣну, съ просьбою похлопотать за насъ. Очень мало вѣрю въ успѣхъ этой новой попытки, но пусть пишетъ. Отъ Т-ва изъ Лозанны получилъ депешу, что онъ уѣзжаетъ въ Россію. Такимъ образомъ эта телеграфная передача прекращается, но теперь дѣло уже наладилось черезъ Зейме, хотя стоимость телеграфированія черезъ Голландію значительно дороже.

14/27 сентября

Начинаетъ холодѣть, хотя сухо. Ночью температура стояла ниже нуля. Возникаетъ вопросъ относительно зимняго платья. Обзавестись всѣмъ необходимымъ, т.-е. всѣмъ тѣмъ, чего въ изобиліи у меня имѣется дома,—это значитъ произвести крупный расходъ и изрядно истощить свою скудную наличность. Обожду еще нѣсколько дней, потомъ надо будетъ остановиться на какомъ либо рѣшеніи. Простудиться въ Карлсбадѣ—тоже не особенно пріятное дѣло.

Сегодня воскресенье. Собственно говоря у меня теперь вѣчный праздникъ. Образъ жизни совершенно тотъ же,—что въ будни, что въ праздникъ. Спать, ѣсть, пить, гулять и читать, преимущественно газеты. Вотъ всѣ мои ежедневныя занятія, всегда одинаковыя. Тѣмъ не менѣе внѣшній видъ улицы — закрытые магазины, безлюдье до полудня и оживленіе вечеромъ, не можетъ не отразиться на моемъ настроеніи. Бездѣлье и праздничное шатанье по улицамъ и променадамъ въ этотъ день менѣе давятъ на душу, такъ какъ сегодня всѣ это дѣлаютъ и ты ничѣмъ въ данномъ занятіи не отличаешься отъ всѣхъ другихъ людей. Угнетеніе какъ то нѣсколько уменьшается, и вечеромъ, передъ

сномъ, берешься за дневникъ въ нѣсколько облегченномъ, противъ вчерашняго, состояніи духа, такъ какъ менѣе тяготишься своимъ невольнымъ бездѣльничаніемъ, когда вокругъ тебя всѣ бездѣльничаютъ.

15/28 сентября.

Если бы мнѣ кто нибудь сказалъ три мѣсяца тому назадъ, что я 15 Сентября буду обѣдать въ Пиркенгаммерѣ, а въ 9 часовъ вечера сидѣть въ кафе за игрою въ домино, я бы этого человѣка принялъ за сумасшедшаго. Это невѣроятное оказалось горькою дѣйствительностью. Неисповѣдимы пути Твои, о Господи!

Отправились мы сегодня обѣдать, конечно, пѣшкомъ, въ деревню Pirkenhammer. Къ нашему путешествію присоединилось новое лицо—Ш—въ. Онъ пріѣхалъ сюда до войны съ женою на собственномъ автомобилѣ. Машину у него приняли, обѣщавъ уплатить за пользованіе, а самого задержали. Это Московскій старовѣръ, изъ весьма богатой семьи, извѣстный какъ въ нефтепромышленномъ, такъ и въ мануфактурномъ мірѣ, но физически разбитый, съ дрожащими руками и вообще несчастнаго вида человѣкъ. Жена его,—экстравагантно одѣвающаяся француженка, тратитъ безумныя деньги на туалеты и держитъ мужа твердо въ рукахъ. Не успѣли мы пообѣдать, какъ она тоже пріѣхала, но я и Я—ко вернулись сейчасъ же послѣ обѣда въ Карлсбадъ, оставивъ Ш—выхъ съ М—номъ. Къ вечеру хлынулъ большой дождь, но довольно теплый. Есть надежда, что погода еще продержится, и это насъ пока утѣшаетъ, такъ какъ при хорошей погодѣ мы все-таки можемъ гулять и почаще встрѣчаться другъ съ другомъ.

16/29 сентября.

Составилъ для д-ра Янатки списокъ всѣхъ задержанныхъ въ Карлсбадѣ. Всего заявили о себѣ 50 человѣкъ, изъ коихъ одинъ уже получилъ разрѣшенiе переѣхать въ Баденъ, чѣмъ и воспользовался. Въ это число входятъ обѣ категорiи — обязанные военною службою, т. е. молодые, и заложники. Послѣдняя категорiя, къ которой принадлежу и я, состоитъ изъ 16 душъ, въ числѣ коихъ находятся такiя, что задержанiе ихъ въ качествѣ русскихъ заложниковъ можетъ возбудить только смѣхъ и доказываетъ полное непониманiе здѣшними властями внутреннихъ отношенiй въ Россiи. Въ послѣднiе дни Карлсбадъ сталъ болѣе оживляться противъ прежняго. Появляются на улицахъ новыя лица, цѣлыми семьями, говорящiя между собою преимущественно по польски. Все это бѣглецы изъ Галицiи и Буковины. Прежде бѣжали изъ Львова, а теперь уже бѣгутъ изъ Кракова и другихъ городовъ. Говорятъ, что многiе собираются здѣсь зимовать, такъ какъ всѣ увѣрены, что война ранѣе весны не окончится. Не веселая намъ рисуется картина въ томъ случаѣ, если насъ будутъ держать до конца войны. Не хочется этому вѣрить.

17/30 сентября.

Сегодня посѣтилъ въ первый разъ вновь назначеннаго сюда американскаго консула м-ра Юнга и просилъ его отъ имени всѣхъ своихъ компатрiотовъ что-нибудь сдѣлать для нашего освобожденiя, при чемъ передалъ ему списокъ всѣхъ насильно задержанныхъ въ Карлсбадѣ русско-подданныхъ. Онъ завтра ѣдетъ по дѣламъ въ Вѣну и обѣщалъ похлопотать за насъ у испанскаго посланника. Отношенiе послѣдняго къ намъ уже извѣстно, а

потому обѣщаніе г. Юнга не имѣетъ въ нашихъ глазахъ особенной цѣнности. Я его просилъ переслать, при посредствѣ американскихъ дипломатическихъ учрежденій, мое письмо въ Петербургъ на имя члена Государственнаго Совѣта Н. Ф. фонъ-Д—ра, но онъ на это не согласился, заявляя, что это ему запрещено, но взялъ письма съ собою въ Вѣну для передачи испанскому посланнику, съ которымъ переговоритъ объ организаціи пересылки нашей почтовой корреспонденціи. И это хорошо, если только удастся. Принялъ онъ меня очень любезно и производитъ вообще хорошее впечатлѣніе. Его предшественникъ, mr. Hoover, принимавшій такое теплое участіе въ судьбѣ застрявшихъ здѣсь вначалѣ войны многочисленныхъ русскихъ, переведенъ въ Прагу.

18 сентября—1 октября.

Ш—ъ телеграфируетъ мнѣ черезъ Т—ва, что онъ меня ожидаетъ „tranquillement". Что сіе означаетъ? Депеша, повидимому, служитъ отвѣтомъ на письмо, которое я ему писалъ черезъ Р—на.

Такъ какъ прошелъ ровно мѣсяцъ съ моего курса леченія, то я сегодня вновь началъ пить Mühlbrunn. Пусть будетъ по крайней мѣрѣ видимость какого-то леченія. Если суждено сидѣть въ Карлсбадѣ мѣсяцами — то надо хоть для самоублаженія пить карлсбадскія воды. Буду также ванны принимать и вообще вновь сдѣлаюсь настоящимъ кургастомъ. Обѣдали мы сегодня (К—скіе, Я—ко, М—нъ и я) въ st. Leonard, совершивъ эту дальнюю экскурсію туда и назадъ пѣшкомъ. На обратномъ пути мы пили чай въ Freundschaftssaal, но уже не въ саду, какъ всегда, а въ залѣ, обставленной вполнѣ по зимнему и очень уютно. Было

много приличной публики, и немало легко раненыхъ военныхъ со своими дамами, занимающимися всѣ вязаніемъ теплыхъ вещей для находящихся на полѣ сраженія воиновъ. Въ виду слуховъ, что здѣсь ожидается пріѣздъ эрцъ-герцога Сальватора, стоящаго протекторомъ всѣхъ лазаретовъ въ странѣ, я убѣдилъ М. М. добиться у него аудіенціи и ходатайствовать предъ нимъ объ освобожденіи насъ. Интересно, во всякомъ случаѣ, что онъ ему скажетъ. Не думаю, чтобы М. М. не былъ имъ принятъ.

19 сентября—2 октября.

Сегодняшній „полицейскій“ день, т. е. пятница, когда мы по долгу „службы“ обязаны являться въ полицію для регистраціи, обыкновенно не предвѣщаетъ хорошаго настроенія, да и погода далеко не располагаетъ, такъ какъ съ утра холодъ и дождь, но случилось другое: Ш—въ утромъ преподнесъ намъ депешу на его имя отъ испанскаго посланника въ Вѣнѣ, что „wahrscheinlich bald“ мы будемъ отпущены на волю. Колонія обрадовалась, но я лично еще не могу отдѣлаться отъ своего пессимизма и скептицизма. Во-первыхъ, въ депешѣ говорится о „русско-подданныхъ“ вообще, а не о заложникахъ, для коихъ, можетъ быть, сдѣлано будетъ исключеніе, во-вторыхъ, все это настолько неопредѣленно, что мало чѣмъ отличается отъ всѣхъ прежнихъ подобныхъ обѣщаній разныхъ инстанцій, къ которымъ мы обращались. Поживемъ—увидимъ. Какъ бы то ни было, а этотъ лучъ надежды нѣсколько поднялъ духъ нѣкоторыхъ изъ насъ, въ особенности крайне угнетеннаго Я—ко.

Н—къ сегодня подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему переселиться въ Меранъ. Думаю — не

сдѣлать ли мнѣ то же самое, на всякій случай. Тамъ климатъ для зимы превосходный и условія жизни въ наступающее время года вообще гораздо лучше, чѣмъ здѣсь.

20 сентября—3 октября.

Сегодняшній день прошелъ въ хлопотахъ объ освобожденіи. Еще третьяго дня д-ръ Ф—къ мнѣ передалъ, что мѣстный адвокатъ д-ръ Ганъ по собственному побужденію обратилъ на меня вниманіе и желаетъ помочь мнѣ при посредствѣ своего коллеги, живущаго въ Вѣнѣ депутата австрійскаго рейхсрата.

Я разыскалъ сегодня этого адвоката и переговорилъ съ нимъ. Онъ предложилъ мнѣ дать ему копію своего вида на жительство, выданнаго мнѣ отъ Bezirkshauptmannschaft взамѣнъ отобраннаго паспорта и врачебное свидѣтельство о болѣзни. Пришлось пойти къ нотаріусу снять копію съ документа и еще разъ обратиться къ городовому врачу д-ру Анельту за полученіемъ свидѣтельства. Онъ вновь освидѣтельствовалъ меня въ отношеніи діабета, самъ произвелъ анализъ и, немного поломавшись, выдалъ въ концѣ концовъ требуемое свидѣтельство въ той же редакціи, въ которой я просилъ, выказавъ при этомъ полное сочувствіе моему положенію. Вечеромъ я вручилъ документы д-ру Гану у Штейнера, въ его Stammcafè. Заслуживаетъ вниманія, что послѣдній наотрѣзъ отказывается получить за свою работу какой нибудь гонораръ, даже въ томъ случаѣ, если его хлопоты увѣнчаются полнымъ успѣхомъ.

21 сентября—4 октября.

Г-жа Л—ни получила изъ Румыніи письмо со вложеніемъ вырѣзки изъ какой то Одесской газеты,

въ которой напечатана депеша изъ „Петрограда" (значитъ, газетныя извѣстія о переименованіи Петербурга — не утка) о томъ, что 40 членовъ Государственнаго Совѣта и Академіи наукъ обратилось къ испанскому королю съ просьбою содѣйствовать выпуску М. М. изъ Австріи, и что король поручилъ своему послу въ Вѣнѣ добиваться этой цѣли. Напечатана эта депеша еще 3 Сентября, а такъ какъ до сихъ поръ результата никакого нѣтъ, то М. М. думаетъ, что этотъ фактъ еще повредилъ ему, такъ какъ австрійское правительство можетъ изъ-за этой демонстраціи еще больше поднять его цѣну въ качествѣ заложника.

Послѣ обѣда у Hanika мы отправились въ Freundschaftssal пить кофе и, пользуясь тѣмъ, что въ это время дня въ кафе никого нѣтъ, мы тамъ могли бесѣдовать по домашнему, не опасаясь, что кого-нибудь раздражаемъ своимъ русскимъ языкомъ, но вдругъ явилась г-жа З. и мы, не будучи въ состояніи выносить поднятаго ею по обыкновенію, крика, поспѣшили удрать. Оттуда мы отправились къ К—скимъ въ Asgard и г-жа L—i намъ мастерски играла Бетховена и Шопена. М. М. успѣлъ здѣсь уже написать нѣсколько тетрадей воспоминаній о времени его пребыванія въ первой Государственной Думѣ.

22 сентября—5 октября.

М. М. получилъ по почтѣ 600 слишкомъ кронъ отъ Берлинскаго Комитета по оказанію помощи задержаннымъ русско-подданнымъ. Такъ какъ никакого сопроводительнаго письма имъ по этому поводу ни отъ кого не получено, то онъ самъ не знаетъ, для кого эти деньги предназначены: лично ли ему или для бѣдныхъ членовъ колоніи. Какъ

бы то ни было, а хорошо, что имѣется кой-какой источникъ, куда въ случаѣ надобности неимущимъ можно будетъ обратиться за средствами, такъ какъ нѣкоторые уже близки къ истощенію и одинъ изъ молодыхъ, учитель Ю—чъ, спасся отъ нужды только тѣмъ, что получилъ отъ американскаго консула 50 кронъ и впослѣдствіи пристроился въ качествѣ переписчика у К—каго. Кажется, если сидѣніе затянется еще на мѣсяцъ, то первыми кандидатами будутъ С—ко и Г—нъ. Сегодня я получилъ депешу отъ І—а изъ Стокгольма. Онъ уѣхалъ отсюда еще за нѣсколько дней до моего пріѣзда. Такимъ образомъ онъ, оказывается, все время болтался въ Германіи и теперь находится въ пути домой. Онъ спрашиваетъ, когда надѣюсь выѣхать. Я ему отвѣтилъ, что время выѣзда неизвѣстно, но надѣюсь, что скоро. Дѣйствительно ли скоро? Узнавъ, что у Іордана имѣются для меня письма, я отправился къ нему просить, чтобы онъ мнѣ отдалъ всѣ находящіяся у него для меня письма и депеши. Онъ отдалъ мнѣ одно маловажное письмо отъ зятя изъ Гамбурга, увѣряя, что другихъ у него не имѣется; депеши же, по его словамъ, къ нему вообще не попадаютъ, а будто-бы вручаются всѣ по принадлежности немедленно по полученіи. Я, однако жъ, многихъ депешъ не получилъ. Гдѣ же онѣ?

23 сентября—6 октября.

Узнавъ вчера вечеромъ въ кафе отъ д-ра Франка, что здѣсь находится временно д-ръ Жупникъ, который сегодня утромъ уѣзжаетъ обратно въ Вѣну, я поспѣшилъ съ утра, послѣ водопитія, зайти къ нему и узнать непосредственно отъ него положеніе вопроса относительно насъ. Онъ болѣе энергичный человѣкъ, чѣмъ д-ръ Я. и подвиж-

нѣе послѣдняго. Изъ разговора съ нимъ я вынесъ болѣе отрадное впечатлѣніе, чѣмъ изъ послѣдней встрѣчи съ Я. Онъ почти убѣжденъ, что лицъ, постарше 50 лѣтъ, отпустятъ всѣхъ безъ всякаго обмѣна, а если до сего времени это не осуществилось, то исключительно по бюрократическимъ причинамъ. „Эта бюрократическая плѣсень", какъ онъ выразился, въ Австріи очень сильна. Черезъ часъ послѣ этого мы, т. е. К—скій и я, посѣтили американскаго консула м-ра Юнга, который вчера вернулся изъ Вѣны и былъ тамъ по поводу насъ въ Испанскомъ посольствѣ. Г. Юнгъ подтвердилъ то, что сообщилъ Жупникъ, но относительно времени исполненія сего онъ настроенъ не особенно оптимистически. По его мнѣнію наше сидѣніе здѣсь можетъ затянуться на болѣе продолжительное время, чѣмъ мы думаемъ. Словомъ— прежняя неопредѣленность остается въ полной силѣ.

Мое письмо Н. Ф. фонъ-Д—ру консулъ оставилъ въ посольствѣ, которое обѣщаетъ переотправить таковое по назначенію.

24 сентября—7 октября.

Д-ръ Ц. также получилъ изъ Вѣны отрицательный отвѣтъ на его письмо. Рухнула еще одна надежда. Остается теперь ожидать результатъ шаговъ адвоката д-ра Гана.

Я уже давно собираюсь сдѣлаться постояннымъ посѣтителемъ читальной залы въ Кургаузѣ, но по разнымъ причинамъ приходилось все откладывать это намѣреніе. Богатство газетъ въ этой читальнѣ представляетъ для меня интересный матеріалъ, который могу использовать для спеціально заведенной мною тетради-копилки, въ которую заношу

всякаго рода замѣтки и свѣдѣнія объ экономическихъ послѣдствіяхъ войны для разныхъ странъ. Сегодня я наконецъ осуществилъ это благое намѣреніе. Читальня, съ которою я знакомъ уже много лѣтъ, по прежнимъ моимъ посѣщеніямъ Карлсбада, далеко не та, что была лѣтомъ. Газетнаго матеріала хотя много, но гораздо меньше прежняго, такъ какъ получаются только германскія и австрійскія изданія, и то не всѣ. Спеціальныхъ журналовъ, которые больше всего могли бы оказывать мнѣ услуги, никакихъ. Я записался въ постоянные посѣтители, провелъ тамъ сегодня болѣе двухъ часовъ и намѣренъ посѣщать залу каждый день. Будетъ только жаль, если въ случаѣ освобожденія придется оставить всѣ накопленные мною матеріалы здѣсь безъ всякаго использованія. Главный контингентъ читателей—безработные карлсбадскіе врачи, тѣ же самые, что по вечерамъ играютъ въ карты у Штейнера. Все народъ знакомый и въ большинствѣ случаевъ люди очень пріятные.

25 сентября—8 октября.

Довольно странная исторія, въ которой никакъ не могу разобраться. Я получилъ изъ Гамбурга обратно 5—6 писемъ, которыя писалъ женѣ брата „до востребованія“, согласно ея депешѣ. На всѣхъ письмахъ имѣются штемпеля о возвратѣ мнѣ писемъ за невостребованіемъ. Я писалъ въ Гамбургъ и спросилъ, что сей сонъ означаетъ и даже чуть не выругалъ ее за то, что не получала писемъ съ почты. Она же удивленно отвѣчаетъ и твердо стоитъ на томъ, что никогда никакой такой депеши мнѣ не подавала. Ни они тамъ, ни я здѣсь, не понимаемъ, чѣмъ объяснить этотъ казусъ. Какъ на зло я никакъ не могу отыскать этой депеши, хотя всѣ

другія, числомъ болѣе 40, у меня сохранились. И это опять странно...

На улицѣ присохло и какъ то немного бодрѣе стало на душѣ. Въ 4 часа, послѣ ванны въ Кургаузѣ, я поднялся на верхъ и просидѣлъ болѣе часа на концертѣ курортнаго оркестра. Громадная зала была полна народу, и такъ каждый день. Такую многочисленную публику въ концертномъ залѣ можно видѣть только или въ очень большомъ городѣ или на міровомъ курортѣ во время сезона. Карлсбадъ же въ настоящее время ни того, ни другого собою не представляетъ. Но надо было внимательнѣе присмотрѣться къ составу публики, и дѣло разъясняется: помимо бездѣльничающихъ обыкновенно въ это время года аборигеновъ Карлсбада, здѣсь было множество бѣглецовъ изъ Галиціи и Буковины, а также большое количество раненыхъ, выздоравливающихъ и выздоровѣвшихъ офицеровъ. Многіе изъ нашей колоніи, особенно молодежь, посѣщаетъ эти концерты довольно усердно, благо входъ безплатный и музыка хорошая.

26 сентября—9 октября.

Взялъ у американскаго консула м-ра Юнга удостовѣреніе, что принудительно задержанъ въ Карлсбадѣ начиная съ 17 Августа и передалъ документъ нотаріусу для снятія нѣсколькихъ копій. Документъ мнѣ, можетъ быть, необходимъ будетъ по пріѣздѣ домой для доказательства того, что я долго оставался за границей не по своей винѣ. Никакихъ гербовыхъ и консульскихъ сборовъ съ меня не было взыскано. Послѣ обѣда почталіонъ принесъ переведенныя мнѣ кѣмъ то чрезъ Яссы 1000 кронъ. Кому я обязанъ этимъ благодѣяніемъ—не знаю, но подозрѣваю, что это откликъ на мое письмо Б—чу

въ Одессу, посланное чрезъ Румынію еще полтора мѣсяца тому назадъ. И то хорошо: по крайней мѣрѣ деньгами я лично теперь обезпеченъ, если не возникнутъ чрезвычайные расходы, приблизительно на 5—6 мѣсяцевъ. Бездѣлье пріучило членовъ нашего кружка къ игрѣ въ домино, чѣмъ увлекся также М. М., съ которымъ играю послѣднее время почти ежедневно за послѣобѣденнымъ кофе ва Astoria. Почему то я его всегда обыгрываю, хотя самъ плохо играю. Можно, значитъ, быть всемірно извѣстнымъ ученымъ и очень плохимъ доминистомъ. Его жена все подбивала насъ отправиться въ курзалъ на концертъ, къ чему у меня не было никакой охоты. Я разстался съ ними и отправился съ Я—ко и М—номъ въ кинематографъ въ Fischern, гдѣ видѣли нѣсколько пустыхъ, но остроумныхъ картинъ. Это дешевое удовольствіе теперь замѣняетъ здѣсь театръ, который закрылся какъ только была объявлена война.

27 сентября—10 октября.

Единственное, въ чемъ намъ здѣсь повезло—это въ отношеніи погоды. Сколько разъ казалось, что вотъ-вотъ наступаетъ Карлсбадская осень, которой мы всѣ такъ боимся, но каждый разъ погода вновь поправляется и природа оживаетъ, а вмѣстѣ съ нею и наше настроеніе. Удивительное дѣло—вопроса о погодѣ въ Петербургѣ для меня почти не существуетъ. Тамъ я поглощенъ болѣе важными для меня вопросами и многочисленными обязанностями, погоду же считаю послѣднимъ дѣломъ. Кромѣ того дома все приспособлено для борьбы съ непогодою: квартира, одежда и проч. Здѣсь же, при полномъ бездѣльѣ, этотъ пустой вопросъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей теперешней жизни, да

и страхъ заболѣть при этихъ условіяхъ страшно великъ. Крайне не хотѣлось бы здѣсь болѣть, тѣмъ болѣе умереть.

Изъ Гамбурга я получилъ сегодня депешу, что жена брата съ дѣтьми уѣхали въ Россію чрезъ Стокгольмъ. Въ настоящій моментъ это событіе само по себѣ радостное. Братъ, конечно, будетъ счастливъ получить свою семью, отъ которой онъ былъ оторванъ и съ которою онъ даже не могъ переписываться. . . . .
Да и для остающейся въ Гамбургѣ матери разлука съ ними, при нынѣшнихъ условіяхъ, весьма тяжела.

Весьма пріятную горную прогулку я сегодня совершилъ въ компаніи съ К—скими, Я—ко и М—номъ въ историческую мѣстность Hermannstein. Это самое возвышенное мѣсто во всей здѣшней горной области и находится километровъ 15 отъ Карлсбада. Вся дорога идетъ лѣсомъ и очень живописна. Мы пѣшкомъ поднялись на вершину горы, откуда наслаждались чуднымъ видомъ на великолѣпныя окрестности Карлсбада. Къ сожалѣнію, на обратномъ пути хлынулъ дождь, который помѣшалъ нашему удовольствію.

28 сентября—11 октября.

Черезъ Роттердамъ я получилъ депешу отъ брата, что письмо, отправленное мною ему черезъ г-жу Ф—нъ, имъ получено. Теперь я по крайней мѣрѣ увѣренъ, что онъ тамъ въ курсѣ моего положенія и не долженъ руководствоваться въ этомъ вопросѣ лаконическими телеграммами и лживыми газетными свѣдѣніями. Не знаю, когда его жена попадетъ въ Маріуполь, но и когда она пріѣдетъ туда, она ему тоже многаго не сможетъ обо мнѣ разсказать, такъ какъ, не получивъ большей части

моихъ писемъ къ ней въ Гамбургъ изъ-за странной исторіи съ ея апокрифическою депешею относительно адресованія писемъ postlagernd, она сама не знаетъ точно въ чемъ дѣло и каковъ характеръ моего сидѣнія здѣсь. По случаю хорошаго воскреснаго дня мы рѣшили отправиться пѣшкомъ на прогулку въ St. Leonard и тамъ обѣдать. Мы отправились туда въ 11 часовъ и провели въ лѣсу весь день до вечера. На передышкахъ мы читали послѣдній номеръ Neue Freie Presse, переполненный главнымъ образомъ, подробностями послѣдняго событія—паденія Антверпена. Въ лѣсу и въ ресторанѣ было довольно много публики, какъ мѣстныхъ жителей, такъ и галиційскихъ поляковъ. Изъ русскихъ рѣшительно никого не встрѣтили. Русскіе здѣсь вообще мало гуляютъ и предпочитаютъ ходить по городскимъ улицамъ или сидѣть на Marktbrunn. Надо полагать, что это послѣднее воскресенье, когда пришлось еще обѣдать въ лѣсу. Должна же наконецъ осень вступить въ свои права.

29 сентября—12 октября.

Отъ владѣльца Шведскаго Бюро путешествій въ Берлинѣ г. Нимана я и Я—ко получили сегодня одинаковаго содержанія депеши съ оплаченнымъ отвѣтомъ, въ которой сообщается, что ему, г. Ниману, поручено оказать намъ содѣйствіе при нашемъ отъѣздѣ изъ Берлина, почему онъ и проситъ телеграфировать ему, когда пріѣдемъ въ Берлинъ. Мы ему отвѣтили, что въ Берлинъ мы вообще пріѣхать не можемъ, такъ какъ съ одной стороны Австрія насъ не отпускаетъ, а съ другой стороны Германія не впускаетъ и предложили ему, если онъ можетъ, пусть пришлетъ намъ разрѣше-

ніе коменданта Берлина на пріѣздъ туда. Можетъ быть, имѣя подобный документъ въ рукахъ, мы легче выхлопочемъ разрѣшеніе уѣхать отсюда. Отъ кого именно г. Ниманъ получилъ это порученіе— мы не знаемъ, но полагаю, что это дѣло рукъ Н. Ф—ча.

Сестра въ письмѣ совѣтуетъ взять удостовѣреніе у моего врача здѣсь, что я нуждаюсь въ леченіи въ какой нибудь лечебницѣ въ Гамбургѣ. Она думаетъ, что тогда мнѣ разрѣшатъ поѣхать туда. Она въ этомъ сильно ошибается.

Одинъ изъ нашихъ созаложниковъ, редакторъ одной большой польской газеты, получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Вѣну, а другимъ въ этомъ же отказано. У него очень большія связи среди вліятельныхъ австрійскихъ поляковъ въ Вѣнѣ, и мы полагаемъ, что ему бы даже разрѣшили уѣхать въ Варшаву, но вѣроятно онъ самъ этого не желаетъ и врядъ ли тамъ существуетъ еще его газета.

30 сентября—13 октября.

Утромъ, пользуясь превосходною солнечною погодою, совершенно несоотвѣтствующею нашимъ прежнимъ понятіямъ о Карлсбадской осени, столь незаслуженно оклеветанной, я совершилъ маленькую загородную прогулку съ встрѣтившимся мнѣ по дорогѣ здѣшнимъ почтеннымъ купцомъ и городскимъ дѣятелемъ Р—домъ. Онъ мнѣ показалъ послѣднее письмо, полученное имъ отъ своего сына, молодого лейтенанта, попавшаго въ плѣнъ къ русскимъ и отправленнаго куда-то въ Сибирь или на Уралъ. Открытое письмо написано по французски изъ Челябинска. Такимъ образомъ даже военноплѣнные имѣютъ возможность переписываться непосредственно съ своими на родинѣ, а мы, частныя лица, совершенно непричастныя къ военному

дѣлу, этою привилегіею пользоваться не можемъ. А какое это страшное лишеніе!

Оказалось, что и К—скій получилъ отъ Нимана такую же депешу, какъ я и Я—ко. Такимъ образомъ мое подозрѣніе, упавшее на Н. Ф. Дитмара, неосновательно. Скорѣе это безполезный отголосокъ нашей депеши на имя Авдакова и Тимирязева.

Отъ семьи брата уже получена въ Гамбургѣ депеша, что они прибыли благополучно въ Стокгольмъ. Тамъ, кажется, имъ придется нѣкоторое время обождать.

Нашлась еще одна вольная особа, уѣзжающая завтра въ Россію—жена какого то студента. Вся колонія набросилась на этотъ счастливый случай и загрузили ее письмами (46 штукъ). И я воспользовался этимъ и передалъ ей пространное письмо на имя Р—ча. Дойдетъ ли оно по назначенію? Эта молодая особа не внушаетъ что-то особаго довѣрія въ отношеніи подобныхъ порученій.

1/14 октября.

Вотъ и русскій октябрь, а мы третій мѣсяцъ все сидимъ и ожидаемъ, какъ у моря погоды, нашего освобожденія. Сегодня въ газетахъ вновь появилось извѣстіе, что лица старше 50 лѣтъ будутъ скоро отпущены, но столько разъ мы слышали это „скоро“, что уже потеряли въ него вѣру. Насъ волнуетъ также перспектива другой опасности. Въ послѣдніе дни участились въ газетахъ слухи о возможности войны Россіи съ Турціею и Румыніею. Если это состоится,—то единственные пути, по которымъ можемъ пробраться домой—чрезъ Румынію или чрезъ Италію, будутъ отрѣзаны. Такимъ образомъ, если переговоры о выпускѣ насъ будутъ

вестись такимъ медленнымъ темпомъ какъ до сихъ поръ, можетъ случиться, что часъ освобожденія пробьетъ для насъ слишкомъ поздно, и мы не сумѣемъ имъ воспользоваться.

Вечеромъ мнѣ д-ръ Франкъ показалъ письмо, полученное имъ изъ Гамбурга отъ проф. Румпеля, который проситъ его похлопотать, чтобы меня отпустили для свиданія съ матерью. Франкъ по этому поводу будетъ завтра у Іордана, но на успѣхъ не разсчитываетъ. Наши тамъ совершенно забываютъ, что если бы даже отсюда выпустили, то вѣдь не пропустятъ на германской границѣ. Надо еще обдумать вообще—имѣетъ ли смыслъ поѣхать въ Германію, откуда, повидимому, отдѣльныхъ лицъ не выпускаютъ, а только цѣлыми поѣздами. Теперь же тамъ такъ мало осталось русскихъ, что цѣлаго поѣзда никакъ не наберешь и Богъ вѣсть сколько придется тамъ посидѣть.

2/15 октября.

Д-ръ Франкъ дѣйствительно былъ по моему дѣлу сегодня у Іордана и просилъ его разрѣшить мнѣ уѣхать въ Гамбургъ, при чемъ показалъ ему письмо профессора Румпеля. Вопреки ожиданіямъ, Іорданъ, по словамъ Франка, отнесся къ этому вполнѣ благосклонно и велѣлъ подать ему объ этомъ прошеніе, которое онъ обѣщаетъ послать въ Вѣну со своимъ благопріятнымъ заключеніемъ. Чтожъ—прошеніе я завтра подамъ, но не будетъ ли хуже, если попаду въ Германію, а оттуда не выберусь. Я написалъ сестрѣ, чтобы она все это выяснила тамъ, прежде чѣмъ рѣшиться мнѣ поѣхать. Является также вопросъ, буду ли пропущенъ въ Германію пограничными властями? Между тѣмъ тотъ же Іорданъ сообщилъ Франку, что отъ него оффиціально за-

требованы изъ Вѣны списки всѣхъ интернированныхъ и что въ дѣйствительности скоро ожидается обмѣнъ. Съ другой стороны, депутатъ австрійскаго рейхсрата, ходатайствовавшій о разрѣшеніи К—скому, по крайней мѣрѣ, переселиться въ Вѣну, сегодня получилъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что здѣсь, въ Карлсбадѣ, надзоръ за нами легче, чѣмъ тамъ, въ Вѣнѣ. Значитъ, строгости въ отношеніи насъ отнюдь не уменьшаются.

Сегодня въ первый разъ видѣлъ здѣсь задержаннаго въ Маріенбадѣ, подобно намъ, московскаго богача, старика О—на, котораго нѣмцы называютъ „генераломъ". У него, какъ у Ш—ва, забрали автомобиль, на которомъ онъ пріѣхалъ изъ Россіи, но онъ нанялъ себѣ другой и, съ особаго разрѣшенія начальства, катается въ Карлсбадъ почти каждый день; ему поставили, впрочемъ, условіе, чтобы онъ днемъ не разъѣзжалъ на автомобилѣ по улицамъ города Карлсбада.

3/16 октября.

Сегодняшній полицейскій день превратился для насъ въ полупраздникъ. Когда мы утромъ явились для регистраціи, полицейскій инспекторъ д-ръ Штейнъ предложилъ каждому изъ насъ рядъ вопросовъ и наши отвѣты заносилъ въ спеціальные бланки, которые предназначены для отсылки въ Вѣну, въ виду предстоящаго обмѣна задержанными. Такъ намъ официально было заявлено. Значитъ, наше освобожденіе не за горами. Настроеніе сильно поднялось у всѣхъ насъ, а нѣкоторые, ужъ слишкомъ тосковавшіе, какъ напримѣръ Я—ко, прямо воспрянули духомъ, предвкушая радость поѣздки на родину. Изъ полиціи мы съ К—скимъ отправились въ cafe Boulevard позавтракать и тамъ были

атакованы г-жею N., которая задержала насъ своими безсмысленными вопросами и разговорами болѣе часа. До сего дня мнѣ благополучно удавалось выворачиваться отъ знакомства съ нею, а сегодня я наконецъ всетаки попался. Какая эта типичная представительница отживающей касты. Даже среди прислуги кафе она пользуется славою странной женщины. Зачѣмъ она, несчастная, здѣсь сидитъ добровольно, имѣя возможность уѣхать куда угодно.

4/17 октября.

Mr. Юнгъ былъ настолько любезенъ, что далъ мнѣ цѣлыхъ 6 удостовѣреній, изъ коихъ одно, на всякій случай, я отправилъ сегодня испанскому посольству въ Вѣну съ просьбою переслать въ Петербургъ N.... учрежденію въ качествѣ оправдательнаго документа по поводу просрочки пріѣзда, М—ну же въ Гамбургъ я написалъ, что пока у меня не будетъ твердой увѣренности въ томъ, что, въ случаѣ пріѣзда въ Германію, смогу немедленно уѣхать оттуда въ Россію, я туда не пріѣду, хотя бы мнѣ это разрѣшили. Въ свою очередь Шведское Бюро Путешествій въ Берлинѣ телеграфируетъ мнѣ и Я—ко, чтобы мы прислали медицинскія свидѣтельства при прошеніяхъ о разрѣшеніи переѣзда на имя мѣстной Генеральной Комендатуры. Повидимому, г. Ниманъ имѣетъ основаніе вѣрить, что разрѣшеніе, при исполненіи этого условія, будетъ дано. Отвѣтилъ я ему по телеграфу, что мы это можемъ сдѣлать лишь тогда, когда у насъ будетъ полная гарантія, что пріѣхавъ въ Берлинъ мы не попадемъ въ капканъ и немедленно сможемъ выѣхать оттуда домой.

Сегодня вечеромъ я противъ обыкновенія отправился немного погулять по дорогѣ въ Posthof и былъ

удивленъ многолюдствомъ гуляющихъ. Почти такая же картина, какъ въ концѣ августа, съ тою только разницею, что преобладаетъ польская рѣчь. Все это богатыя семьи, бѣжавшія изъ Галиціи.

5/18 октября.

Карлсбадъ кишитъ галиційскими бѣженцами. Ихъ встрѣчаешь на водопоѣ, на улицахъ, променадахъ, въ ресторанахъ и кофейняхъ. Большое количество поляковъ, но еще больше евреевъ. Послѣдніе раздѣляются на двѣ рѣзко очерченныхъ категоріи, имѣющія мало общаго между собою. Одна—хасиды, длиннополые и длиннопейсые, типичные представители стариннаго польскаго еврейства, несчастные и забитые, такіе, какихъ можно встрѣчать только въ австрійской Польшѣ, а другая — ассимилированные „поляки моисеева закона", изъ кожи лѣзущіе, чтобы на каждомъ шагу доказать, что они истые, патріотически настроенные, поляки. Мнѣ очень хотѣлось бы поговорить съ этими господами, видавшими виды у себя на родинѣ за короткое время военныхъ событій и получающими вѣроятно и теперь свѣдѣнія о положеніи дѣла тамъ, но преодолѣваю свое любопытство, предпочитая держаться отъ нихъ въ сторонѣ. Чрезъ посредство же нѣкоторыхъ земляковъ, гдѣ-то съ ними встрѣчающихся, я наслышался такихъ ужасовъ, которые превосходятъ даже все то, что пишутъ въ газетахъ на эту тему. Сколько десятковъ тысячъ такихъ семействъ, которыя всего три мѣсяца тому назадъ жили безпечно, занимаясь каждый своимъ привычнымъ дѣломъ на насиженныхъ поколѣніями мѣстахъ, теперь, можетъ быть, доѣдаютъ свои послѣднія крохи, не зная что съ ними будетъ чрезъ мѣсяцъ или чрезъ годъ. Есть и такіе, кото-

рыя растеряли при бѣгствѣ своихъ дѣтей и другихъ членовъ семьи и теперь разыскиваютъ другъ друга при помощи газетъ. Всѣ газеты Вѣны, Праги и другихъ большихъ городовъ Австріи печатаютъ ежедневно цѣлые столбцы такихъ публикацій, коими родители разыскиваютъ дѣтей, дѣти — родителей, мужъ — жену, жена — мужа и т. д. Сколько здѣсь горя и слезъ. О гуманность, религія и цивилизація— гдѣ вы?!

6/19 октября.

Директоръ Шведскаго Бюро Путешествій въ Берлинѣ Ниманъ вновь телеграфируетъ мнѣ и Я—ко, что онъ достанетъ разрѣшеніе на пріѣздъ въ Берлинъ, если только насъ выпустятъ отсюда. Я—ко и слышать не хочетъ о поѣздкѣ чрезъ Германію, а я бы съ удовольствіемъ это сдѣлалъ, хотя бы съ нѣкоторою потерею времени, лишь бы имѣть возможность заѣхать въ Гамбургъ повидаться съ матерью, сестрою и ея дѣтьми. При теперешнихъ обстоятельствахъ Богъ знаетъ, когда придется уже повидаться и вообще придется ли когда-нибудь. Вѣдь какъ только переѣду русскую границу, то до окончанія войны и переписываться съ ними уже невозможно будетъ, а конца этой войнѣ вѣдь и не видно. Она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разрастается и затягивается. Завтра подамъ прошеніе Іордану о выпускѣ меня въ Гамбургъ, не ожидая отвѣта М—на. Есть, правда, рискъ застрять въ Германіи, но иначе поступить нельзя—это мой долгъ по отношенію къ матери. Сегодня получилъ отъ нея письмо отъ 10/IX, т. е. черезъ 39 дней. Объясняется это тѣмъ, что письмо писано было не по-нѣмецки и гдѣ-то долго валялось въ цензурѣ. Здѣсь все-таки лучше, чѣмъ въ

Гамбургѣ, гдѣ объявили нашимъ, что впредь письма, писанныя не по-нѣмецки, имъ вовсе не будутъ доставляться. Здѣсь же нѣкоторые получаютъ письма даже по-русски.

7/20 октября.

Не дождавшись отвѣта изъ Гамбурга, я сегодня подалъ Іордану прошеніе объ отпускѣ меня въ Германію и приложилъ письмо проф. Румпеля на имя д-ра Франка. Начальство только махнуло рукою, заявивъ, что хотя оно пошлетъ мое прошеніе въ Вѣну, но тамъ на это не обратятъ никакого вниманія, такъ какъ тамъ теперь весьма велика ярость противъ русскихъ. На его указаніе, что все равно Германія меня не пуститъ, я ему сдѣлалъ ссылку на телеграмму Нимана, которую онъ посовѣтовалъ приложить къ прошенію. Д-ръ Франкъ любезно принесъ мнѣ домой свидѣтельство для приложенія къ прошенію въ Берлинъ, и я съ большимъ трудомъ заставилъ его взять у меня гонораръ. Это удостовѣреніе я отправлю въ Берлинъ на имя General-Comandatur in den Marken при прошеніи о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать туда. Я Нимана не знаю, но по всему видно, что онъ человѣкъ энергичный и будетъ усердно хлопотать о разрѣшеніи выѣхать въ Россію.

Вмѣстѣ съ Я—ко я началъ читать книжку Фробеніуса о германо-британскихъ отношеніяхъ, выдержавшую уже 12 изданій и надѣлавшую столько шума въ Германіи и Австріи еще до войны. Особенно теперь она читается съ захватывающимъ интересомъ, и многое, предсказанное этимъ авторомъ, разыгралось какъ по нотамъ.

8/21 октября.

Начинаю быть недовольнымъ тѣмъ, что держится хорошая погода. Благодаря этому тебя все тянетъ

на открытый воздухъ и цѣлые дни пропадаютъ въ безплодныхъ гуляніяхъ, которыя, можетъ быть, и полезны для здоровья, но весьма вредны для работы, а работать есть надъ чѣмъ. Я собралъ большую коллекцію экономическаго матеріала и приступилъ къ его разработкѣ, но работа идетъ весьма туго, и не успѣваю заносить въ тетрадь поступающихъ все новыхъ и новыхъ матеріаловъ. Взять же все это домой въ сыромъ видѣ нельзя будетъ, да и тамъ некогда будетъ этимъ заниматься. Здѣсь, конечно, не одна погода виновата: мѣшаютъ скучающіе коллеги, которые не знаютъ, куда дѣвать свои дни и вечера, и, главное, собственное нерасположеніе къ работѣ при томъ угнетенномъ и ненормальномъ положеніи, въ которомъ находишься. Да и то сказать— происходятъ такія огромныя міровыя событія

. . . .

что крайне трудно отказаться отъ безконечнаго чтенія газетъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, а этихъ газетъ такъ много и свѣдѣній въ нихъ столько, что для работы остается мало времени. Удивилъ меня сегодня своимъ разговоромъ д-ръ Франкъ. Онъ все не понимаетъ, почему мы ропщемъ на свою теперешнюю судьбу здѣсь и чѣмъ намъ плохо. Онъ смотритъ почему-то на нашу жизнь въ Карлсбадѣ, какъ онъ ее видитъ, какъ на пріятный, хотя невольный отдыхъ въ хорошихъ условіяхъ существованія и считаетъ, что мы должны быть рады радехоньхи, что не поѣхали домой, гдѣ, по его мнѣнію, теперь гораздо хуже, чѣмъ здѣсь. Онъ при этомъ все указываетъ на то, что самъ сидитъ теперь безъ дѣла, забывая, что онъ у себя дома и не работаетъ лишь потому, что ему дѣлать нечего, а я, наоборотъ, имѣю дома теперь работы по горло, но оторванъ отъ нея насильственно и вынужденъ бездѣльничать въ чужой странѣ. Онъ умный чело-

вѣкъ, но никакъ не можетъ вникнуть въ наше душевное состояніе. Думаю, что его соотечественники въ Россіи, попавшіе теперь въ такое положеніе, какъ мы здѣсь, понимаютъ насъ лучше его.

9/22 октября.

Нѣкоторое время замѣчаю, что безпристрастіе Я—ко въ его отношеніи къ переживаемымъ событіямъ начинаетъ давать трещины. Тоска по родинѣ и ненормальныя условія нашего существованія здѣсь вмѣстѣ съ удручающими его болѣзнями постепенно подтачиваютъ его душевное равновѣсіе, понемногу его покидающее. Онъ уже начинаетъ обвинять невиновныхъ и закрывать глаза на факты. Я рѣшилъ не портить нашихъ хорошихъ отношеній и не заводить съ нимъ никакихъ споровъ на подобныя темы, входя въ его душевный міръ и болѣзненное состояніе и не забывая господствующихъ въ его средѣ наклонностей, отъ коихъ онъ не свободенъ.

Въ послѣдніе дни его волнуетъ спеціальный вопросъ. Имѣя порядочную сумму денегъ въ одномъ изъ здѣшнихъ банковъ, онъ опасается, что эти деньги будутъ конфискованы въ отвѣтъ на послѣдовавшую во Франціи конфискацію имущества частныхъ лицъ германскаго и австрійскаго подданства. Такъ, по крайней мѣрѣ, сказано въ газетахъ. Я совершенно не постигаю этого непонятнаго поступка со стороны французскаго правительства, если только это правда. Вѣдь это противорѣчитъ всѣмъ началамъ не только международнаго права, но и самой элементарной гуманности, но если даже оно такъ, и Австрія отвѣтитъ тѣмъ же, то врядъ ли это можетъ распространиться на текущіе счета въ банкахъ, открытыя уже во время войны. Такого мнѣнія держатся и директора здѣшнихъ банковъ.

Опасенія Я—ко, по-моему крайнему разуменію, ни на чемъ не основаны. Я все-таки не хочу его разубеждать—пусть поступитъ какъ хочетъ. Я бы на его мѣстѣ былъ вполнѣ спокоенъ и не бралъ бы денегъ изъ банка. Нельзя же носить такую большую сумму при себѣ въ карманѣ или держать въ чемоданѣ,—это вѣдь тоже опасно.

10/23 октября.

Какая противоположность въ настроеніи нашего муравейника между сегодняшнимъ „полицейскимъ днемъ“ и таковымъ же предыдущимъ (3. X). Блеснувшій передъ нами въ прошлую пятницу лучъ надежды на скорое освобожденіе нынѣ смѣнило тяжелое облако грусти и отчаянія. Корпорація врачей Карлсбада, подавшее австрійскому министерству иностранныхъ дѣлъ записку въ нашу пользу, получила вчера офиціальный отвѣтъ, въ которомъ категорически объявляется, что ни одинъ изъ насъ не будетъ отпущенъ, пока русское правительство съ своей стороны не освободитъ задержанныхъ въ Россіи австрійскихъ консульскихъ чиновъ. Такимъ образомъ, наше дѣло обстоитъ далеко неблагополучно. Теперь одинъ Аллахъ вѣдаетъ, когда вырвемся отсюда. Какъ теперь быть? Я предложилъ отправить копію этой бумаги русскому правительству, чтобы оно такимъ путемъ узнало точку зрѣнія здѣшнихъ властей и сдѣлало то, что окажется возможнымъ для нашего освобожденія. Моя мысль понравилась и вмѣстѣ съ К—скимъ мы посѣтили сегодня американскаго консула, прося его отправить отъ себя нотаріальную копію упомянутаго документа, которую мы ему доставимъ, въ Петербургъ. Онъ, однакожъ, почему то отказался поступить такъ и предложилъ намъ написать отъ

себя прошеніе на нѣмецкомъ языкѣ, съ приложеніемъ копіи, а онъ беретъ на себя лишь экспедиціонную обязанность, т. е. перешлетъ бумаги въ испанское посольство въ Вѣну для дальнѣйшаго направленія. Это уже не такъ для насъ удобно,— но пришлось подчиниться. Мы рѣшили, уступая желанію М. М., адресовать наше прошеніе на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ за подписью лишь наиболѣе видныхъ членовъ колоніи, какъ посовѣтовалъ консулъ. Пока что, я потратилъ на эти хлопоты цѣлый день, бѣгая по разнымъ мѣстамъ для полученія подлинной бумаги, составленія и переписки прошеній и копій, для засвидѣтельствованія послѣднихъ у нотаріуса и собиранія подписей. На улицахъ грязно и сыро, и эта утомительная бѣготня ничего привлекательнаго собою не представляетъ.

11/24 октября.

Вновь настали черные дни и тяжелыя думы гложутъ сердце, не давая заниматься, днемъ и ночью. Не только пропала надежда скоро вернуться домой, привести тамъ въ порядокъ или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстность свои дѣла и отдаться своимъ обязанностямъ, но видишь передъ собою ближайшее будущее въ самомъ мрачномъ видѣ. Чѣмъ дальше, кажется, тѣмъ будетъ хуже. Разъ дошло до конфискаціи имущества частныхъ лицъ, до запрещенія уплаты даже по чекамъ, то, пожалуй, не окажется ли правымъ Я—ко въ его опасеніи держать въ банкѣ свои денежные запасы, служащіе намъ единственнымъ источникомъ существованія. Слѣдуя дальше по пути неограниченныхъ возможностей, противорѣчащихъ всякимъ понятіямъ въ человѣческомъ общежитіи, можно до-

пустить, что не сегодня—завтра заберутся въ твой чемоданъ или даже въ боковой карманъ и отнимутъ послѣдній грошъ, предоставивъ тебѣ умереть съ голоду во славу великой идеи санкціонированнаго грабежа. Еще дальше—отчего не допустить лишенія свободы и даже жизни. Разъ мы служимъ объектомъ для упражненія въ актахъ мщенія, то при томъ дикомъ озвѣреніи, до котораго всѣ дошли, нѣтъ того ужаса, котораго нельзя допустить. Уже однѣ эти мысли лишаютъ меня спокойствія, сна и аппетита. При этомъ двѣ депеши, которыя я сегодня получилъ изъ Гамбурга: утромъ отъ сестры и вечеромъ отъ ея мужа, съ предупрежденіемъ, чтобы я не пріѣзжалъ ни въ Гамбургъ, ни въ Берлинъ, даже когда мнѣ это будетъ разрѣшено, возбуждаютъ въ моей душѣ новыя подозрѣнія относительно ихъ доли тамъ. Къ чему эти телеграфныя предостереженія на перебой и въ чемъ дѣло? Можетъ быть мое сегодняшнее настроеніе рисуетъ мнѣ слишкомъ мрачныя картины, но при стѣснительной цензурѣ нашей переписки я даже лишенъ возможности получить подробную мотивировку этихъ загадочныхъ депешъ. Сердце сжимается отъ боли и обиды, что и писать тяжело.

12/25 октября.

Печальное воскресенье. У всѣхъ нервы взвинчены, и мы всѣ другъ другу опротивѣли. Никто не говоритъ безъ раздраженія, а Я—ко уже почти потерявшій всякую объективность, быстрыми шагами приближаясь къ недостойному честнаго человѣка субъективизму. Я ему этого простить не могу. Кажется, во всей колоніи нѣтъ ни одного человѣка, который бы столько потерялъ отъ нашего плѣненія, сколько я. Роптать же на непосредственныхъ

виновниковъ я также имѣю право больше кого бы то ни было, такъ какъ дѣйствительно дико и обидно для меня играть роль заложника за задержанныхъ въ Россіи неизвѣстныхъ мнѣ консульскихъ чиновъ, тѣмъ не менѣе я не потерялъ самообладанія, и простое чувство элементарной справедливости дѣлаетъ для меня обязательнымъ относиться ко всякому событію съ должнымъ безпристрастіемъ, совершенно игнорируя, какъ оно отражается на моемъ личномъ здоровьѣ, карманѣ или удобствахъ. При всей его сдержанности я очень хорошо вижу, какъ онъ настроенъ, и меня это огорчаетъ. А вѣдь онъ одинъ изъ лучшихъ представителей нашей колоніи, въ которой рядомъ съ достойными людьми имѣются полусумасшедшіе, дегенераты и всякая шушера. Какъ все это тяжело! Несмотря на хорошій день, нѣтъ никакой охоты погулять, хотя голова кружится и заниматься очень трудно, даже газеты въ голову не лѣзутъ. Завидую тѣмъ, которые посѣщаютъ концерты въ Курзалѣ и увлекаются музыкою, но я настолько равнодушенъ къ этому искусству, что прислушиваться къ звукамъ оркестра при такомъ состояніи духа я просто не въ состояніи.

13/26 октября.

Утромъ былъ у американскаго консула по двумъ серьезнымъ дѣламъ. Во-первыхъ, передалъ ему, для отправки въ Петербургъ, коллективное наше прошеніе на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ приложеніемъ нотаріальной копіи отвѣта Австрійскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ здѣшней корпораціи врачей о томъ, что пока не будутъ выпущены изъ Россіи задержанные тамъ австрійскіе консульскіе чиновники, австрійское правительство не отпуститъ насъ, и частнаго письма

по этому дѣлу отъ М. М. К—го И. Л. Горемыкину. Второе дѣло, взволновавшее всю нашу колонію,— опубликованіе закона о прекращеніи платежей подданнымъ воюющихъ съ Австріею державъ. М-ръ Юнгъ самъ не былъ въ курсѣ дѣла и для выясненія вопроса онъ отправился совмѣстно со мною къ директору Credit-Anstalt г. Ледереру, который заявилъ намъ, что Австрія не позволила и никогда не позволитъ себѣ сдѣлать то, что сдѣлала Франція, и что даже вынужденный законъ о прекращеніи платежей запрещаетъ только выплату денегъ заграницу, но не относится къ тѣмъ иностранцамъ, которые живутъ въ Австріи, въ особенности въ отношеніи чековъ, показавъ намъ при этомъ текстъ закона. То же самое подтвердилъ и директоръ Wiener Bankverein. М. М. еще до этого перевелъ часть своихъ денегъ на имя своей знакомой итальянки, состоящей въ австрійскомъ подданствѣ. Другіе же пока удовлетворились завѣреніями директоровъ банковъ и успокоились.

14/27 октября.

Я задумалъ сегодня смѣлый поступокъ, и, ни съ кѣмъ не подѣлившись, привелъ его въ исполненіе: отправилъ большую депешу австрійскому министру Иностранныхъ Дѣлъ графу Берхтольду, прося его выпустить меня изъ западни. На телеграфѣ затруднялись принять эту депешу, куда-то съ нею побѣжали и заставили меня долго ждать, пока согласились принять. Еще въ большее смущеніе привело чиновника мое требованіе выдать мнѣ росписку, но въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ всетаки дать мнѣ таковую. Что-жъ дѣлать? Надо испытать всѣ законныя средства. Не думаю, чтобы это къ чему нибудь привело, но пусть не будетъ

повода къ самообвиненію въ бездѣйствіи. Своимъ порядкомъ я отправилъ сегодня отъ имени своего и Я—ко чрезъ испанское посольство въ Вѣнѣ копіи офиціальнаго отвѣта здѣшнимъ врачамъ, о которомъ писалъ вчера, Н. Ф. фонъ-Дитмару и Н. С. Авдакову, прося ихъ содѣйствія.

Отъ племянницы Зины получилъ письмо изъ Стокгольма, на 14-йдень послѣ отправки, о томъ, что онѣ уже выѣзжаютъ въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ черезъ Торнео, каковая поѣздка должна продолжаться 4 сутокъ. Не знаю, почему они предпочли этотъ длинный и болѣе дорогой путь и не поѣхали чрезъ Раумо пароходомъ прямо отъ Стокгольма. Судя по газетамъ, пароходное сообщеніе тамъ функціонируетъ правильно.

15/28 октября.

Чудный сухой осенній день. Дѣйствительность совершенно опровергла нелестныя предсказанія д-ра Ш—ро и другихъ объ ужасной, якобы, Карлсбадской осени. Пока ничего о ней не могу сказать кромѣ хорошаго и даромъ ее такъ незаслуженно оклеветали. Городской паркъ предъ моими окнами настолько оголился, что сквозь строй освободившихся отъ своихъ листьевъ деревьевъ виденъ ресторанъ Курзала съ верандою, а выше, на горахъ, виднѣется разстилающійся передъ тобою покраснѣвшій лѣсъ. Какъ здѣсь будетъ красиво зимою, когда все это и крыши высокихъ виллъ у подножія горы покроются снѣгомъ. Тѣмъ не менѣе никому изъ насъ не улыбается перспектива наслаждаться здѣшнимъ красивымъ зимнимъ пейзажемъ.

Утромъ мнѣ принесли еще одну депешу отъ М—на, вновь повторяющаго свое предостереженіе не пріѣзжать въ Гамбургъ. Что случилось? Эти упор-

ныя предостереженія весьма подозрительны, но пытаюсь успокоить себя тѣмъ, что имѣю дѣло съ нервными людьми, которые въ такое время, какъ нынѣшнее, еще болѣе потеряли свое и безъ того ограниченное самообладаніе.

Предъ обѣдомъ мнѣ принесли два письма изъ Швеціи отъ Л., сообщающей, что они хорошо ѣдутъ и уже приближаются къ Торнео, и открытку за подписью испанскаго посольства изъ Вѣны о томъ, что доставленное ему удостовѣреніе американскаго Консульства въ Карлсбадѣ о моемъ задержаніи переслано имъ по указанному мною адресу. Это очень любезно со стороны посольства, такъ какъ я даже не просилъ о подобномъ извѣщеніи меня.

М. М. показалъ мнѣ полученную имъ сегодня открытку отъ адмирала Скрыдлова изъ Берлина. Значитъ, слухи о томъ, что адмиралъ отпущенъ, невѣрны. Привезли еще новость: протоіерея Рыжкова и дьякона здѣшней церкви выпустили изъ-подъ ареста, и они теперь живутъ на свободѣ подъ надзоромъ полиціи въ Эгерѣ. М—скій былъ сегодня въ Bezirkshauptmannschaft по поводу его хлопотъ о переводѣ въ Баденъ. Помощникъ Іордана Деложъ ему отвѣтилъ, что незачѣмъ переѣзжать ему въ Баденъ, такъ какъ на этихъ дняхъ, будто бы, все равно, состоится обмѣнъ съ Россіею. Эта вѣсть хотя разнеслась съ быстротою молніи по всей колоніи, но на этотъ разъ не произвела никакого эффекта, такъ какъ никто уже не вѣритъ ихъ словамъ и обѣщаніямъ.

16/29 октября.

За обѣдомъ у Hanika споръ съ Я—ко принялъ у насъ почти характеръ ссоры. Онъ вновь сталъ распинаться въ своей „ненависти“. Почему, задалъ я ему категорическій вопросъ, какое основаніе для этой слѣпой ненависти?

— Потому что я ихъ терпѣть не могу.

— Какіе же факты, какіе поступки даютъ Вамъ право на это?

— Мое собственное чувство.

— Но для порядочнаго человѣка обязательно и другое—чувство справедливости, которое отличаетъ человѣка отъ животнаго, культурнаго индивидуума отъ дикаря, а справедливость не даетъ права кого либо ненавидѣть, если онъ этого не заслужилъ.

— Они заслуживаютъ.

— Чѣмъ же, гдѣ доказательства?

Разумѣется,—никакихъ доказательствъ нѣтъ, а всѣ данныя говорятъ противъ него же. Каждый, конечно, остался при своемъ. По его опущеннымъ глазамъ я видѣлъ, что въ глубинѣ души онъ сознаетъ свою неправоту и ему немного стыдно передо мною, но въ немъ заговорило что-то нехорошее, котораго онъ, не владѣя собою, побороть не можетъ. Въ такое время, какъ наше, люди впечатлительнаго темперамента подпадаютъ стадному чувству и это въ данный моментъ смягчаетъ его виновность въ моихъ глазахъ. Вопросъ только въ томъ, пройдетъ ли у него это настроеніе, когда онъ, рано или поздно, придетъ въ себя. Пока, щадя его, я рѣшилъ воздержаться отъ всякихъ разговоровъ съ нимъ на подобныя темы. Богъ съ нимъ.

17/30 октября.

Полицейскій день—пятница играетъ въ нашей жизни здѣсь нѣкоторымъ образомъ такую же роль, какъ дома воскресенье, тѣмъ, что онъ чѣмъ-то отличается отъ другихъ, однообразныхъ дней недѣли. Въ этотъ день надо сдѣлать что то такое, чего въ другіе дни не дѣлаютъ. Хотя эта обязанность,—схо-

дить въ полицію и предъявить свой волчій паспортъ для отмѣтки, въ высшей степени несложна, стоитъ даже минимумъ времени и не сопряжена съ особыми униженіями или непріятностями, — тѣмъ не менѣе она составляетъ еженедѣльную обязанность, которой не исполнять нельзя, почему volens nolens этотъ день какъ бы знаменуетъ собою грань между одною и другою недѣлями нашего плѣна. По штемпелямъ на своемъ документѣ каждый можетъ всегда легко сосчитать сколько недѣль онъ уже „лечится“ въ Карлсбадѣ. Я каждый разъ стараюсь продѣлать эту маленькую процедуру очень рано, до 9 часовъ, чтобы поменьше встрѣчаться тамъ съ нѣкоторыми изъ непріятныхъ соотечественниковъ, которыхъ стараюсь избѣгать.

Теперь я уже аккуратно посѣщаю Курзальскую читальню въ качествѣ ежедневнаго посѣтителя и занимаюсь тамъ нѣсколько часовъ подрядъ. Это мнѣ доставляетъ нѣкоторое удовлетвореніе, такъ какъ испытываю сознаніе того, что время не пропадетъ даромъ и не занимаюсь копченіемъ неба. Плохо только, что въ зимнее время тамъ ничего нѣтъ кромѣ нѣмецкихъ ежедневныхъ газетъ и лживыхъ американскихъ. Удивительно, какъ эти послѣднія лгутъ. Неужели американскій читатель такъ наивенъ, что всему этому вѣритъ?

18/31 октября.

Депеша о событіяхъ въ Черномъ Морѣ породила у насъ новую тревогу: а вдругъ и румынское направленіе, послѣднее для насъ возможное, захлопнется передъ нами. Тогда сиди какъ въ капканѣ, и даже въ случаѣ полной готовности здѣшнихъ властей выпустить насъ мы не сможемъ этимъ воспользоваться. Хотя вопросъ на этихъ же дняхъ

непремѣнно выяснится, но для лучшаго выясненія дѣла, чтобы излишне не томиться сомнѣніями, я вновь отправилъ депешу испанскому посольству въ Вѣнѣ съ просьбою ускорить нашъ выѣздъ, приведя сказанный мотивъ. Это, конечно, не отъ него зависитъ, но онъ по крайней мѣрѣ отвѣтитъ намъ, насколько правильны наши опасенія или же, можетъ быть, укажетъ, когда предвидится рѣшеніе нашего вопроса.

М. М. получилъ письмо отъ здѣшняго куръ-директора бар. Герляха съ приложеніемъ номера большой итальянской газеты Giornale d'Italia, въ которой Амфитеатровъ разсказываетъ о дурномъ обращеніи здѣсь съ К—скимъ. Г. Герляхъ, указывая на хорошее обращеніе Карлсбадцевъ со всѣми русскими, и сопоставляя этому примѣръ жестокаго обращенія во Франціи съ нѣмцами и австрійцами, при чемъ не была пощажена даже такая личность какъ 72-лѣтній писатель Максъ Нордау,—проситъ М. М. опровергнуть письмо Амфит. К—скій собирается что-то по этому поводу написать и обѣщаетъ показать мнѣ то, что онъ напишетъ, предварительно отсылки по назначенію. Жаль, что я не въ состояніи прочесть эту статью въ подлинникѣ. М. М. завтра намъ переведетъ ее и обсудимъ дѣло совмѣстно.

19 октября—1 ноября.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

20 октября—2 ноября.

И ноябрь уже вчера начался, а погода все стоитъ великолѣпная. Съ удовольствіемъ сидишь еще въ саду или на балконѣ съ газетою въ рукахъ, какъ у насъ въ маѣ или августѣ. Сегодня мы пили чай у К—скихъ и провели тамъ время въ двухчасовой бесѣдѣ, послѣ чего, пользуясь прекраснымъ вечеромъ, отправились всѣ пѣшкомъ къ Напіка поужинать. Я нахожу интересъ въ его разсказахъ о его встрѣчахъ и бесѣдахъ съ европейскими учеными разныхъ странъ. Сегодня онъ разсказывалъ о своей жизни въ Стокгольмѣ, гдѣ провелъ четыре мѣсяца, читая лекціи въ мѣстномъ университетѣ. Кто-то пустилъ сегодня слухъ, что насъ скоро всетаки отпустятъ, но чрезъ прежнюю русско-австрійскую границу. Эта перспектива никому не улыбается, нѣкоторымъ даже страшно. Я самъ не радъ былъ бы подобной поѣздкѣ и предпочелъ бы ѣхать хотя вокругъ свѣта, лишь бы не этимъ путемъ. Такъ какъ вообще не имѣется реальныхъ данныхъ, подтверждающихъ этотъ непровѣренный слухъ, то нечего преждевременно интересоваться способомъ поѣздки.

На депешу, посланную нами втроемъ въ субботу испанскому посольству въ Вѣну, отвѣта все еще нѣтъ, равнымъ образомъ не имѣю до сихъ поръ никакого отвѣта на свою депешу австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Берхтольду. Онъ вѣроятно никакого отвѣта не дастъ, и ему, должно быть, вообще не до насъ.

21 октября—3 ноября.

Несмотря на явную безнадежность всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ нами попытокъ получить

желанную свободу, малѣйшій лучъ надежды, откуда бы онъ ни блеснулъ, подымаетъ у насъ энергію и рисуетъ картину близкой свободы. Сегодня былъ такой случай. Здѣшній докторъ Струнцъ, весьма почтенный и сановный старецъ, получилъ письмо отъ своего друга г. Бернгарда Раухъ изъ Вѣны, справляющагося у него обо мнѣ и Я—ко, и сообщающаго, что кто-то изъ его друзей въ Петербургѣ телеграфно проситъ его содѣйствовать полученію нами разрѣшенія поѣхать на родину. Г. Струнцъ лично явился ко мнѣ разузнать въ чемъ дѣло и сообщилъ, что г. Раухъ очень вліятельный человѣкъ въ Вѣнѣ, имѣетъ тамъ большія связи и, по его мнѣнію, можетъ намъ помочь. Разумѣется, мы ему немедленно написали, хватаясь какъ утопающіе за каждую соломенку. Съ другой стороны я сегодня получилъ изъ Вѣны срочную депешу отъ испанскаго посольства, въ отвѣтъ на нашъ телеграфный запросъ отъ прошлой субботы, слѣдующаго содержанія: „Machen sie ihrerseits Schritte. Wir erwarten baldigst günhstige Antwort Ministerium. Spanische Botschaft". (Сдѣлайте шаги съ своей стороны. Ожидаемъ скоро благопріятнаго отвѣта отъ Министерства. Испанское посольство). Какъ понимать этотъ отвѣтъ? Съ одной стороны ожидается „скорый благопріятный отвѣтъ", а съ другой стороны рекомендуется намъ самимъ „дѣлать шаги". Мы всѣ въ оцѣнкѣ этого отвѣта, вѣсть о которомъ разнеслась по всей колоніи съ быстротою молніи, сходимся на томъ мнѣніи, что утѣшительнаго въ немъ мало. Во-первыхъ, посольство ничего не говоритъ о нашемъ выѣздѣ, а лишь объ о т в ѣ т ѣ, но отъ „благопріятнаго" даже „отвѣта" до возвращенія паспортовъ еще далеко. Во-вторыхъ, совѣтъ дѣйствовать самимъ доказываетъ неувѣренность самого посольства въ предстоящемъ нашемъ выѣздѣ. Прежде

это самое посольство говорило болѣе увѣреннымъ и твердымъ языкомъ. Или мы дѣйствительно такъ погрязли по уши въ пессимизмъ, что ничему больше не вѣримъ?

22 октября—4 ноября.

М. М. получилъ сегодня письмо изъ Висбадена отъ г-жи Янжулъ, что тамъ скончался ея мужъ и его другъ, академикъ И. И. Янжулъ, который туда пріѣхалъ еще лѣтомъ лечиться и былъ застигнутъ войною. Въ газетахъ давно сказано было, что оттуда всѣхъ русскихъ выслали, почему полагаемъ, что въ виду его научнаго имени, старости и болѣзни, для него было сдѣлано исключеніе. Воспользоваться правомъ отъѣзда онъ, вѣроятно, не могъ по болѣзни, а теперь скончался на чужбинѣ, оторванный отъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, товарищей, друзей и почитателей. Я никогда лично не зналъ покойнаго, но хорошо знаю его какъ крупнѣйшаго русскаго ученаго экономиста и статистика. М. М. очень удрученъ этою смертью. Онъ, бѣдный, даже не могъ поѣхать на похороны. Думаю, что въ Россіи объ этомъ уже знаютъ.

Мое терпѣніе сегодня подверглось испытанію и не выдержало. Не имѣя въ Петербургѣ времени посѣщать театры, и, по этой причинѣ, пользуясь тамъ этимъ удовольствіемъ крайне рѣдко, я все утѣшался мыслью, что когда поѣду заграницу и буду свободенъ каждый вечеръ, получу полную компенсацію. Кончилось это тѣмъ, что какъ только я пріѣхалъ въ Карлсбадъ началась война и театры закрылись. На этихъ же дняхъ вдругъ пріѣхала сюда какая-то театральная труппа изъ Вѣны и назначила два вечренихъ спектакля. Играютъ оба вечера новую оперетку подъ названіемъ „Anno 14“. Я соблазнился и пошелъ смотрѣть, но

оказалась такая бездарная чепуха на патріотической подкладкѣ, что моего терпѣнія хватило только на два дѣйствія. Больше я не выдержалъ и сбѣжалъ. Такова моя компенсація!..

23 октября—5 ноября.

Члены нашей колоніи Ѳ—въ и С—нъ получили изъ дому письма, въ которыхъ имъ сообщаютъ, что положеніе дѣлъ въ Россіи далеко не такое скверное, какъ мы себѣ здѣсь представляемъ. Пишутъ имъ изъ Саратова черезъ Швейцарію порусски и довольно подробно, а мои корреспонденты, даже братъ, никакъ не могутъ достигнуть этой возможности. Просто досадно.

Къ обѣду М. М. принесъ намъ сообщеніе отъ американскаго консула, что вѣнское испанское посольство не отправило нашего письма на имя предсѣдателя Совѣта Министровъ, такъ какъ оно находитъ это излишнимъ въ виду предстоящаго и безъ того скораго нашего отъѣзда. Мы были весьма удивлены этому сообщенію послѣ полученной мною лишь третьяго дня депеши того же посольства, рекомендующей предпринять шаги отъ себя, и рѣшили, что завтра я отправлюсь къ консулу узнать подробнѣе въ чемъ дѣло, но вечеромъ у Штейнера д-ръ Т—еръ показалъ намъ перепечатку въ Prager Tageblatt изъ офиціознаго Fremdenblatt, что между Россіей и Австріей уже состоялось соглашеніе, въ силу котораго всѣ плѣнные старше 45 лѣтъ будутъ обмѣнены, каковое соглашеніе будетъ приведено въ дѣйствіе немедленно по полученіи центральнымъ правительствомъ въ Россіи списковъ отъ губернаторовъ. Послѣдній пунктъ насъ сильно смущаетъ, такъ какъ мы хорошо знаемъ, сколько времени требуетъ такая сложная процедура. Каждый изъ 70 губернаторовъ

долженъ запросить 15 уѣздныхъ исправниковъ, а тотъ въ свою очередь 5—10 становыхъ приставовъ. Эта картина не способна вселить намъ веселыхъ надеждъ...

24 октября—6 ноября.

Хорошій сонъ, которымъ я къ своему великому удовольствію до сихъ поръ пользовался все время моего пребыванія въ Карлсбадѣ, куда-то въ послѣднія ночи исчезъ. Такъ какъ при моей болѣзни крѣпительный сонъ дѣйствуетъ весьма благотворно, то не могу не пожалѣть объ этомъ измѣненіи. Ложусь попрежнему въ 10 часовъ, но не засыпаю до часу и, заснувъ, вновь просыпаюсь подъ утро. Въ чемъ причина? Образъ жизни всегда одинаковъ и состояніе погоды все благопріятное. Думаю, что корень зла заключается въ томъ угнетенномъ состояніи духа, граничащемъ съ тяжелою душевною драмою, въ которое я впалъ. Что можетъ быть хуже разочарованія во всемъ человѣчествѣ, крушенія всѣхъ идеаловъ, всѣхъ благъ культуры и морали? А разочарованіе это не капризъ, вытекающій изъ личныхъ переживаній, но покоится на разыгрывающихся предъ всѣмъ міромъ ужасныхъ событіяхъ и фактахъ. . . . .
. . . .

25 октября—7 ноября.

Изъ двухъ различныхъ источниковъ я сегодня получилъ офиціальныя свѣдѣнія о томъ, что часъ нашего освобожденія близокъ. Во-первыхъ, м-ръ Юнгъ подтвердилъ мнѣ полученное имъ сообщеніе отъ испанскаго посольства въ Вѣнѣ, что

онъ не находитъ нужнымъ отправить наше заявленіе И. Л. Горемыкину, такъ какъ все равно мы скоро будемъ отпущены домой, при чемъ м-ръ Юнгъ на мой вопросъ отвѣтилъ, что онъ лично на этотъ разъ не сомнѣвается въ томъ, что мы дѣйствительно очень скоро получимъ возможность уѣхать. Вторымъ источникомъ является д-ръ Штрунцъ, получившій письмо отъ г. Рауха изъ Вѣны, въ отвѣтъ на мое письмо къ нему, что ему, Рауху, лично подтвердили въ испанскомъ же посольствѣ, что не далѣе какъ чрезъ 1—2 дня мы будемъ свободны. Я пока успѣлъ передать объ этомъ Я—ко и М—ону, которые просто воспрянули духомъ. У меня же, рядомъ съ пріятнымъ при подобномъ случаѣ чувствомъ, которое неминуемо долженъ испытать каждый, находящійся въ положеніи лишеннаго свободы передвиженія, явилось также тревожное состояніе духа. Съ возвращеніемъ въ Россію я окажусь отрѣзаннымъ отъ матери и сестры на неопредѣленное время. Не буду ли тамъ съ сожалѣніемъ вспоминать о карлсбадскомъ спокойствіи, а вѣдь въ мои годы спокойствіе становится уже большою цѣнностью. Первое, радостное чувство, однакожъ, беретъ верхъ, такъ какъ оно реальное, а второе — лишь смутное предположеніе.

26 октября—8 ноября.

Сегодня воскресный день и въ сознаніи, вѣрномъ или ложномъ, что провожу послѣднее воскресенье въ Карлсбадѣ, я дважды поддался соблазну предаться бездѣлію: провелъ все утро съ М. М. въ кафе Biedermann за игрою въ домино, по обыкновенію побѣждая его каждый разъ, а послѣ обѣда совершилъ прогулку на извозчикѣ за городъ, въ St. Hubertus, благо погода хорошая, съ Я—ко и

М—номъ, которые въ восторгѣ отъ предстоящей поѣздки домой. Для М. М. задача нѣсколько осложняется изъ-за его воспитанницы, которая, какъ австрійско-подданная, не можетъ теперь поѣхать въ Россію. Онъ здѣсь написалъ свои воспоминанія о первой Государственной Думѣ, въ которой состоялъ членомъ, но онъ этого съ собою не возьметъ, а оставляетъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что онъ желаетъ, чтобы это было напечатано лишь послѣ его смерти. Кромѣ этого труда онъ успѣлъ здѣсь написать еще нѣсколько статей по исторіи для Вѣстника Европы и для Энциклопедическаго Словаря Граната. Вѣроятно и этихъ вещей онъ тоже не возьметъ съ собою, когда поѣдетъ, опасаясь, что на границѣ не пропустятъ.

Телеграфное порученіе г. Б. Рауху позаботиться обо мнѣ и Я—ко, какъ оказывается, дано было М. Н. С—вымъ, знакомымъ съ г. Раухомъ. Не знаю только, принадлежитъ ли иниціатива самому С—ову или Н. С. Авдакову и Н. Ф. фонъ-Дитмару. Пріятно сознавать, что гдѣ-то далеко, на родинѣ, имѣются люди, которые о тебѣ заботятся. Спасибо имъ сердечное.

27 октября—9 ноября.

Оказывается, здѣсь находятся люди, которые еще болѣе тоскуютъ, чѣмъ мы. При томъ люди свободные, не „враги“, и не заложники, какъ мы. Я встрѣтился сегодня на улицѣ съ американскимъ консуломъ г. Юнгомъ, который завелъ со мною длинную бесѣду и разсказалъ, что онъ рѣшилъ бѣжать отсюда, пропадая отъ бездѣлія и тоски. Человѣкъ молодой, американецъ, привыкшій дома къ кипучей дѣятельности и владѣя однимъ лишь англійскимъ языкомъ, онъ дѣйствительно можетъ

въ настоящее время впасть здѣсь въ сплинъ. Зимою вообще въ Карлсбадѣ дѣлать нечего, но особенно въ этомъ году, когда ни одного американца или англичанина тутъ нѣтъ, онъ не знаетъ куда дѣваться и завидуетъ намъ, у коихъ все-таки свой кружокъ, связанный общею неволею. А мы еще претендуемъ, жалуемся на свою судьбу и рвемся домой. Впрочемъ, нѣкоторые изъ насъ уже стали сознавать, что здѣсь вообще не такъ скверно, и намѣрены, когда насъ отпустятъ на свободу, остаться въ Карлсбадѣ или уѣхать въ Швейцарію, а не въ Россію. Таковы П—скій и Н - иковъ. И я, можетъ быть, поступилъ бы такъ, еслибъ не служебныя обязанности и жажда дѣятельности. М. М. подавно ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы здѣсь зимовать, такъ какъ Государственный Совѣтъ и высшія учебныя заведенія, какъ пишутъ въ здѣшнихъ газетахъ, все равно закрыты. Онъ въ послѣдніе дни все волнуется и ничего не дѣлаетъ. Это его душевное состояніе мнѣ сегодня стоитъ цѣлый день времени, такъ какъ послѣ обѣда вмѣсто того, чтобы отправиться домой заниматься, я до 7 ч. вечера, чтобы нѣсколько развлечь его, игралъ съ нимъ въ домино и гулялъ, а вечеромъ, зайдя въ café Boulevard выпить чаю, мы имѣли несчастье наткнуться на г-жу N..... которая своею пустою болтовнею чуть ли не довела насъ до обморока.

28 октября—10 ноября.

Все-таки пришлось телеграфировать г. Рауху, что до сихъ поръ мы пребываемъ въ прежнемъ положеніи и ничего намъ не сообщаютъ о предстоящемъ освобожденіи. По увѣреніямъ Я—ко и М—на, тѣ члены колоніи, которые по своему возрасту не могутъ попасть въ разрядъ освобождае-

мыхъ, проявляютъ изъ зависти недовольство противъ насъ, стариковъ. Мнѣ что-то не вѣрится, чтобы люди были такъ злы. Здѣсь вѣдь нѣтъ никакой конкурренціи и одинъ другому ни въ чемъ не мѣшаетъ. Я бы въ подобномъ случаѣ радовался тому, что если не всѣмъ, то хоть бы нѣкоторымъ скоро станетъ лучше. Неужели для того, чтобы оправдать поговорку „на міру и смерть красна", умирающему слѣдуетъ желать, чтобы всѣ умерли вмѣстѣ съ нимъ? Думаю все-таки, что далеко не всѣ такъ на это смотрятъ. Помимо всего не слѣдуетъ забывать, что если въ данномъ случаѣ дается старикамъ привиллегія, то таковая вытекаетъ изъ мотива далеко не такого радостнаго свойства, хотя я лично не хотѣлъ бы теперь быть молодымъ и искренно считаю, что предстоитъ такое всеобщее озвѣрѣніе всѣхъ людей, которое въ одно поколѣніе не исчезнетъ, почему чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ лучше. Я вовсе не могу согласиться со здѣшними газетными болтунами, которые, сами тому не вѣря, кричатъ, ради разжиганія патріотическаго рвенія, что послѣ войны наступитъ золотой вѣкъ, всеобщая любовь и равенство. . . . .
. . . .
. . . .

29 октября—11 ноября.

Однакожъ, Раухъ еще пять дней тому назадъ писалъ, что по словамъ испанскаго посольства чрезъ 1—2 дня „мы будемъ свободны" (Werden die Herren frei sein), а до сихъ поръ здѣшнія власти еще ничего не получили изъ Вѣны и на нашу депешу отъ вчерашняго утра никакого отвѣта нѣтъ. Эта проволочка мало бы насъ безпокоила, если бы не исторія съ англичанами въ Германіи, которыхъ за-

перли въ концентраціонномъ лагерѣ, и начинающіе появляться въ послѣдніе дни слухи и газетныя статьи, требующія примѣненія къ русскимъ гражданскимъ плѣнникамъ такихъ же репрессій, которыя, по словамъ этихъ газетъ, практикуются въ Россіи по отношенію къ нѣмцамъ и австрійцамъ. Въ Германіи дѣйствительно въ послѣднее время режимъ сталъ гораздо строже, и отдѣльные эпизоды, подтверждающіе эти слухи, уже дошли до насъ. Это нервируетъ насъ, вызывая разныя опасенія за ближайшіе дни, если немедленно не уѣдемъ. Я ужасно безпокоюсь за бѣдныхъ мать и сестру съ дѣтьми въ Гамбургѣ. Они такъ спокойно жили 8 лѣтъ въ Германіи и теперь ни за что ни про что имъ придется вкушать всѣ прелести ежедневнаго хожденія въ полицію, а зятя, чего добраго, не отпустятъ по его дѣламъ въ Россію, что можетъ его разорить. До чего все это дико и не укладывается въ умѣ. Какое дѣло этимъ несчастнымъ невиннымъ женщинамъ и дѣтямъ до войны и ея виновниковъ. Если человѣкъ дѣйствительно происходитъ отъ обезьяны, то не начинается ли обратная эволюція и не будетъ ли грядущая обезьяна имѣть своимъ прародителемъ человѣка...

30 октября—12 ноября.

Прошло уже три дня, какъ отправлена депеша Рауху, а отъ него ни слуху, ни духу. Наступившій подъемъ, вслѣдствіе этого, вновь начинаетъ падать. Неужели правы тѣ скептики изъ нашей среды, которые утверждаютъ, что пока не будемъ по ту сторону границы, нельзя вѣрить, что скоро будемъ дома? М. М. даже настолько пессимистично смотритъ, что не только не вѣритъ въ наше возвращеніе на родину, но и допускаетъ, что насъ

еще куда нибудь отправятъ изъ Карлсбада подальше. Между тѣмъ приближается уже конецъ года и необходимость быть въ Петербургѣ становится для меня все настоятельнѣе. Я сегодня отправилъ Рауху еще письмо, но червь сомнѣнія забрался и въ мою душу, такъ какъ послѣ категорическихъ выраженій его письма на имя д-ра Штрунца дѣйствительно трудно понять это загадочное молчаніе и оставленіе депеши безъ отвѣта. Въ другое время подобное, постигшее меня, несчастіе могло бы окончательно разрушить мою нервную систему, но теперь, когда гибнутъ милліоны молодыхъ жизней, разрушается благосостояніе и счастіе сотенъ тысячъ людей и даже цѣлыхъ народовъ, столько же неповинныхъ въ войнѣ съ ея ужасами сколько и я,—совѣстно, право, придавать особое значеніе своему личному горю. Когда вспомнишь объ этомъ, то перестаешь горевать и не потому, что находишь утѣшеніе въ чужихъ страданіяхъ, что свойственно нѣкоторымъ жестокимъ по натурѣ людямъ, а потому, что совѣсть не позволяетъ придавать значеніе маленькимъ страданіямъ своей неважной личности, являющимся лишь ничтожною каплею въ общемъ морѣ слезъ и крови.

31 октября—13 ноября.

Въ 8 часовъ утра д-ръ Штрунцъ получилъ депешу отъ г. Рауха, что извѣщеніе о моемъ освобожденіи въ посольствѣ уже получено, а вопросъ о Я—ко еще не разрѣшенъ. Онъ немедленно вызвалъ меня и сообщилъ эту вѣсть. Казалось бы, что меня должно было охватить чувство радости, но ничуть не бывало. Во-первыхъ, я вообще почему-то встрѣчаю съ тяжелымъ чувствомъ въ сердцѣ свое „освобожденіе“, во-вторыхъ, я былъ огоро-

шенъ тѣмъ, что это не распространяется на Я—ко, и не знаю, какъ мнѣ поступить въ отношеніи его и что ему сказать. Собственно самъ не знаю, чѣмъ вызвано данное мнѣ преимущество. Есть ли это отголосокъ прежнихъ моихъ ходатайствъ или какая нибудь случайность? Должно быть, причина останется для меня навсегда тайною. Я первымъ дѣломъ рѣшилъ открыть это Я—ко, что немедленно и сдѣлалъ. Онъ былъ весьма огорченъ, но, повидимому, понялъ мое чувство смущенія. Я тутъ же, въ его комнатѣ, написалъ письмо Рауху о томъ, что буду считать свой успѣхъ неполнымъ, пока не освободятъ Я—ко, и усердно просилъ его похлопотать объ этомъ въ Вѣнѣ. Я—ко отъ себя ничего не написалъ и самъ сдалъ мое письмо на почту. Никому другому я пока объ этомъ не сообщилъ. Несчастье, что Раухъ боится вступить съ нами въ непосредственную переписку, не желая попасть въ подозрѣніе за сношенія съ „врагами“...

Какъ это все глупо и тяжело.

1/14 ноября.

Наступилъ уже „настоящій“, т. е. русскій ноябрь, что означаетъ начало третьяго мѣсяца просроченнаго мною рабочаго времени. Трудно, конечно, допустить, чтобы всколыхнувшія весь міръ событія не требовали отъ всѣхъ дѣловыхъ людей напряженія всѣхъ силъ для общей работы. Я тоже, нѣкоторымъ образомъ, человѣкъ дѣла и долга и обреченъ на копченіе карлсбадскаго неба. Утромъ я не выдержалъ и телеграфировалъ испанскому послу, прося подтвердить частный слухъ о моемъ освобожденіи. Пока отвѣта нѣтъ. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ у меня спрашиваютъ по поводу хлопотъ Рауха. Я—ко говоритъ, что онъ прошлую ночь не спалъ и за все время его пребыванія въ Карлсбадѣ

онъ еще не пережилъ такого тяжелаго настроенія, какъ сегодня. Ему страшно оставаться одному здѣсь при его слабомъ знаніи языка и отрицательномъ отношеніи къ большинству членовъ нашей колоніи. Дѣйствительно, его положеніе незавидно и я его, несчастнаго, вполнѣ понимаю.

Я выписалъ и сегодня получилъ нѣсколько новыхъ интересныхъ книгъ и сталъ получать Hamburger Fremdenblatt, преслѣдуя при этомъ двѣ цѣли: имѣть одну изъ лучшихъ въ Германіи дѣловыхъ газетъ и усилить этимъ связь со своими, живущими въ томъ городѣ, гдѣ издается эта газета, изъ чтенія которой, можетъ быть, узнаю кое-что и о нихъ. Теперь матеріала для чтенія и работы есть у меня гораздо больше того, что укладывается въ мое свободное отъ сна и ѣды время. Въ этомъ отношеніи я еще счастливѣе другихъ моихъ товарищей по плѣну, которые страдаютъ отъ бездѣлія и не знаютъ куда дѣвать свое время.

2/15 ноября.

На свою депешу я получилъ отвѣтъ отъ испанскаго посольства слѣдующаго содержанія: „Angelegenheit erledigt, fehlen kleine Details“ (Дѣло рѣшено, недостаетъ мелкихъ деталей). Такъ какъ я не имѣю никакого основанія не вѣрить Рауху, то первая часть депеши ничего не прибавила къ тому, что я уже зналъ, но вторая часть является ложкою дегтя въ бочкѣ меду. Вѣдь это недостающія детали, какъ бы онѣ ни были „малы“, могутъ задержать наше освобожденіе Богъ знаетъ насколько времени. Чѣмъ же, собственно, моя участь легче другихъ и какая для меня разница—по деталямъ ли не выпускаютъ или вообще не освобождаютъ: на лицо фактъ томительнаго сидѣнія, какъ и было до сихъ поръ, и ничего новаго въ моемъ положеніи не

произошло. Между тѣмъ стоитъ только, чтобы муравейникъ про это узналъ и начнется плачъ и скрежетъ зубовный, а такъ какъ въ нашей разнообразной колоніи нѣтъ недостатка въ дурныхъ элементахъ и даже въ сумасшедшихъ, то конечно будутъ сочинять самые лживые и нелѣпые мотивы по поводу даннаго мнѣ преимущества. Я пока сообщилъ о положеніи дѣла, кромѣ Я—ко, также М—ну и они оба того мнѣнія, что пока объ этомъ никому сообщать не слѣдуетъ.

3/16 ноября.

Вставъ утромъ съ постели, послѣ безсонной ночи, и поднявъ жалюзи, я увидѣлъ первый снѣгъ на крышахъ домовъ и на деревьяхъ. Это вызвало у меня рой мыслей въ головѣ и тоскливое чувство въ сердцѣ. Зима и Карлсбадъ! Это что-то странное, какое-то безсмысленное сочетаніе фактовъ и понятій, что-то въ родѣ лѣтняго катанія на саняхъ или маевки въ декабрѣ. Съ терминомъ „Карлсбадъ“ неизбѣжно представленіе о толпѣ одѣтыхъ въ бѣломъ кургастовъ обоего пола, шныряющихъ по улицамъ курорта или сидящихъ за столикомъ на террасахъ кафе и парковъ, о прогулкахъ въ садахъ и въ лѣсу, о роскошныхъ цвѣтникахъ вокругъ виллъ и полуголыхъ ребятишкахъ на улицахъ, и вдругъ снѣгъ и зима! Неисповѣдимы пути судьбы. Для меня снѣгъ—это принадлежность такого времени года, когда работа кипитъ какъ въ котлѣ, когда мчишься изъ одного засѣданія въ другое, со съѣзда въ какую нибудь комиссію или совѣщаніе, и не знаешь. какъ выкроить 10 минутъ времени для завтрака или обѣда. Сидѣть же дома или въ кафе, читать газеты и смотрѣть чрезъ окно на Карлсбадскій зимній пейзажъ—это какъ будто сонъ, а не реальный фактъ. Это мыслимо только въ наши

дни неограниченныхъ возможностей и неожиданныхъ событій, перевернувшихъ вверхъ дномъ всѣ міровые порядки и перепутавшихъ все жизнепониманіе человѣка.

Американскій консулъ остался вѣренъ своей щепетильности и уклонился отъ исполненія моей просьбы спросить испанское посольство въ Вѣнѣ по телефону, въ чемъ заключаются „детали", о коихъ говорится въ депешѣ на мое имя, и когда таковыя будутъ устранены. Онъ находитъ это неудобнымъ потому, что депеша посольства адресована мнѣ, а не ему. Зато онъ обѣщалъ въ среду, когда истекутъ 10 дней съ полученія имъ отъ того же посольства сообщенія, что наше прошеніе на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ не отправлено по принадлежности, въ виду предстоящаго скораго нашего освобожденія,—написать посольству и спросить, когда же именно состоится это освобожденіе. Я особенно не настаивалъ на своей просьбѣ и согласился съ этимъ.

М. М. былъ сегодня чрезвычайно радъ узнать отъ меня впервые, что избраніе его въ члены Императорской Академіи Наукъ по кафедрѣ политической исторіи удостоилось Высочайшаго утвержденія. Онъ очень сомнѣвался въ этомъ утвержденіи, что, по его мнѣнію, означаетъ, якобы одобреніе его политической программы. Я этого его взгляда не раздѣляю, о чемъ и сказалъ ему. Узналъ я объ этомъ изъ замѣтки въ N. Fr. Presse, написанной другимъ членомъ Росс. Академіи наукъ, профессоромъ Вѣнскаго университета Ягичемъ, чего самъ М. М. не замѣтилъ, хотя получаетъ эту газету. Съ этимъ званіемъ связано также нѣкоторое матеріальное обезпеченіе для его носителя въ видѣ пожизненнаго ежегоднаго жалованья въ 4000 р. въ годъ. Эта кафедра спеціально учреждена при Академіи впервые для М. М.

4/17 ноября.

Утромъ зашелъ ко мнѣ мой домовладѣлецъ г. Фишеръ и показалъ мнѣ замѣтку въ Karlsbader Badeblatt о послѣдовавшемъ распоряженіи мѣстнаго начальства, чтобы мы, пребывающіе здѣсь подданные враждебныхъ державъ, не отлучались изъ своихъ квартиръ ранѣе 8 ч. утра и позже 8 ч. вечера и чтобы не пользовались для своей корреспонденціи чужими адресами. За нарушеніе сего будутъ приняты самыя строгія мѣры. Одобряя эти новые скорпіоны, газетка объясняетъ это тѣмъ, что таковые должны служить отвѣтомъ за жестокое обращеніе въ Россіи съ австрійскими подданными. Газета при этомъ утверждаетъ, что нѣкоторые здѣшніе русскіе, будто бы, ведутъ себя вызывающе по отношенію къ австрійцамъ. До насъ, дѣйствительно, дошло, что одинъ молодой членъ нашей колоніи позволяетъ себѣ буянить въ публичныхъ мѣстахъ и что, будто-бы, какіе-то двое молодыхъ людей изъ русскихъ устроили дебошъ въ кинематографѣ. Мѣры наказанія противъ такихъ господъ были бы логичны, но подвергнуть наказанію всѣхъ насъ за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ — крайне несправедливо. Это распоряженіе произвело на всѣхъ насъ удручающее впечатлѣніе, такъ какъ по мнѣнію многихъ изъ насъ, согласующемуся съ редакціей газетной статейки, оно знаменуетъ собою вообще поворотъ въ мягкой политикѣ, которую до сихъ поръ примѣняли къ намъ, и начало новой политики репрессій и возмездія. Съ своей стороны думаю, что нѣкоторую роль здѣсь могло сыграть уклоненіе К—го

отъ категорическаго опроверженія фактовъ, приведенныхъ въ итальянской газетѣ, чего такъ добивались здѣшнія власти. Отвѣтъ К—го ихъ ничуть не удовлетворилъ. Признаться, самъ М. М. не былъ

удовлетворенъ, кажется, редакціею своего отвѣтнаго письма барону Герляху и цѣлую недѣлю не рѣшался его отправить. Новый порядокъ пока намъ офиціально не объявленъ, и сегодня мы еще пользовались старыми „свободами". Завтра, вѣроятно, удостоимся получить его офиціально.

М. М. получилъ отъ испанскаго посла отвѣтъ на депешу, посланную ему Я—ко и М—мъ. Посолъ телеграфно имъ сообщаетъ, что онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что ему дѣлать надлежало, но отъ министерства иностранныхъ дѣлъ,—должно быть австрійскаго, — онъ еще не имѣетъ отвѣта. Депеша, что и говорить, не способна вызвать восторга. М. М. высказываетъ свое твердое убѣжденіе, что всѣ останутся здѣсь до конца войны. Съ своей стороны я сегодня написалъ тому же посольству, прося ускорить выясненіе тѣхъ „деталей", которыя служатъ причиною моей личной задержки. Отъ Рауха пока не получено никакого отвѣта на всѣ мои письма къ нему. Такую же участь постигло письмо къ нему Я—ко.

5/18 ноября.

Мрачныя тучи надъ нашими головами сгущаются все болѣе и болѣе. Нѣкоторые изъ насъ уже получили предписаніе, о которомъ вчера было сказано въ здѣшней Badeblatt, а отъ Рауха изъ Вѣны еще ничего нѣтъ. Но не въ этомъ кроется причина того, что за все время моего карлсбадскаго сидѣнія я еще не имѣлъ такого тяжелаго дня, какъ сегодня, а въ чемъ-то другомъ, болѣе для меня страшномъ, чѣмъ личныя страданія. Дѣло уже идетъ о дорогихъ для меня матери, сестрѣ и ея дѣтяхъ, которыя до сихъ поръ жили въ Гамбургѣ въ полномъ спокойствіи. Повидимому, теперь и до нихъ

добрались. Сегодня я наткнулся въ Hamburger Fremdenblatt на распоряженіе мѣстной военной власти, согласно котораго противъ находящихся тамъ русско-подданныхъ принятъ рядъ репрессивныхъ мѣръ гораздо хуже карлсбадскихъ: они должны два раза въ день являться въ полицію, не выходить изъ дому позже 8 час. вечера, не отлучаться изъ предѣловъ того полицейскаго участка, въ которомъ живутъ, и т. д. Мнѣ страшно стало за своихъ; неужели моя 78-лѣтняя мать должна дважды въ день ходить въ участокъ, когда при слабости ея ногъ она и чрезъ улицу пройти не можетъ. Тоже самое сестра съ Іозочкою, которой, кажется, уже наступилъ 16-й годъ, т. е. достигла того возраста, на который распространяются эти скорпіоны. Это что-то ужасное. Подобныя жестокія мѣры мотивируются въ газетахъ „отплатою" Россіи за жестокое обращеніе съ нѣмцами. Но этого еще недостаточно: не прошло и трехъ часовъ послѣ того, какъ я узналъ объ этомъ, и до меня дошло нѣчто болѣе ужасное. Изъ цѣлаго ряда городовъ въ Германіи, въ томъ числѣ изъ Гамбурга, совсѣмъ выселяютъ русско-подданныхъ. Значитъ — имъ предстоитъ высылка. Боже мой—куда они дѣнутся! Придется, значитъ, и дѣтямъ выступить изъ своихъ школъ. Какъ это ихъ, несчастныхъ малютокъ, будетъ угнетать. Страшно подумать, до чего это дико и незаслуженно. Онѣ, несчастныя, вѣдь не могутъ даже подробно и открыто написать мнѣ о своей горькой участи, такъ какъ ихъ письмо либо не будетъ выпущено оттуда, либо не будетъ пропущено ко мнѣ здѣсь. Кто могъ бы предсказать имъ такія безсмысленныя незаслуженныя страданія.

Для чего-то вызываютъ на завтра въ полицію М. М. Онъ самъ не знаетъ для чего, но толки пошли самые разнообразные: кто говоритъ, что его отпу-

скаютъ на свободу, а кто говоритъ, что не только его, но и всѣхъ насъ, стариковъ. Другіе же, болѣе пессимистически настроенные, утверждаютъ, что ему хотятъ объявить новыя „правила“ для всѣхъ насъ. Послѣ того, что я сегодня пережилъ, я склоненъ къ самому крайнему пессимизму и близокъ къ отчаянію, но допускаю и то, что подъ вліяніемъ сильной газетной агитаціи въ разныхъ странахъ въ его пользу, его одного дѣйствительно отпустятъ, не въ примѣръ прочимъ. Это былъ бы логичный и разумный шагъ со стороны австрійскихъ властей.

6/19 ноября.

Не успѣлъ я еще утромъ одѣться, какъ появился городовой и вручилъ мнѣ подъ росписку литографированный „манифестъ“ мѣстнаго начальства о новыхъ правилахъ нашей жизни здѣсь. Такой же документъ врученъ сегодня всѣмъ нашимъ безъ исключенія. Такъ какъ я уже третій день былъ къ этому подготовленъ, то этотъ актъ не произвелъ на меня особаго впечатлѣнія. Я все-таки отправился къ Іордану и показалъ ему депешу посольства о томъ, что мое дѣло разрѣшено, и получилъ отвѣтъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно. Заявивъ, что всѣ слухи о томъ, что отдѣльныя лица или категорія будто бы отпускаются, пока преждевременны, онъ при этомъ упомянулъ о вновь введенныхъ „правилахъ“, которыя, по его словамъ, исходятъ не отъ него. Ему,—прибавилъ онъ,—предъявлено было требованіе, чтобы намъ вообще было запрещено появляться въ ресторанахъ, кофейняхъ, кинематографахъ, концертахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ когда бы то ни было, но онъ смягчилъ этотъ режимъ на сколько могъ. Все это, по его словамъ, вызвано обращеніемъ съ

австрійскими и германскими подданными въ Россіи и является лишь возмездіемъ. Вступать съ нимъ по этому поводу въ споры и объясненія, конечно, было бы совершенно безцѣльно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ такъ мягокъ и учтивъ, что получалось даже впечатлѣніе нѣкотораго съ его стороны участія.

7/20 ноября.

Сегодняшняя регистрація носила совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ обычныя, бывшія до сихъ поръ. Придя въ полицію въ десятомъ часу утра я засталъ на лѣстницахъ большую толпу мужчинъ и женщинъ, ожидавшихъ очереди и сильно взволнованныхъ. Передавали другъ другу о предстоящихъ, будто бы, еще болѣе строгихъ стѣсненіяхъ. Публика уже знала, что въ N. Fr. Presse имѣется сообщеніе, что въ Вѣнѣ англичанамъ запрещено появляться въ публичныхъ мѣстахъ. Вхожу въ первую комнату и вижу цѣлую толпу, среди которой было лишь нѣсколько знакомыхъ лицъ. Чиновникъ по одиночкѣ пропускаетъ собравшихся въ другую комнату. Постоявъ немного, я дождался и своей очереди. Во второй комнатѣ я засталъ, кромѣ тѣхъ двухъ чиновниковъ, которые обычно принимаютъ насъ по пятницамъ, еще цѣлую толпу городовыхъ въ формѣ и сыщиковъ въ штатскомъ. Сама же церемонія регистраціи, въ отношеніи лично меня, была такая же, какъ всегда—вполнѣ корректная и краткая. Говорятъ, что нѣкоторымъ предлагали вопросъ, знаютъ ли они новыя правила, и вообще ихъ дольше задерживали. Очевидно, чинамъ полиціи насъ „предъявили“, чтобы они всѣ знали насъ въ лицо. За обѣдомъ у Hanika настроеніе у всѣхъ было чрезвычайно угнетенное. Ш—це передавалъ со словъ американскаго консула, будто было предполо-

жено арестовать всѣхъ насъ, и что это не сдѣлано лишь благодаря энергичному протесту куръ-директора барона Герляха въ интересахъ курорта. Намъ ставится въ вину, что мы собираемся толпою на улицахъ, въ кофейняхъ, громко говоримъ по-русски и т. д. Думаю, что это преувеличено. Какъ бы то ни было, а многіе изъ страха сидятъ дома, боясь показываться на улицахъ.

Я сегодня посѣтилъ д-ра Гана и показалъ ему депешу посланника, лежащую уже 9 дней у меня въ карманѣ, и до сихъ поръ остающуюся безъ послѣдствій и безъ какихъ либо признаковъ освобожденія. Онъ былъ весьма любезенъ и при мнѣ же написалъ своему другу, адвокату и депутату фонъ-Лихту, прося его заступничества за меня въ Вѣнѣ.

8/21 ноября.

Переживанія послѣднихъ дней разстроили нервы у всѣхъ насъ. Не составляю исключенія и я, но болѣе всѣхъ, конечно, Я—ко. Онъ реагируетъ на каждый фактъ, на всякій слухъ. Кто-то разсказалъ, что его квартирная хозяйка перемѣнила свое обращеніе съ нимъ и это уже комментируется какъ многозначительный симптомъ. Какой-то нѣмецъ сообщилъ, что куда-то привезли огромное количество раненыхъ и изувѣченныхъ на полѣ битвы людей и въ этомъ уже видятъ поводъ опасаться погрома.

Сегодня прошло ровно три недѣли со дня полученія мною послѣдняго письма отъ своихъ изъ Гамбурга. Не допускаю и мысли, чтобы они мнѣ такъ долго ничего не писали. Ясно, что ихъ невинныя, чисто семейнаго характера, письма валяются недѣлями у кого нибудь на столѣ и мнѣ ихъ не передаютъ. Но изъ этого я имѣю полное

основаніе сдѣлать еще худшій выводъ: значитъ и мои письма своей несчастной старой матери тамъ такъ долго задерживаютъ или ихъ вовсе ей не передаютъ. Кому это нужно и кто извлекаетъ пользу отъ этихъ мученій, причиняемыхъ „непричастнымъ къ дѣлу" людямъ? Мудрый Эдипъ, разрѣши!

Отправилъ имъ, на всякій случай, еще одну депешу, не считаясь съ тѣмъ, что это ихъ опять взволнуетъ.

9/22 ноября.

Чудный воскресный день, при легкомъ 3-градусномъ морозѣ, былъ использованъ нами, мною и Я—ко, съ самой лучшей стороны. Мы сейчасъ же послѣ завтрака въ café Boulevard отправились пѣшкомъ въ Pirkenhhammer и, пообѣдавъ тамъ въ Schützenmühle, тѣмъ же путемъ пошли назадъ, надышавшись вдоволь чистаымъ воздухомъ. Я только что вернулся домой въ пріятной усталости и могъ бы себя хорошо чувствовать въ ожиданіи крѣпкаго, ободряющаго сна. Но не тутъ то было: отсутствіе отвѣтной депеши изъ Гамбурга на мою вчерашнюю утреннюю телеграмму повергаетъ меня въ отчаяніе и дергаетъ нервы. Обыкновенно я самъ тугъ въ корреспонденціи съ ними и имъ приходиться посылать мнѣ телеграфные запросы о моемъ здоровьѣ; они же аккуратны. Если же я на этотъ разъ имъ телеграфировалъ, то при нормальномъ порядкѣ вещей еще вчера вечеромъ и, во всякомъ случаѣ, не позже сегодняшняго утра, отвѣтъ долженъ былъ быть у меня, между тѣмъ до сихъ поръ я его не имѣю. Не возмутительно ли, что подобная депеша явно невиннаго по своему содержанію свойства валяется гдѣ-то въ ожиданіи особаго разрѣшенія на врученіе, которое, можетъ быть, вовсе не послѣдуетъ. Ума не приложу, кто выигрываетъ отъ подобной жестокости и кому она нужна...

10/23 ноября.

По заведенному въ Карлсбадѣ порядку ночныя депеши доставляются рано утромъ. Много разъ телеграммоносецъ подымалъ меня съ постели, когда я еще спалъ, чтобы вручить депешу: не потому, что онъ не имѣетъ права оставить ее у прислуги внизу, а просто для того, чтобы получить на чай. Поэтому, проснувшись сегодня довольно поздно, я убѣдился, что и на третій день отвѣта отъ матери на свою депешу не имѣю. Я излилъ свою душу въ письмѣ на имя сестры и сдалъ письмо на почту заказнымъ, хотя увѣренъ, что до выѣзда изъ Гамбурга враждебныхъ иностранцевъ, которому крайній срокъ, какъ пишутъ въ мѣстныхъ газетахъ, истекаетъ 29. XI., письмо до нихъ не дойдетъ, такъ какъ будетъ валяться по обыкновенію продолжительное время въ цензурѣ. Тяжелое настроеніе или недомоганіе удержало меня отъ обычнаго утренняго шествія на совмѣстный завтракъ съ Я—ко и М—мъ въ cafe Boulevard, и, закусивъ въ одиночествѣ въ Асторіи, я купилъ свѣжую газету и отправился домой читать. Не будучи способенъ, подъ вліяніемъ удрученнаго состоянія духа, къ какой либо серьезной работѣ я предался газетному чтенію и шаганію взадъ и впередъ по комнатѣ, рѣшивъ быть въ 5 часовъ у д-ра Штрунца и попросить его протелеграфировать отъ себя въ Вѣну Рауху о положеніи дѣла относительно меня и Я—ко. Съ этимъ намѣреніемъ я отправился къ Hanika обѣдать, но какъ только вышелъ изъ дома, встрѣтилъ американскаго консула, сообщившаго мнѣ, что сегодня имъ получено офиціальное письмо отъ испанскаго посольства, что мое личное освобожденіе послѣдуетъ, какъ только пріѣдетъ отпущенный изъ Россіи какой то консулъ или какіе то консулы, который (или

которые) уже находится (или находятся) въ пути. По мнѣнію г. Юнга это дѣло нѣсколькихъ дней. Вѣрить ли сему? Горькій опытъ прежнихъ надеждъ и обѣщаній, частныхъ и официальныхъ, научили меня быть въ этомъ дѣлѣ скептикомъ. Мой скептицизмъ еще болѣе окрѣпъ, когда за обѣдомъ М. М. мнѣ сообщилъ, что вчера онъ получилъ письмо изъ Ташкента отъ попавшаго въ плѣнъ профессора вѣнскаго ун-та Мохачека о томъ, что онъ предложилъ русскимъ властямъ обмѣнять его на К—аго, между тѣмъ Мохачекъ уже въ Вѣнѣ, и въ газетахъ печатаются интервью съ нимъ, а о выпускѣ К—го еще нѣтъ рѣчи. Не будетъ ли тоже самое со мною тогда, когда мой консулъ пріѣдетъ? Вообще въ этомъ вопросѣ полная неурядица и хаосъ.

Послѣ обѣда мы всѣ отправились въ Асторію, пытались сыграть съ М. М. въ домино, но должны были прекратить, такъ какъ кругомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ нашихъ соотечественниковъ и всякими разговорами мѣшали намъ предаться этому единственному нашему здѣшнему развлеченію.

11/24 ноября.

Мое терпѣніе не выдержало и я отправился къ Іордану попросить отдать мнѣ мои письма. Не сказавъ худого слова, онъ пересмотрѣлъ двѣ пачки писемъ и отдалъ мнѣ двѣ открытки отъ сестры и ея мужа. Ничего особеннаго въ этихъ письмахъ не заключается, такъ какъ таковыя писаны были еще 16 и 17 чис., т. е. до распоряженія о выселеніи, которое послѣдовало 20-го. На свою же депешу отъ последней субботы я все отвѣта не имѣю и Іорданъ увѣряетъ, что депешъ онъ не задерживаетъ и немедленно передаетъ по адресу. Почему же, спраши-

вается, нѣтъ отвѣта и отъ Рауха, который могъ бы, по крайней мѣрѣ, сообщить то, что мнѣ вчера сообщилъ консулъ. Сегодня сжалился надо мною мой домовладѣлецъ г. Фишеръ и написалъ одному изъ своихъ знакомыхъ въ Гамбургѣ, прося его узнать о положеніи нашихъ, о чемъ и сообщить ему.

Пріѣхавшая изъ Берлина г-жа Н—къ разсказываетъ ужасныя вещи о выселеніяхъ и о репрессіяхъ въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и другихъ мѣстахъ Германіи. Послѣ этихъ разсказовъ я уже не питаю никакой надежды, что въ Гамбургѣ пощадятъ нашихъ. Я бы только хотѣлъ знать, куда они переселяются и какъ устроятся. Лишь бы они попали въ какой нибудь городъ съ хорошимъ населеніемъ, которое не будетъ относиться къ нимъ враждебно. Но что будетъ съ учащимися дѣтьми и съ матерью—вотъ самые страшные вопросы, подъ вліяніемъ коихъ я перестаю думать о себѣ.

12/25 ноября.

Сегодня мой дневникъ имѣетъ право считать себя юбиляромъ, такъ какъ съ этого дня ему уже идетъ четвертый мѣсяцъ. Родившись въ горѣ и тоскѣ, онъ не можетъ претендовать на удачное существованіе. Убѣдившись послѣ первыхъ двухъ недѣль своего карлсбадскаго сидѣнія, что таковое и по своей продолжительности и по своему характеру не будетъ похожимъ на обычный „cur“, я рѣшилъ записывать ежедневно передъ сномъ свои переживанія и личныя событія истекшаго дня, не касаясь непосредственно, по условіямъ мѣста и времени, разыгрывающихся міровыхъ событій. Я просто хотѣлъ имѣть лично для себя справочный матеріалъ на тотъ случай, если мнѣ суждено будетъ еще немного пожить на свѣтѣ, и когда нибудь появится же-

ланіе и возможность изложить на бумагѣ то, что пережито мною и лицами, раздѣляющими мою судьбу, въ эту необычайную эпоху нашей жизни, переживать которую никто изъ насъ никогда не предполагалъ. Хотя иногда становится совѣстно передъ самимъ собою, когда ставишь себѣ вопросъ, что я за важная особа такая, личная жизнь которой достойна описанія, но я нахожу оправданіе въ томъ, что дѣло не во мнѣ, а въ тѣхъ международныхъ историческихъ явленіяхъ, которыя вызвали нашъ Карлсбадскій плѣнъ.

Я сегодня провелъ вновь послѣ обѣда пару часовъ съ М. М. въ Асторіи за бесѣдою и игрою. Онъ мнѣ предлагаетъ обработать свои экономическія замѣтки и соединить свою работу съ его статьею, которую онъ уже написалъ о войнѣ, и издать это въ видѣ коллективнаго труда. Я, конечно, съ удовольствіемъ принялъ принципіально это предложеніе, но не знаю, гдѣ и когда это осуществить, такъ какъ увѣренъ, что по пріѣздѣ въ Россію на меня свалится такая гора всякой личной и общественной работы, что для литературныхъ занятій врядъ ли хватитъ времени.

Не получая долго никакого отвѣта отъ Рауха, мы сегодня вмѣстѣ съ Я—ко зашли къ д-ру Штрунцу узнать, нѣтъ ли у него для насъ чего нибудь. Оказалось, что онъ дѣйствительно уже нѣсколько дней имѣетъ письмо, въ которомъ г.Раухъ сообщаетъ, что онъ еще два раза былъ въ посольствѣ и ему вновь подтвердили, что вопросъ обо мнѣ окончательно рѣшенъ и недостаетъ только какихъ то формальностей, а дѣло Я—ко еще въ ходу. Отъ доктора я прямо отправился въ американское консульство, гдѣ м-ръ Юнгъ показалъ мнѣ свою переписку по нашему дѣлу съ испанскимъ посольствомъ. Въ письмѣ отъ 21. XI. посолъ пишетъ, что въ тотъ

же день отправилъ русскому Предсѣдателю Совѣта Министровъ наше заявленіе, уже давно ему представленное, съ приложеніемъ копіи отвѣта австрійскаго м—ра иност. дѣлъ карлсбадскимъ врачамъ, причемъ въ особомъ абзацѣ добавляется, что я буду отпущенъ, какъ только пріѣдутъ въ Стокгольмъ задержанные въ Россіи австрійскіе консулы, „которые уже освобождены“. Казалось бы—все въ порядкѣ. Между тѣмъ д-ръ Ганъ показалъ мнѣ вечеромъ депешу, полученную имъ сегодня изъ Вѣны отъ д-ра фонъ-Лихтъ, что дѣло „виситъ еще въ воздухѣ“. Не знаю—какъ это согласовать.

Наконецъ-то я получилъ телеграмму отъ матери, что они всѣ здоровы и ихъ дѣло пока еще въ неопредѣленномъ положеніи. Все-таки легче стало на душѣ и является надежда, что авось ихъ не вышлютъ.

13/26 ноября.

Страхъ усиленія репрессій въ случаѣ малѣйшаго нарушенія преподаннаго намъ режима такъ великъ у всѣхъ насъ, что вся колонія безъ исключенія безпрекословно соблюдаетъ съ величайшею точностью всѣ наши „заповѣди“. И это совершенно понятно: достаточно читать въ газетахъ до какой жестокости дошли въ нѣкоторыхъ государствахъ въ обращеніи съ невинными людьми, попавшими въ плѣнъ и совершенно къ военному дѣлу непричастными, чтобы считать все возможнымъ. Мы обязаны быть дома къ 8 часамъ вечера, но всегда приходимъ еще раньше, опасаясь опозданія. Я—ко, гдѣ бы ни находился, уже съ 7 часовъ начинаетъ волноваться и смотрѣть на часы. Лучше всего М—ну: онъ живетъ въ Hôtel de Russie и проводитъ вечера въ ресторанѣ той же гостиницы, что, по толкованію владѣльца, не считается отлучкою съ

своей квартиры. Я впрочемъ не увѣренъ, что подобное толкованіе будетъ допущено властями, когда они объ этомъ узнаютъ.

Сейчасъ получилъ депешу отъ сестры, что они надѣются остаться въ Гамбургѣ. Это пока только одна лишь надежда, которая можетъ не оправдаться, почему я еще не могу на этотъ счетъ успокоиться. Интересно также то, что мое письмо отъ 23-го октября ими уже получено было на третій день. Я здѣсь такою быстротою врученія корреспонденціи не пользуюсь. Не простой ли это случай, не въ примѣръ прочимъ?

14/27 ноября.

Встрѣтившись утромъ на регистраціи въ полиціи съ М. М., мы зашли въ кафе Biedermann позавтракать, бесѣдуя тамъ между собою и съ подоспѣвшимъ туда же Я—ко о злобахъ дня. Все было въ порядкѣ, пока не появилась г-жа N...: тутъ уже начался шумъ, раздражающій посѣтителей, крикливый французскій говоръ и хохотъ. Мы черезъ двѣ минуты съ Я—ко удрали. Оттуда я зашелъ къ Штарку и купилъ новую брошюру, рекомендованную мнѣ М. М—мъ, Артура Диксъ „Der Weltwirtschaftskrieg“ изъ серіи „Zwischen Krieg und Frieden“.

Во главѣ этой небольшой брошюры, которой я еще не читалъ, но заинтересовавшей меня своимъ заглавіемъ, касающимся близкой мнѣ экономической стороны вопроса,— имѣется небольшое предисловіе, въ которомъ ученые съ крупнѣйшими міровыми именами (Листъ, Лампрехтъ, Ирманъ) выражаютъ свой восторгъ предъ происходящими событіями. Какъ это не соотвѣтствуетъ моему настроенію! Не понимаю вообще, какъ можно въ такое страшное время не тяготиться жизнью и быть еще довольнымъ судьбою. Я могу еще допустить, что люди

молодого возраста терпѣливо переживаютъ эту эпоху ради рисующагося имъ хорошаго будущаго, но намъ то, старикамъ, чего ожидать. . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Вечеромъ мы отправили вновь коллективную депешу испанскому посольству въ Вѣну съ напоминаніемъ, что въ письмѣ на имя корпораціи карлсбадскихъ врачей отъ 15. XI. австрійское м-во иностранныхъ дѣлъ обѣщало выпустить насъ тогда, когда со стороны Россіи будутъ отпущены консульскіе чины, которые нынѣ уже освобождены. Въ свою очередь, д-ръ Ганъ получилъ письмо изъ Вѣны отъ депутата д-ра фонъ-Лихтъ, сообщающаго ему, что онъ былъ у управляющаго учрежденіемъ, вѣдающимъ дѣла о военноплѣнныхъ, (Kriegsüberwachungsamt.) г. Свободы, который ему показалъ, что мое имя значится въ какомъ-то особомъ спискѣ въ качествѣ angesehenliche Persönlichkeit для предстоящаго обмѣна.—Очень дорого мнѣ обошлась эта честь!

15/28 ноября.

Съ ранняго утра по улицамъ проходятъ запасные новаго набора и дикіе возгласы немногихъ пьяныхъ производятъ на насъ угнетающее впечатлѣніе. Я лично реагирую на это довольно слабо, но Я—ко приходитъ каждый разъ въ ужасъ. Ему все мерещится погромъ, къ чему нѣтъ никакого основанія. . . . . Просто—у страха глаза велики. Интернированныхъ здѣсь нѣсколькихъ французовъ и англичанъ сегодня вызвали въ полицію и предложили имъ написать, какъ съ ними здѣсь обращаются. Не

будучи знакомъ ни съ однимъ изъ нихъ, не знаю, что они писали.

Въ Alice, гдѣ имѣю жительство, послѣ отъѣзда массы русскихъ, остались, кромѣ хозяевъ, лишь два жильца: я и какой-то молодой русскій, боящійся пороха. Такъ продолжалось недолго, а теперь картина совершенно другая. Въ каждомъ коридорѣ занято нѣсколько номеровъ. Все это семейства, бѣжавшія изъ Галиціи и Буковины. Въ послѣднее время замѣчается новый наплывъ этихъ несчастныхъ евреевъ и поляковъ. Большинство—бѣднота, падающая бременемъ на мѣстную благотворительность, но имѣются и состоятельные.

Сегодня я вспомнилъ о своемъ здоровьѣ и выяснилъ, что было бы полезно вновь пройти курсъ водопитія, хотя бы въ сокращенномъ видѣ. Съ 1 декабря приступлю къ этому дѣлу. Все-таки нѣкоторая компенсація...

16/29 ноября.

На дняхъ былъ юбилей моего дневника. Сегодня же я самъ юбиляръ: въ этотъ день окончилось 4 мѣсяца моего пребыванія въ Карлсбадѣ. Не знаю, былъ ли случай за все время существованія курорта, чтобы какой либо русскій или даже другой кургастъ прожилъ здѣсь столько времени, да еще осенью и зимою. Грустно было бы, если-бъ наступающій мѣсяцъ не былъ послѣднимъ мѣсяцемъ моего плѣна. Испанскій посланникъ сегодня увѣдомилъ К—аго депешею, въ отвѣтъ на нашъ коллективный телеграфный запросъ, что мы будемъ выпущены какъ только пріѣдутъ въ Швецію австрійскіе консулы изъ Россіи, что состоится въ скоромъ времени.

Послѣ обѣда мы сегодня всѣ отправились на кладбище посмотрѣть похороны умершаго здѣш-

няго крупнаго адвоката д-ра Рейтлера. Во всей церемоніи, въ пѣніи кантора, въ надгробной рѣчи раввина и прочихъ обрядахъ, при коихъ присутствовала вся мѣстная интеллигенція, было очень мало души и много пустого формализма, который здѣсь, въ такіе печальные моменты, по моему, является профанаціею и оскорбляетъ чувство благоговѣнія къ торжественному моменту. Тѣмъ не менѣе, я ушелъ оттуда съ разбитымъ сердцемъ, увидѣвъ двухъ несчастныхъ старыхъ матерей, плачущихъ надъ могилами, одна—двадцатилѣтней дочери, а другая—шестнадцатилѣтняго сына. Я поспѣшилъ удалиться, но отъ впечатлѣнія этихъ тяжелыхъ сценъ нельзя спастись бѣгствомъ...

17/30 ноября.

Телеграммою отъ вчерашняго числа сестра сообщаетъ мнѣ, что у нихъ пока все безъ измѣненія, хотя вчера былъ послѣдній срокъ всѣмъ русско-подданнымъ выѣхать изъ Гамбурга. Депеша, все-таки, не говоритъ категорически, что имъ разрѣшено остаться на мѣстѣ и что ихъ гнѣздо не разорено: можетъ быть это только пока. Она мнѣ отправила своимъ порядкомъ письмо, но послѣднее, конечно, валяется у кого-то на столѣ и кто знаетъ, когда мнѣ его доставятъ. Эта безсмысленная и никому ненужная задержка нашихъ писемъ самаго невиннаго свойства, кажется, самое жестокое въ нашемъ режимѣ. Не знаю, кому отъ этого польза, тѣмъ болѣе въ отношеніи моихъ писемъ, которыя всѣ пишутся открыто и по-нѣмецки. Но вопросомъ о выселеніи ихъ мытарства еще не оканчиваются. Сегодня я наткнулся въ Hamburger Fremdenblatt на другую неожиданность: мѣстное начальство издало приказъ, чтобы дѣти всѣхъ „враждебныхъ“ ино-

странцевъ были исключены изъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они обучаются. Тяжело думать о душевныхъ страданіяхъ невинныхъ дѣтей, если ихъ постигла эта горькая для нихъ участь. Несчастныя дѣти вѣдь еще менѣе насъ поймутъ, за что они наказаны и въ чемъ погрѣшили.

Мы сегодня отправили отъ имени М. М. депешу русскому посланнику въ Стокгольмѣ съ просьбою сообщить намъ, проѣхали ли уже чрезъ Швецію тѣ австрійскіе консулы изъ Россіи, отъ пріѣзда коихъ зависитъ наше освобожденіе. Телеграфъ принялъ депешу, обѣщавъ отправить по назначенію. Не думаю, чтобы цензура съ своей стороны не пропустила.

18 ноября—1 декабря.

Начался уже декабрь по новому стилю. Здѣсь этотъ мѣсяцъ уже считается формально зимнимъ, но по словамъ мѣстныхъ обывателей морозы и настоящій снѣгъ начинаются лишь въ концѣ мѣсяца. Они даже хвастаютъ своею зимою, считая ее восхитительною, но я не желалъ бы ее видѣть. Пока вновь стало тепло, выше нуля, хотя на улицѣ сухо и тумана никакого.

Еще въ воскресенье американскій консулъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, просилъ зайти къ нему въ консульство сегодня послѣ обѣда, что я и сдѣлалъ. Подтвердивъ мнѣ еще разъ, что я скоро буду освобожденъ, онъ просилъ меня немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ похлопотать у кого слѣдуетъ, чтобы поскорѣе выслали испанскому посольству новыя денежныя средства на содержаніе неимущихъ русско-подданныхъ, такъ какъ выданный ему прежде авансъ уже истощился и количество нуждающихся растетъ съ каждымъ днемъ. Я, конечно, выразилъ полную готовность этимъ заняться, какъ

только пріѣду въ Петербургъ, но высказалъ сомнѣніе въ томъ, что мой отъѣздъ отсюда дѣйствительно скоро осуществится въ виду безконечнаго кормленія меня „завтраками“ на этотъ счетъ со всѣхъ сторонъ безъ всякихъ послѣдствій. На это онъ возразилъ, что съ своей стороны онъ увѣренъ, что скоро уѣду я, а также К—скій, такъ какъ мы оба значимся въ какомъ-то спискѣ, посланномъ изъ Петербурга въ Вѣну или изъ Вѣны въ Петербургъ. Я не могъ отъ него добиться толкомъ, что это за списокъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ на этотъ разговоръ какъ на строго-конфиденціальный и не хотѣлъ распространяться. Я—ко и М—онъ знали, что я былъ у консула, но мнѣ ихъ жаль было огорчить и сказать имъ, что есть какой-то списокъ, въ которомъ мое имя имѣется, а они не значатся, тѣмъ болѣе, что мнѣ лично тоже не вѣрится, что всѣ многочисленныя обѣщанія выпустить всѣхъ старше 45 или 50 лѣтъ не будутъ исполнены. М. М. отказался обратиться къ проф. Ягичу похлопотать въ Вѣнѣ о нашемъ скорѣйшемъ отъѣздѣ, на что у него имѣются свои соображенія, мнѣ неизвѣстныя. Весьма жаль, такъ какъ Ягичъ человѣкъ очень вліятельный въ Австріи и могъ бы намъ помочь.

19 ноября—2 декабря.

Мы сегодня составили депешу на имя австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Берхтольда съ просьбою исполнить обѣщаніе, данное его министерствомъ Карлсбадскимъ врачамъ, выпустить насъ, какъ только будутъ отпущены изъ Россіи австрійскіе консулы и просили М. М. подписать первымъ, но онъ отъ подписи отказался, мотивируя это враждебнымъ отношеніемъ къ нему Берхтольда. Ве-

черомъ же д-ръ Тирнауэръ сообщилъ намъ у Штейнера, что онъ былъ сегодня у Іордана и тотъ ему сказалъ, что К—скій уже можетъ завтра или послѣ завтра уѣхать, по личному распоряженію министра гр. Берхтольда. Я только что встрѣтилъ м-ра Юнга, который полчаса тому назадъ видѣлъ М. М. и они оба еще объ этой сенсаціонной новости не знаютъ. Я хотя передалъ объ этомъ черезъ С—на М. М—чу, но мы, взвѣсивъ за своимъ столомъ у Штейнера значеніе этого факта, нашли, что М. М., по чисто семейнымъ обстоятельствамъ, можетъ быть не поѣдетъ прямо въ Россію. Всѣ удивлены, почему я, считавшійся все время послѣ К—го первымъ кандидатомъ къ освобожденію, еще остаюсь въ прежнемъ положеніи. Я—ко даже думаетъ, что министръ Берхтольдъ, въ видѣ исключенія, освобождаетъ К—скаго не по обмѣну, а въ виду статей о немъ Ягича въ Neue Freie Presse и Амфитеатрова въ итальянскихъ газетахъ, почему его освобожденіе прецедентомъ служить не можетъ. Я этого взгляда не раздѣляю и думаю, что освобожденіе К—го во всякомъ случаѣ полезно для всѣхъ, такъ какъ оно пробьетъ брешь и создаетъ полезный прецедентъ. Жаль только, что М. М. будетъ имѣть много хлопотъ въ дорогѣ и не сумѣетъ использовать своего имени и связей въ Вѣнѣ, чтобы, когда будетъ тамъ, кое-что сдѣлать для насъ. Самъ Іорданъ указалъ Тирнауэру на эту возможность. Послѣдній сообщилъ намъ также объ ожидающей насъ, будто бы, милости. Начальство, по его „предстательству“, согласилось разрѣшить намъ, старикамъ, оставаться внѣ дома не до 8, а до 10 ч. вечера, сокративъ такимъ образомъ нашъ ежедневный домашній арестъ на два часа. Пока намъ объ этомъ еще не объявлено. Для меня лично это представляетъ мало интереса, такъ какъ посидѣть дома лишнихъ 2 часа,

почитать и поработать вовсе не такъ страшно, и я особаго стѣсненія отъ этого не испытываю. Все-таки пріятно,—вѣдь это частица свободы...

20 ноября—3 декабря.

Вся колонія волнуется по поводу возвѣщеннаго освобожденія К—го. Многіе ему завидуютъ, а нѣкоторые, наоборотъ, очень довольны, надѣясь, что коль скоро состоится освобожденіе одного, то и до нихъ дойдетъ очередь. Самъ же К—скій вообще не вѣритъ, что его отпустятъ, такъ какъ онъ офиціально еще ничего не получилъ. Чтобы подвинуть наше дѣло относительно всѣхъ насъ, я вечеромъ передалъ д-ру Франку офиціальную просьбу членовъ колоніи на имя Карлсбадской корпораціи врачей съ просьбою похлопотать за насъ въ австрійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, указавъ на полученный здѣсь отвѣтъ сего министерства отъ 15. X. Франкъ обѣщалъ завтра же написать объ этомъ находящемуся въ Вѣнѣ д-ру Жупнику, чтобы онъ тамъ позанялся этимъ вопросомъ. Это, во всякомъ случаѣ, будетъ очень полезно.

Мой домовладѣлецъ г. Фишеръ принесъ мнѣ письмо, полученное имъ изъ Гамбурга отъ нѣкоего г. Нагеля, котораго онъ просилъ сообщить о положеніи дѣлъ у нашихъ. Отвѣтъ гласитъ, что тамъ все въ порядкѣ: мать, сестра и дѣти здоровы. Отвѣтъ состоитъ изъ общихъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе пріятно узнать отъ сторонняго человѣка объ ихъ благополучіи, такъ какъ они сами, что бы тамъ ни случилось, мнѣ вѣдь никогда объ этомъ не напишутъ, тѣмъ болѣе въ теперешнемъ моемъ положеніи, о которомъ они тоже имѣютъ преувеличенное понятіе, какъ видно изъ вчерашней срочной депеши матери о моемъ здоровьѣ. Я написалъ сегодня письмо

испанскому посольству въ Вѣну, прося телеграфировать брату въ Россію, что надѣюсь пріѣхать въ текущемъ мѣсяцѣ. Онъ вѣрно тамъ немало уже безпокоится о моей участи.

21 ноября—4 декабря.

Увѣренность многихъ, что сегодня при регистраціи будетъ объявлено К—скому о его освобожденіи, не оправдалась. Равнымъ образомъ ни слова не было сказано относительно облегченія нашего режима, обѣщаннаго вчера Іорданомъ д-ру Тирнауэру. Все, значитъ, пока остается по-старому, а время идетъ и годъ приближается къ концу. Для меня, между тѣмъ, по многимъ дѣловымъ соображеніямъ, чрезвычайно важно пріѣхать именно до истеченія года и пропускъ этого срока повлечетъ для меня весьма непріятныя послѣдствія и еще болѣе увеличитъ мои потери.

Въ одномъ намъ повезло—въ погодѣ. Я сегодня уже гулялъ въ лѣтнемъ пальто и можно было даже въ одномъ пиджакѣ. Мѣстные обыватели говорятъ, что такой хорошей осени здѣсь никогда не было. Спасибо и на этомъ. При дурной погодѣ у меня всегда падаетъ настроеніе духа, а здѣсь это было бы особенно тяжело. Меня даже соблазняли воспользоваться теплою и сухою погодою, чтобы отправиться въ лѣсъ погулять, но я на этотъ соблазнъ не подался: жаль было терять время. Имѣется столько интереснаго матеріала для чтенія, что грѣшно не использовать своего невольнаго досуга и не почитать. Да и тетрадь моихъ „экономическихъ замѣтокъ“, начинающая пріобрѣтать уже нѣкоторую цѣнность въ моихъ собственныхъ глазахъ, отнимаетъ у меня ежедневно не менѣе 2—3-хъ часовъ. Нагулялся я уже въ Карлсбадѣ достаточно и пора поработать.

22 ноября—5 декабря.

Д-ръ Штрунцъ получилъ еще письмо отъ г. Рауха, которому, повидимому, начинаетъ уже надоѣдать безплодно хлопотать о насъ. Онъ пишетъ, что моего освобожденія можно ожидать съ часу на часъ (Stündlich), и что Я—ко тоже скоро будетъ отпущенъ. Все зависитъ отъ извѣстія о прибытіи консуловъ въ Швецію. И онъ, Раухъ, и посольство уже сдѣлали все, что могутъ,—остальное будетъ сдѣлано автоматически, безъ ихъ участія. Какое-то непонятное недоразумѣніе съ этими консулами. Испанскій посолъ офиціально писалъ здѣшнему американскому консулу, что эти злополучные консулы уже освобождены, а извѣстій объ ихъ прибытіи все не имѣется. Куда же они запропастились? К—скій получилъ письмо отъ вернувшагося изъ русскаго плѣна доцента вѣнскаго университета геолога Махачека, сообщающаго, что онъ тоже справлялся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ ему сказали, что К—скій значится въ спискѣ заложниковъ, подлежащихъ обмѣну на ожидающихся консуловъ, которымъ приказано телеграфировать объ ихъ освобожденіи своему министерству, какъ только они переѣдутъ Шведскую границу, что до сихъ поръ еще не имѣло мѣста. Изъ Стокгольма отъ русскаго посланника тоже до сихъ поръ на нашу депешу по сему поводу отвѣта не имѣемъ.

Потерявъ всякое терпѣніе въ ожиданіи письма изъ Гамбурга, я сегодня отправился къ Іордану просить выдать мнѣ ихъ письма, въ доказательство существованія которыхъ я ему предъявилъ депешу сестры отъ 22. XI. о томъ, что она мнѣ писала. Онъ отвѣтилъ, что никакихъ писемъ у него для меня нѣтъ и что мои письма, будто бы, имъ вообще не задерживаются и выдаются мнѣ немедленно (ohne weiters). Пришлось уйти не солоно хлебавши.

23 ноября—6 декабря.

Сдѣлана еще одна попытка выяснить эту запутанную загадку объ австрійскихъ консулахъ въ Россіи, отъ прибытія коихъ зависитъ наше освобожденіе. Мы отправили депешу за подписью К—го на имя профессора Стокгольмскаго университета г. Миттага съ просьбою справиться относительно консуловъ въ тамошнемъ австрійскомъ посольствѣ и телеграфировать намъ сюда. На эту депешу надѣемся получить отвѣтъ, если только телеграмма не конфискована здѣсь. Основаніе же опасаться этого имѣется, такъ какъ чиновникъ на телеграфѣ съ трудомъ ее принялъ.

Здѣсь уже начались дѣятельныя приготовленія къ предстоящимъ рождественскимъ праздникамъ. У тѣхъ изъ насъ, которые привыкли проводить эти праздники дома съ подобающей торжественностью въ домашней обстановкѣ,—на душѣ становится тяжело при одномъ воспоминаніи о томъ, что предстоитъ перечувствовать въ эти дни здѣсь. Я къ этому отношусь какъ разъ наоборотъ: мнѣ невыносимо тяжело именно въ будни, когда вспомню, что тамъ, на родинѣ такіе люди, какъ ты, работаютъ и приносятъ пользу другимъ, а я здѣсь томлюсь въ бездѣліи, даромъ коптя Карлсбадское небо. Этихъ дней гораздо больше, чѣмъ праздниковъ, когда и дома обыкновенно не работаешь.

24 ноября—7 декабря.

Мрачный Я—ко сегодня получилъ новый поводъ къ унынію и отчаянію. Къ нему явился какой то чиновникъ и снялъ съ него допросъ по поводу денегъ, полученныхъ имъ изъ Роттердама отъ Зейме. Казалось бы, по нынѣшнимъ временамъ и при

нашемъ положеніи, этотъ фактецъ ничего особаго собою не представляетъ. Письмо Зейме со счетомъ прошло черезъ цензуру, о чемъ была надпись на конвертѣ. Тамъ обратили вниманіе на крупный размѣръ полученныхъ имъ денегъ (что-то около 17 тыс. кронъ), что возбудило у нихъ подозрѣніе, и пришли это разслѣдовать. Убѣдившись, что имѣютъ дѣло съ богатымъ человѣкомъ, запасшимся деньгами на продолжительное время для своихъ личныхъ расходовъ, чиновникъ, творившій волю пославшаго, ушелъ вполнѣ удовлетвореннымъ данными ему объясненіями. Этимъ, безъ сомнѣнія, исчерпывается весь инцидентъ. Но для моего впечатлительнаго пріятеля здѣсь открылся новый источникъ душевныхъ страданій и всякихъ опасеній. Ему уже мерещились: арестъ, судъ и чуть ли не каторга. Къ вечеру онъ уже нѣсколько успокоился, согласившись, что у страха глаза велики. Однакожъ, подобныя волненія, хотя обыкновенно проходятъ, скверно отражаются, какъ я замѣтилъ, на его здоровьѣ и въ послѣднее время онъ подался и постарѣлъ, несмотря на безпрерывное разностороннее леченіе и правильный образъ жизни. Мнѣ очень тяжело видѣть его страданія и я теряюсь въ измышленіи способовъ таковыя облегчить. Его угнетенное душевное состояніе всѣ замѣчаютъ и даже нѣкоторые изъ числа мѣстнаго населенія мнѣ высказывали по этому поводу свое состраданіе къ нему.

25 ноября—8 декабря.

Давно я не былъ въ такомъ удрученномъ состояніи духа, какъ сегодня съ утра. Причиною тому— краткое письмо, которое я писалъ матери, отъ которой я уже 6 недѣль ни одной строчки не имѣю,

будучи въ тоже время увѣренъ, что и она и сестра мнѣ многократно писали. Какъ мнѣ тяжело было ей это писать, зная, что это ей причинитъ большія страданія. Воспоминанія объ этой безсмысленной жестокости въ отношеніи нашей корреспонденціи разбередило мои раны и обострило безпомощную тоску и уныніе. Я понимаю въ такое время жестокія мѣры и дѣйствія, вызываемыя необходимостью или предположеніемъ, что это кому нибудь или ради чего нибудь полезно, но создавать страданія людямъ только изъ любви къ искусству—это такое преступленіе, которому нѣтъ оправданія. Сильно волнуясь, я могъ написать матери только нѣсколько словъ. Будучи увѣренъ, что въ такомъ настроеніи я не смогу ни заниматься, ни даже читать, мы съ Я—ко отправились далеко въ горы и, отдохнувъ по дорогѣ въ кафе „Egerländer", сдѣлали очень большой туръ пѣшкомъ, пользуясь великолѣпною, на рѣдкость въ это время, погодою. Было настолько тепло, что пришлось снять пальто и ходить въ одномъ пиджакѣ. Подъ вліяніемъ чудной лѣсной прогулки и долгаго пребыванія на чистомъ горномъ воздухѣ я немного успокоился, но какъ только мы пришли къ Штейнеру отдохнуть и поужинать, подошелъ къ намъ д-ръ Тирнауэръ и съ довольно смущеннымъ видомъ сообщилъ намъ, что онъ сегодня вновь былъ у начальства съ цѣлью спросить, почему до сихъ поръ не оправдались данныя ему обѣщанія отпустить К—го и смягчить нашъ режимъ, на что получилъ отвѣтъ, что все это уже было изготовлено для предписанія мѣстной полиціи, но сіе, будто бы, было запрещено по приказу изъ Праги. Доктору самому было неловко передъ нами, и мы его даже пожалѣли, но этотъ фактъ подѣйствовалъ на насъ удручающе. Что теперь дѣлать? Безконечно пишемъ письма, посылаемъ

дорого стоющія телеграммы, и все это либо остается безъ всякаго отвѣта, либо получаемъ съ разныхъ сторонъ обѣщанія и увѣренія, даже офиціальныя, которыя оканчиваются пуфомъ, безъ просвѣта, безъ луча надежды. Какъ это невыносимо тяжело.

26 ноября—9 декабря.

Проходятъ безостановочно дни, недѣли и мѣсяцы, а мы все бродимъ по улицамъ, ресторанамъ и кофейнямъ Карлсбада, и никто не знаетъ, что съ нами будетъ чрезъ три дня. Надоѣло все — даже это самое нытье и вѣчное исканіе причинъ и виновниковъ нашего несчастнаго положенія. Д-ръ Франкъ мнѣ сегодня вновь сталъ приводить свой обычный мотивъ, что, молъ, когда милліоны людей падаютъ мертвыми и изувѣченными, бѣгутъ какъ угорѣлые съ насиженныхъ мѣстъ, теряя въ одинъ день свое состояніе, а подчасъ и семейства,— намъ нечего роптать на свою, сравнительно еще счастливую, судьбу. Я ему отвѣтилъ, что подобные мотивы, сами по себѣ правильные, меня отнюдь не удовлетворяютъ и не утѣшаютъ исключительно потому, что въ томъ положеніи, въ которое я попалъ, нѣтъ никакой логической связи съ тѣмъ фактомъ, къ которому меня приковали, именно съ войною. Я понимаю, когда воюющіе другъ друга убиваютъ, ранятъ и берутъ въ плѣнъ, понимаю, когда невинный человѣкъ лишается своего имущества или даже жизни, находясь въ охваченной войною мѣстности, становясь жертвою смертоноснаго орудія или нашествія голодныхъ, озвѣрѣвшихъ людей; я, наконецъ, понимаю, когда человѣкъ, вслѣдствіе сложившихся подъ вліяніемъ войны экономическихъ или финансовыхъ обстоятельствъ, потерялъ службу, состояніе, работу—что со мною же

лично и имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ и на что я не ропщу,—но когда меня скромнаго и далеко не взысканнаго правами и преимуществами человѣка берутъ въ качествѣ „государственнаго заложника“, держатъ подъ надзоромъ полиціи и подвергаютъ особому отъ всѣхъ людей режиму—это такой глупѣйшій фактъ, которымъ только могу безпомощно возмущаться, такъ какъ здѣсь нѣтъ никакого смысла, никакого оправданія. Если я сегодня нападу на улицѣ на прохожаго человѣка, изобью его и на судѣ сошлюсь на то, что вѣдь нынѣ погибаютъ милліоны человѣческихъ жизней, какое же право имѣетъ мой обвинитель роптать на меня, нанесшаго ему какихъ-нибудь двѣ-три пощечины — у меня никакой судья на свѣтѣ подобнаго оправданія не приметъ, такъ какъ оно безсмысленно и какъ мой поступокъ, такъ и личность оскорбленнаго мною человѣка, не имѣютъ никакого отношенія къ тому, на что я ссылаюсь, и меня сочли бы сумасшедшимъ или пьянымъ. Въ положеніе подобной жертвы я съ полнымъ правомъ ставлю и себя. Если-бъ я вернулся обратно домой, какъ другіе тысячи людей, уѣхавшихъ отсюда уже послѣ начала войны, я бы все равно понесъ большіе матеріальные и моральные ущербы и т. д. Но все это — прямое неизбѣжное слѣдствіе войны и я въ этомъ отношеніи раздѣляю судьбу милліоновъ другихъ людей, впавшихъ въ бѣду, но мое заложничество— это бѣдствіе совсѣмъ другого порядка и является чѣмъ-то дикимъ и безсмысленно жестокимъ. Франкъ никакъ этого понять не можетъ, какъ и не понимаютъ здѣшнія власти, остановившія на мнѣ свой благосклонный выборъ при ловлѣ нужныхъ имъ заложниковъ.

27 ноября—10 декабря.

Мое благонамѣренное рѣшеніе посвятить не менѣе 6 часовъ въ день работѣ встрѣчаетъ на своемъ пути всякаго рода препятствія—то состояніе духа никакъ не располагаетъ къ работѣ, то какой-нибудь любезный соотечественникъ встрѣтится и начнетъ „разговоры разговаривать", а то погода больно хороша и тебя тянетъ въ лѣсъ. Послѣдній случай имѣлъ мѣсто и сегодня. Еще за завтракомъ у насъ съ Я—ко явилось желаніе прогуляться въ St. Leonard, что мы и исполнили. Пообѣдавъ на полчаса ранѣе обыкновеннаго, мы пѣшкомъ отправились туда и, напившись тамъ чаю, пѣшкомъ же пришли къ вечеру назадъ. Прогулка безусловно пріятная и полезная, но послѣобѣденное чтеніе или писаніе такъ и не состоялось. Вернувшись домой, я былъ обрадованъ, заставъ два письма отъ своихъ. Письма, конечно, написаны эзоповскимъ языкомъ, но для меня достаточно, что „все безъ измѣненія", т. е., что они оставлены на жительствѣ въ Гамбургѣ и дѣти продолжаютъ посѣщать свои учебныя заведенія. Въ этихъ письмахъ имѣются ссылки на разныя предыдущія, изъ коихъ я ни одного не получилъ. Но спасибо и за эти...

Пріятно убѣдиться, что находятся на свѣтѣ добрые люди, ничѣмъ тебѣ не обязанные, и все-таки добровольно, по собственному побужденію, заботящіеся о тебѣ. Я уже давно думалъ какъ исполнить въ Петербургѣ свои юридическія обязательства, коимъ срокъ истекаетъ 31-го декабря, въ случаѣ, если къ этому времени не удастся пріѣхать. Сегодня же вечеромъ получилъ депешу чрезъ Стокгольмъ отъ Т—ова, спрашивающаго, желаю ли, чтобы онъ за меня внесъ слѣдуемое. Онъ этимъ мнѣ оказалъ большую услугу и безконечное ему за это

спасибо,—если только онъ это дѣлаетъ по собственному побужденію и за свой страхъ.

28 ноября—11 декабря.

Отъ русскаго посланника въ Стокгольмѣ никакого отвѣта на нашу депешу объ австрійскихъ консульскихъ чиновникахъ не получено, но зато отъ шведскаго профессора Мшmага М. М. получилъ телеграмму, которую онъ намъ сегодня утромъ принесъ въ кафе Biedermann, гдѣ мы сговорились встрѣтиться послѣ полицейской регистраціи, чтобы вмѣстѣ пойти депутаціею къ американскому консулу. Профессоръ кратко сообщаетъ, что австрійскій посланникъ въ Швеціи, къ которому онъ обратился, наводитъ по этому дѣлу справки. Коротко и ясно: значитъ австрійскіе чиновники, — наши, такъ сказать, эквиваленты, или контръ-залоги, до сихъ поръ не выпущены изъ Россіи, и какъ дальнѣйшій печальный выводъ изъ этого факта то, что мы еще долго будемъ сидѣть у моря и ждать погоды. К—скому, конечно, наплевать даже если онъ еще годъ посидитъ здѣсь въ полномъ спокойствіи, М—ну—еще больше, но Я—ко не выдержитъ своей страшной тоски и совсѣмъ изведется, а я буду разоренъ до тла. Мы все-таки рѣшили зайти къ консулу и попросить его написать своему коллегѣ въ Швецію или Данію, чтобы тотъ въ свою очередь снесся съ Россіею и узналъ, въ какомъ положеніи тамъ находится вопросъ объ австрійскихъ консулахъ. Крайне нехотя г. Юнгъ обѣщалъ исполнить нашу просьбу, но не офиціально, а частнымъ образомъ. Онъ очень мнителенъ на этотъ счетъ и разсказываетъ, что одинъ изъ его коллегъ въ Австріи уже поплатился своимъ мѣстомъ за оказанную имъ русскимъ слишкомъ

любезную услужливость. Пусть онъ напишетъ частнымъ образомъ—все равно, лишь бы мы узнали, что тамъ происходитъ съ этимъ дѣломъ.

29 ноября—12 декабря.

Воспользовавшись депешею Т—ова, открывшей намъ новый путь для сношеній съ нимъ чрезъ Стокгольмъ, мы сегодня совмѣстно съ Я—ко телеграфировали ему, чтобы онъ, находясь, какъ полагаемъ, въ Петербургѣ,—справился тамъ, что за исторія съ этими консулами, отъ возвращенія коихъ зависитъ наша судьба. Сознаю, что для подобныхъ дѣлъ Т—въ человѣкъ неподходящій, но что-жъ дѣлать. Къ тысячѣ попытокъ—прибавится еще одна: можетъ быть, если только телеграмма до него дойдетъ,—онъ кого нибудь найдетъ, который могъ бы хоть сколько-нибудь подвинуть тамъ дѣло и напомнить кому слѣдуетъ, что здѣсь томятся десятки людей, освобожденіе коихъ находится въ его рукахъ. Пока что,—телеграфъ съѣдаетъ довольно чувствительную долю моихъ скромныхъ рессурсовъ и я не знаю, какъ я поступилъ бы при трудности полученія денегъ изъ Россіи, если-бъ не Я—ко, средствами котораго я пока пользуюсь, благо онъ можетъ мнѣ одалживать сколько угодно, такъ какъ у него случайно оказалось денегъ болѣе, чѣмъ ему нужно даже на цѣлый годъ впередъ. Я тѣмъ не менѣе этимъ очень угнетенъ. Я никогда въ жизни, не считая дѣловыхъ сношеній, никому не былъ долженъ и терпѣть не могу долговъ, а здѣсь долженъ занимать деньги на личную жизнь.

К—скій только сегодня впервые узналъ, что издаваемый имъ „Вѣстникъ“ еще существуетъ и продолжаетъ издаваться. Какая иронія судьбы:

издатель самъ пятый мѣсяцъ не знаетъ, выходитъ ли его журналъ или нѣтъ. Сколько въ нашемъ положенiи такого, что не снилось даже нашимъ дуракамъ, не говоря уже о мудрецахъ.

30 ноября—13 декабря.

Ходъ событiй не предвѣщаетъ скораго окончанiя войны, продолжающейся уже $4^1/_2$ мѣсяца. Самые ярые оптимисты, опредѣлявшiе по началу ея продолжительность въ три мѣсяца, теперь согласны, что какъ минимальный срокъ слѣдуетъ принять одинъ годъ, а пессимисты этимъ не удовлетворяются, допуская два и три года. Неужели все это время намъ суждено просидѣть въ Карлсбадѣ? Если на этотъ вопросъ отвѣтить положительно, какъ думаютъ нѣкоторые, то для меня, по крайней мѣрѣ, послѣдствiя будутъ самыя тяжелыя, даже въ томъ случаѣ, если это сидѣнiе продолжится лишь одинъ годъ. Что тамъ произойдетъ со всѣми моими работами, дѣлами и обязанностями и, наконецъ, съ квартирою, прислугою и квартирнымъ имуществомъ, книгами и бумагами—одинъ Богъ знаетъ. При отсутствiи способовъ письменныхъ сношенiй—все это предоставлено волѣ рока. Какъ оно тяжело — это отсутствiе почтовыхъ сношенiй. Мнѣ кажется, что это самая жестокая сторона нашего плѣна. Для военноплѣнныхъ уже установлено давно почтовое сообщенiе чрезъ Красный Крестъ. Всѣ Карлсбадцы, имѣющiе родственниковъ въ Россiи въ плѣну, получаютъ отъ нихъ письма и въ свою очередь пишутъ имъ, даже посылаютъ деньги, а мы, гражданскiе плѣнники, лишены этого блага и никто объ этомъ не заботится. Можетъ ли человѣкъ, никогда не испытавшiй въ своей жизни подобнаго состоянiя, понять насколько оно тяжело...

1/14 декабря.

Рано утромъ, придя въ café Boulevard позавтракать, я нарвался на г-жу N... которая тономъ упрека обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: что же будетъ—уже декабрь, скоро праздникъ, когда же уѣдемъ? Я напомнилъ этой крикливой старухѣ, что она до глубокой осени здѣсь торчала безъ всякаго принужденія и не уѣзжала, когда имѣла полную возможность это сдѣлать и никто ее не удерживалъ, а если теперь ее уже не выпускаютъ, то въ этомъ она сама виновата. Какъ бы то ни было, а теперь она въ весьма жалкомъ состояніи, хотя она все равно какъ въ Петербургѣ, такъ и здѣсь, ничего не дѣлаетъ и никто не понимаетъ, почему ее держатъ.

Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и мы не брезгуемъ приведеніемъ въ исполненіе любой мысли, которая приходитъ въ голову и можетъ дать намъ нѣкоторую надежду на успѣхъ. К—скій даже удивляется, если прошли три дня и я ничего не придумалъ новаго. Дѣйствительно — это рѣдко бываетъ. Вотъ и сегодня кое-что придумано: мы составили депешу отъ меня и Я—ко на имя М. Н. С—ова и отослали ее испанскому посольству для отсылки въ Петербургъ, на всякій случай. При этомъ я также сдѣлалъ попытку отправить тому же С—ову письмо, написанное по-русски. Не знаю — дойдетъ ли оно до Петербурга, но до Вѣны оно навѣрно дойдетъ уже потому, что въ предѣлахъ Австріи теперь разрѣшаютъ писать закрыто, тѣмъ болѣе на имя дипломатическихъ представителей. С—овъ человѣкъ энергичный и доброжелательный, и если сможетъ, онъ сдѣлаетъ то, о чемъ его просятъ.

2/15 декабря.

Я долго сидѣлъ сегодня утромъ при открытомъ окнѣ и занимался. Теплая погода, о которой въ Петербургѣ въ декабрѣ и думать никто не можетъ, и интересная работа о предѣльныхъ цѣнахъ меня немного отвлекли отъ тяжелыхъ думъ, какъ вдругъ является М—нъ и передаетъ изъ какого-то ему одному извѣстнаго „достовѣрнѣйшаго источника", что ранѣе окончанія войны, которая продолжится 3 года, насъ не отпустятъ. Хотя я никакой цѣны этимъ баснямъ не придаю, но обѣдъ уже прошелъ въ самомъ дурномъ настроеніи. Послѣ же обѣда, за кофе въ Асторіи, явился М. М. и сообщилъ, что какой-то живущій въ Вѣнѣ адвокатъ-полякъ за 500 кр. гонорара берется устроить всякому желающему переселеніе въ Вѣну, гдѣ и жизнь пріятнѣе и откуда вырваться легче. Конечно, при невозможности уѣхать на родину каждый изъ насъ охотно дастъ 500 кронъ, а нѣкоторые и болѣе, за подобное разрѣшеніе, но вдругъ и безъ того насъ отпустятъ совсѣмъ? Съ одной стороны мы разочаровались во всѣхъ этихъ обѣщаніяхъ и завѣреніяхъ, частныхъ и даже офиціальныхъ, а съ другой стороны, не малыя же дѣти мнѣ все говорятъ, что все готово, недостаетъ только „Kleine Details". Вотъ и сегодня мнѣ американскій консулъ сказалъ, что изъ его округа трое уже на этой недѣлѣ отпущены. Вопросъ объ австрійскихъ консулахъ въ Россіи такъ и остается у насъ безъ разрѣшенія.

Только что мнѣ принесли срочную депешу отъ сестры изъ Гамбурга, что ея мужъ получилъ таки разрѣшеніе на выѣздъ и сегодня же утромъ уѣхалъ въ Стокгольмъ, откуда поѣдетъ въ Петербургъ. Пользуясь этимъ, я ему телеграфирую, чтобы онъ тамъ зашелъ въ русскую миссію и попросилъ

дать отвѣтъ М. М—чу на его депешу. Онъ человѣкъ настойчивый и имѣю основаніе думать, что добьется этого отвѣта. Тогда мы узнаемъ что-нибудь положительное о загадочныхъ консулахъ, которые то уже отпущены, а то никто и не думаетъ ихъ отпускать... Сегодня уже даже разсказывали, что они будто бы не только не отпущены, но сидятъ въ тюрьмахъ.

3/16 декабря.

Утромъ зашелъ ко мнѣ М—скій и просидѣлъ у меня до обѣда. Онъ отнялъ у меня все утро, но я былъ весьма радъ доставить этому несчастному человѣку возможность провести часъ-другой времени съ товарищемъ по плѣну, относящемуся къ нему съ искреннимъ участіемъ, чего онъ не встрѣчаетъ у своего коллеги П—скаго, съ которымъ онъ по необходимости ведетъ знакомство. Имѣя всего 52 года, этотъ М. выглядитъ 75-лѣтнимъ старикомъ: сгорбленный, съ измученнымъ старческимъ лицомъ и остатками сѣдыхъ волосъ. Какъ юристъ, онъ какими то судьбами попалъ на службу при Филипповѣ въ Государственный Контроль и выйдя въ отставку съ чиномъ коллежскаго совѣтника сдѣлался присяжнымъ повѣреннымъ, и званіе Kollegienrat, которое Канцелярія Харьковскаго Губернатора вписала въ его заграничный паспортъ, послужило причиною того, что онъ попалъ въ сонмъ „гейзелей“ вмѣстѣ съ нами. Онъ очень жалокъ и безпомощенъ и не знаетъ, что ему предпринять, хотя устроился здѣсь очень дешево. Ему обѣщанъ былъ переводъ въ Баденъ или Вѣну, откуда онъ надѣялся совсѣмъ вырваться, но это осталось безъ исполненія, какъ много другихъ данныхъ намъ обѣщаній. Жена ему пишетъ изъ Харькова, что вся его практика и всѣ

его долги потеряны. Онъ живетъ гдѣ-то въ бѣдной части города за 55 кронъ въ мѣсяцъ и самъ ходитъ на базаръ покупать провизію, которую квартирная хозяйка ему готовитъ. Думаю, что онъ не проживаетъ и 200 кронъ въ мѣсяцъ въ то время, когда мнѣ, при самой скромной жизни, и 600 не хватаетъ. Мы съ нимъ сговорились составить прошеніе на имя русскаго М-ра Иностр. Дѣлъ и отправить его въ Петербургъ черезъ одного находящагося здѣсь румына, уѣзжающаго на будущей недѣлѣ въ Букарестъ. Когда мы съ нимъ шли по улицѣ, встрѣтился намъ N, который съ завистью и полуиронически поздравилъ меня съ предстоящимъ отъѣздомъ. Не знаю откуда онъ это взялъ, но я ничего не отвѣтилъ. Собственно говоря такіе господа, какъ онъ, ровно ничего не теряютъ отъ своего сидѣнія въ Карлсбадѣ, и не на что имъ роптать. Состоя на государственной службѣ, онъ получаетъ и жалованье и чины все равно какъ если бы былъ дома, хотя бы это продолжалось годами. Здѣсь же они еще получаютъ отъ консульства приличное содержаніе, которое, какъ говорятъ, не будетъ даже удерживаться изъ жалованья, а будетъ списано какъ пособіе. Спеціально онъ, кромѣ того, устроился здѣсь среди своихъ соплеменниковъ, австрійскихъ поляковъ, такъ удобно, что и скучать не приходится. Д-ръ Франкъ, узнавъ сегодня, что д-ръ Жупникъ пріѣдетъ въ воскресенье, телеграфировалъ ему о насъ въ дополненіе къ своимъ письмамъ, и даже не согласился получить возмѣщеніе своихъ почтовыхъ и телеграфныхъ расходовъ. Онъ очень любезенъ и расположенъ къ намъ, и мы не знаемъ, чѣмъ его отблагодарить.

4/17 декабря.

М—скій написалъ прошеніе такъ, что оно ничего не стоитъ и приходится написать другое. Оно у него вышло многословнымъ и совершенно не соотвѣтствующимъ цѣли. Кромѣ этого, мнѣ пришлось затратить вечеръ на составленіе по-нѣмецки меморандума для д-ра Тирнауэра. Въ одномъ не могу себя обвинять — въ бездѣйствіи: я сдѣлалъ и продолжаю дѣлать все, что даетъ хоть тѣнь надежды на успѣхъ, не жалѣя ни труда, ни денегъ.

Получивъ сегодня извѣщеніе отъ испан. посольства изъ Вѣны, что мое письмо Ш—ну отправлено по назначенію, я очень обрадовался, но моя радость замѣнилась полнымъ разочарованіемъ, когда узналъ, что много писемъ, посланныхъ этимъ путемъ въ Россію членами колоніи, не дошли по назначенію, такъ какъ посольство считаетъ таковыя отправленными и сообщаетъ объ отсылкѣ въ то время, когда оно ихъ отдало цензурѣ для дальнѣйшей отправки, а оттуда письма, даже самаго невиннаго содержанія, часто не выпускаются. Хотя мое письмо написано по-нѣмецки и чисто дѣлового характера, тѣмъ не менѣе меня увѣряютъ, что оно не дойдетъ по назначенію. Я этому вполнѣ вѣрю, такъ какъ не могу допустить, чтобы Ш—нъ, телеграфировавшій мнѣ уже два мѣсяца тому назадъ, что онъ мнѣ написалъ, въ дѣйствительности вовсе не писалъ. Ясно—что письмо мнѣ не доставлено по цензурнымъ соображеніямъ. Вотъ какова наша корреспонденція...

5/18 декабря.

Испанское посольство сообщаетъ, что какъ моя телеграмма, такъ и письмо С—ову отправлены по принадлежности. Не думаю, чтобы цензура ихъ не

пропустила, хотя письмо было писано по-русски. Въ лучшемъ случаѣ, если даже С—овъ напишетъ мнѣ отвѣтъ и найдетъ способъ мнѣ таковой переслать—послѣдній дойдетъ до меня не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, но и это будетъ хорошо. Просто досада беретъ: теперь всѣ уже получаютъ письма изъ Россіи, правда съ большимъ опозданіемъ, а я за все время ни отъ кого ни одной строчки не получилъ. Сегодня я цѣлый день писалъ письма лицамъ и учрежденіямъ, съ которыми у меня имѣются денежные счеты, прося ихъ обождать урегулированіемъ моихъ счетовъ у нихъ, которое вѣроятно потребуется къ 1 января, до моего пріѣзда въ Россію. Эти письма свезетъ въ Румынію и оттуда отправитъ въ Петербургъ Бухарестскій архитекторъ г. Симонъ, который здѣсь прошелъ курсъ лѣченія и жилъ рядомъ со мною въ Alice, черезъ владѣльца которой онъ со мною познакомился. Онъ очень любезный человѣкъ и даже не хотѣлъ взять у меня денегъ на расходы, чѣмъ немало меня стѣсняетъ.

Въ колоніи говорятъ объ обыскѣ, который былъ сегодня у Ш—ева. Обыскъ вызванъ тѣмъ, что онъ послалъ какому то адвокату въ Вѣну довѣренность, уполномочивъ его хлопотать о переводѣ его въ Вѣну и назначивъ ему за это 3000 кронъ. Казалось бы— что въ этомъ дурного? Онъ богатый человѣкъ и можетъ заплатить и больше. По разсказу самого Ш—ева обыскъ былъ не строгій и не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Въ свое время Ш—евъ мнѣ передалъ о своей перепискѣ съ этимъ адвокатомъ, и я ему тогда рекомендовалъ въ этомъ дѣлѣ быть осторожнымъ.

6/19 декабря.

Зять телеграфируетъ изъ Стокгольма, что посланникъ ни о какой депешѣ К—скаго не знаетъ.

Ясное дѣло, — депеша конфискована либо за ея содержаніе, либо вслѣдствіе того, что она адресована русскому дипломатическому представителю, хотя на телеграфѣ мнѣ сказали, что подобныя телеграммы, будто бы, принимаются и отправляются по назначенію. Я немедленно отправилъ О—ю новую телеграмму, чтобы онъ тамъ самъ навелъ справку о загадочной исторіи съ консулами, хотя я не увѣренъ, что онъ не уѣхалъ уже изъ Стокгольма. Сколько уже такихъ дорогихъ депешъ „на всякій случай" отправлено и какую уйму денегъ онѣ поглотили самымъ безплоднымъ образомъ. Съ одной стороны сокращаешь до минимума свои личные расходы, чтобы не остаться безъ средствъ къ существованію, а съ другой стороны приходится тратить свои немногочисленныя кроны на покупку „лучей свободы", мелькающихъ безслѣдно и безплодно какъ миражъ... Какъ это досадно.

7/20 декабря.

Нежданно негаданно нашлась въ Карлсбадѣ еще какая-то русская дѣвица изъ музыкальныхъ, застрявшая здѣсь добровольно до сихъ поръ, и теперь ѣдущая въ Петербургъ. Этимъ открытіемъ, которымъ мы обязаны нашему любезному соотечественнику, присяжному повѣренному С., великому знатоку всего женскаго населенія Карлсбада, мы охотно воспользовались и отъ имени всѣхъ стариковъ, вышедшихъ изъ воинскаго возраста и несостоящихъ на государственной службѣ, отправили чрезъ нее прошеніе на имя русскаго министра иностранныхъ дѣлъ о принятіи мѣръ къ нашему скорѣйшему освобожденію. Получится ли отъ этого такой же нуль, какъ отъ всѣхъ прочихъ многочисленныхъ нашихъ прошеній и ходатайствъ или даже

два нуля, какъ думаетъ М. М. — мы не знаемъ, но еще разъ — „на всякій случай“. Казалось бы, все исчерпано, все сдѣлано и ко всѣмъ уже обращались. Я тѣмъ не менѣе не сомнѣваюсь, что работающій безпрестанно въ извѣстномъ направленіи умъ человѣческій всегда способенъ на изобрѣтеніе новыхъ ходовъ и новыхъ обращеній до безконечности.

Сегодня послѣднее воскресенье предъ Рождествомъ и это замѣтно на улицахъ. Всѣ магазины открыты, тротуары заняты выставкою товаровъ, и публика запасается всякими покупками, преимущественно имѣющими отношенія къ предстоящимъ праздникамъ. Магазины бойко торгуютъ и не даромъ этотъ день называется здѣсь „золотымъ воскресеньемъ“. Къ намъ вся эта суета не имѣетъ ни малѣйшаго касательства, какъ будто мы люди другой планеты, лишь объекты для полицейскаго режима и полицейскаго надзора... А праздники — что мы Гекубѣ и что Гекуба намъ?...

8/21 декабря.

Мои сосѣди по коридору — архитекторъ Simon съ женою, уѣхали сегодня къ себѣ въ Букарестъ, и во всемъ домѣ, кромѣ хозяевъ, остались только я и еще два молодыхъ человѣка изъ Россіи, съ которыми я почти не знакомъ. Эта пустота въ домѣ увеличиваетъ уныніе. Утромъ я нарвался на старуху N., которая извела меня своею безтолковостью и крикливостью. Надо имѣть безконечное терпѣніе къ разговору съ нею, но съ другой стороны ее страшно жалко. Дѣйствительно, задерживать такую несчастную старуху въ качествѣ заложницы—это безсмыслица и необъяснимая жестокость. Въ Германіи женщинъ, тѣмъ болѣе такого возраста,

не задерживаютъ. По нашимъ свѣдѣніямъ тамъ и мужчинъ старше 45 лѣтъ, несостоящихъ на государственной службѣ, т. е. такихъ, какъ я и Я—ко, также свободно отпускаютъ на родину. Наше несчастье, что мы попали въ Карлсбадъ. Изъ Вѣны, думаемъ, мы бы благополучно выбрались.

Я уже давно не былъ такъ разстроенъ, какъ сегодня. Послѣ обѣда я ничего не могъ читать, несмотря на всѣ попытки. Ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, шагалъ по коридору и затѣмъ отправился, несмотря на дурную погоду, странствовать одинъ по улицамъ, чего никогда не дѣлаю. Встрѣтилъ г-жу К—тову и немного гулялъ съ нею. Женщина всегда найдетъ матеріалъ для безконечныхъ разговоровъ. Оставивъ ее въ Колоннадѣ, я прямо отправился къ Штейнеру на нашъ обычный чай съ домино. Я—ко наловчился въ игрѣ и приходитъ въ большой восторгъ, когда выигрываетъ партію. Зато когда проиграетъ—страшно сердится и начинаетъ бранить игру.

9/22 декабря.

По мѣрѣ приближенія къ Новому Году грусть все болѣе и болѣе овладѣваетъ мною. При тюремной оторванности отъ моихъ дѣлъ трудно предугадать всѣ тяжелыя послѣдствія моего плѣна, и какъ на зло, параллельно съ этимъ надежды на скорое освобожденіе не только не растутъ, а съ каждымъ днемъ падаютъ. Сегодня пріѣхалъ д-ръ Жупникъ изъ Вѣны и сообщилъ мнѣ, что онъ дважды былъ тамъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и даже справки не могъ добиться по нашему дѣлу. Ему велѣли явиться еще разъ послѣ Рождества. Видно, что никто о насъ и не думаетъ, никто нами не интересуется. Такимъ образомъ мы можемъ здѣсь про-

сидѣть до конца войны. Моя вторая депеша О—ю въ Стокгольмъ, какъ я сегодня узналъ изъ письма сестры, его уже тамъ не застала. Отъ всѣхъ же прочихъ, къ коимъ мы обращались, ни слуху, ни духу. Нѣкоторые изъ насъ близки къ отчаянію. Особенно тяжело положеніе тѣхъ, кои живутъ на средства, получаемыя отъ американскаго консула, который, за истощеніемъ аванса, уже пріостановилъ выдачу. Сегодня я отправилъ письмо черезъ Красный Крестъ Л. Г. Р—ичу съ просьбою выслать деньги дядѣ С—у и уплатить жалованье прислугѣ и старшему дворнику. Дойдетъ ли до него это письмо и когда именно — одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Если не дойдетъ, страшно будетъ положеніе стараго дяди, которому безъ моей субсидіи жить нечѣмъ. Уѣзжая, я оставилъ своему помощнику порученіе выслать ему августовское пособіе, но съ тѣхъ поръ онъ ничего не получилъ. Что вообще съ нимъ тамъ происходитъ? Живъ ли онъ?

10/23 декабря.

Составлено и завтра отправляемъ въ Вѣну письмо отъ имени моего и Я—ко на имя испанскаго посла, которому въ сто первый разъ доказываемъ, что дальнѣйшее задержаніе насъ—безсмысленная жестокость. Словомъ, почта, телеграфъ и переписочныя бюро торгуютъ отъ насъ на славу, а пользы отъ всего этого ни на грошъ. Хоть бы кто нибудь отвѣтилъ намъ даже отрицательно, но категорически. Эти неопредѣленныя обѣщанія и слѣдующія за ними обыкновенно разочарованія насъ изводятъ. Вечеромъ д-ръ Франкъ огорошилъ насъ сообщеніемъ, не знаемъ откуда взятымъ, что насъ уже рѣшено было отпустить на волю, но потомъ раздумали и рѣшили не выпускать, пока

Россія не отпуститъ заложниковъ, увезенныхъ изъ Львова, Черновицъ и другихъ галицiйскихъ и буковинскихъ городовъ. Если это дѣйствительно такъ, то намъ предстоитъ восхитительная перспектива сидѣть здѣсь до окончанія войны. Я—ко чуть не упалъ въ обморокъ отъ этого извѣстія. Казалось бы, чего ему-то убиваться. Человѣкъ онъ одинокій, богатый и навѣки обезпеченный. Его рудникъ и имѣніе управляются безъ него въ полномъ порядкѣ. Родственники въ свою очередь обезпечены какъ нельзя лучше и находятся у себя дома, а его доходы позволяютъ ему жить за границей хотя бы всю жизнь и проживать въ десять разъ больше того, что онъ проживаетъ здѣсь. Другой на его мѣстѣ просидѣлъ бы за границей, пока всѣ ужасы окончатся, и лишь тогда поѣхалъ бы домой. Непріятно, конечно, когда ты находишься въ положеніи „врага", но его доля, все-таки, въ двадцать разъ лучше положенія другихъ, тѣмъ болѣе моего.

11/24 декабря.

По случаю завтрашняго праздника полиція перенесла регистрацію съ завтрашняго дня на сегодняшній, при чемъ объявила намъ великую милость: кромѣ нѣкоторыхъ лицъ, чѣмъ то провинившихся, всѣмъ прочимъ разрѣшается сегодня и еще два вечера праздниковъ отсутствовать изъ дому до 11 часовъ вечера, вмѣсто 8-ми. Мнѣ это рѣшительно все равно, такъ какъ попрежнему буду дома не только съ 8, но и съ 7 часовъ ежевечерно,—все равно ходить мнѣ некуда и это время самое удобное для занятій, но молодежь въ восторгѣ отъ этой „свободы". Они уже сегодня затѣяли великое пьянство, и я только что встрѣтилъ

нагруженнаго коньякомъ, виномъ и закусками С—на, отправляющагося на пирушку. Не смѣю ихъ за это осуждать: жизнь для нихъ здѣсь такая нудная и тяжелая, что когда-нибудь, подъ праздникъ, поразвлечься вовсе не грѣхъ, лишь бы не вышелъ у нихъ какой-нибудь скандалъ, за который намъ всѣмъ придется расплатиться. На то молодежь. Сегодняшній вечеръ я въ первый разъ за все мое пребываніе въ Карлсбадѣ провелъ въ семейной обстановкѣ, — у своихъ хозяевъ, гг. Фишеръ, пригласившихъ меня поужинать у нихъ на сочельникъ. Они простые, но хорошіе люди. На праздникъ пріѣхалъ ихъ единственный сынъ, юноша лѣтъ 19-ти, учащійся въ какой то католической гимназіи въ Верхней Австріи. Было нѣчто въ родѣ нашей „Кутьи", и я себя чувствовалъ довольно gemüthlich. Это маленькое разнообразіе даже нѣсколько развлекло меня.

Молодой Фишеръ, какъ началась война, хотѣлъ поступить добровольцемъ въ армію, и родителямъ стоило много трудовъ и волненій удержать его отъ этого шага.

12/25 декабря.

Сегодня здѣсь празднуютъ Рождество и наша колонія разбилась на нѣсколько группъ для совмѣстнаго времяпровожденія по праздничному. Мы съ Я — ко отозвались на приглашеніе М. М. и провели у него за чайнымъ столомъ довольно пріятно болѣе трехъ часовъ времени исключительно въ „плѣнной" средѣ. Кромѣ насъ тамъ были кн. Б—въ съ женою, М—нъ, С—нъ, Ш—це, Ю—ичъ и г-жа Н—ва съ сыномъ. Для мирнаго времени такая комбинація, конечно, невозможна. Не думаю, чтобы за столомъ у К — скаго въ Петербургѣ или въ Болье можно было бы встрѣчать нѣкоторыхъ

изъ перечисленныхъ гостей, но здѣсь несчастный плѣнъ объединяетъ людей различныхъ классовъ, степеней образованія и убѣжденій. Хозяинъ дома даже замѣтилъ, что наша маленькая группа представляетъ собою пеструю этнографическую картину, имѣя въ своей средѣ представителей слѣдующихъ населяющихъ Россію народностей: великорусской, бѣлорусской, малорусской, еврейской, нѣмецкой, армянской и грузинской, не считая хозяйки дома — итальянки, и по этому поводу произнесъ тостъ за мирное сожительство народовъ въ Россіи.

Утромъ мы съ Я—ко были на богослуженіи въ евангелической церкви и слушали длинную проповѣдь пастора на злобу дня. Красивая риторика, но мысли невысокія. Шаблонныя фразы о военной доблести и ужасахъ войны и пожеланія скорѣйшаго мира. Публика была второго и третьяго сорта, преимущественно женскаго рода. Повидимому, здѣшніе евангелисты не особенно богомольны и даже въ такіе годовые праздники не посѣщаютъ своей церкви.

13/26 декабря.

Сегодня, на второй день праздника, мы были утромъ въ здѣшней католической церкви. Такъ какъ подавляющее большинство Карлсбадскаго населенія — католики, то и церковь гораздо больше и богаче, чѣмъ протестантская. Она находится въ центрѣ города, у знаменитаго Шпруделя, на горѣ, какъ бы господствуя надъ городомъ, и площадь, на которой она стоитъ (Kirchenplatz), составляетъ собственно пупъ Карлсбада. Какъ благолѣпіе самой церкви, такъ и торжественность службы—какъ вообще у католиковъ всего міра—гораздо импозантнѣе, чѣмъ у протестантовъ. Внутри цѣнныя художественныя картины, богатыя произведенія

искусства, а игра на органѣ и пѣніе хора представляли собою великолѣпный музыкально-вокальный концертъ. У женщинъ и сантиментальныхъ мужчинъ эти аксессуары вызываютъ, естественно, то молитвенное и религіозное настроеніе, которое въ данномъ случаѣ требуется, но въ этомъ именно, по моему мнѣнію, ненадежность этого настроенія, такъ какъ оно искусственное, навѣянное извнѣ, и какъ только человѣкъ выходитъ изъ стѣнъ этого нагрѣтаго дѣланнымъ тепломъ зданія и очутится на улицѣ, его сердце такъ же легко остынетъ, какъ и согрѣлось . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

14/27 декабря.

Сдалъ на почту пакетъ на имя г. Симона въ Букарестъ съ приложеніемъ трехъ писемъ для дальнѣйшей переотправки въ Петербургъ: Н. Ф. фонъ-Д—ру, Л. Ф. Ш—ну и В. А. Н—ому. Всѣ письма написаны по-русски и самаго невиннаго содержанія, тѣмъ не менѣе я далеко не увѣренъ, что таковыя дойдутъ до Букареста, особенно письмо Д—ру, въ которомъ касаюсь способа нашего освобожденія и возможнаго съ его стороны содѣйствія. Допускаю, что причиною непропуска этого письма можетъ служить, помимо его содержанія, также и то, что оно адресовано члену Государственнаго Совѣта. Мнѣ извѣстны случаи, подтверждающіе это мое опасеніе.

Послѣ обѣда, пользуясь праздничнымъ днемъ и хорошею сухою погодою, мы отправились немного въ горы погулять. Картина за городомъ уже вполнѣ

зимняя. Вездѣ снѣгъ, дѣти катаются на лыжахъ и конькахъ и зимній спортъ въ полномъ разгарѣ. Даже въ городѣ уже попадались намъ на глаза настоящія русскія сани. Смѣшное впечатлѣніе производятъ на насъ лишь куцыя шубенки, пиджаки на мѣху и высокіе чулки. Сѣдобородые почтенные мужчины въ такомъ одѣяніи представляются намъ въ смѣшномъ видѣ. Зато пріятно смотрѣть на дѣтей и ихъ свѣжія личики. Матери не только не оберегаютъ ихъ отъ холода и не кутаютъ, какъ у насъ, но, наоборотъ, пріучаютъ къ холоду и закаляютъ. У насъ всѣ интеллигентныя матери это тоже очень хорошо сознаютъ въ теоріи, но на практикѣ выращиваютъ изъ своихъ дѣтей тепличныя растенія, почему они такъ часто болѣютъ и легко погибаютъ отъ всякой случайности.

15/28 декабря.

Вновь начались будни, и тоскливое настроеніе опять охватило насъ, т. е. меня и Я—ко. Въ праздничные дни, когда весь городъ слоняется по улицамъ безъ дѣла наравнѣ съ нами, не такъ замѣчаешь свое изолированное глупое положеніе. Не то въ будни: всѣ работаютъ, каждый занятъ своимъ дѣломъ, а если идетъ по улицѣ, то съ опредѣленною цѣлью, а мы лишь бродимъ какъ тѣни, переходимъ изъ одного кафе въ другое и представляемъ собою вопросительные знаки. Громадная разница въ этомъ отношеніи между лѣтомъ и зимою въ томъ же Карлсбадѣ: во время сезона весь курортъ, преобладающая часть его населенія, состоитъ изъ бездѣльниковъ, не знающихъ куда дѣвать свое свободное время. Если въ этой массѣ будетъ болтаться еще нѣсколько десятковъ такихъ же ничего не дѣлающихъ чужаковъ—никто ихъ

не замѣтитъ и они никому не будутъ бросаться въ глаза. Не то зимою, когда въ городѣ остается одно лишь мѣстное населеніе, и то исключительно та его часть, которая имѣетъ работу — такъ какъ и свободные коренные карлсбадцы на зиму отсюда уѣзжаютъ. Тогда каждый чужой человѣкъ замѣтенъ, и если онъ не одинъ изъ рѣдкихъ зимнихъ кургастовъ, являющихся на короткое время и скоро уѣзжающихъ, то каждый уличный мальчишка его знаетъ. Населеніе, конечно, противъ насъ ничего не имѣетъ и, кажется, даже чувствуетъ къ намъ нѣкоторое состраданіе, но намъ эта наша „популярность" весьма непріятна.

Во время обѣда у Ганики мнѣ доставили заказное письмо отъ сестры и ея ребятишекъ, доставившее мнѣ много удовольствія. Во-первыхъ, я изъ этого письма узналъ, что мать вовсе освобождена отъ личной явки въ полицію, что при ея больныхъ ногахъ оченъ важно, а сестра съ дочерью являются не два раза въ день, какъ сказано было въ приказѣ военной власти, а лишь два раза въ недѣлю и это для нихъ только „Spass" и случай для встрѣчи съ земляками. Словомъ, одна лишь комедія. Дѣвочка же этимъ даже гордится: ея дѣтскому самолюбію льститъ, что она уже большая и какъ „непріятельница" признана опасной въ военномъ отношеніи настолько, что за нею установлено правительственное наблюденіе. Въ то же время эту самую „непріятельницу" въ ея школѣ заставляютъ, какъ и прочихъ учениць, вязать шерстяныя вещи „для бравыхъ солдатъ"... Не курьезна ли вся эта грустная комедія.

16/29 декабря.

Пришлось преодолѣть свое нежеланіе и вновь обратиться съ энергичнымъ письмомъ къ г. Рауху

въ Вѣну, прося его убѣдительно кое-что для насъ сдѣлать, не ограничиваясь пустыми обѣщаніями посольства, остающимися безъ исполненія. Изъ послѣдняго письма г. Рауха къ д-ру Штрунцу видно, что мы ему надоѣли, почему послѣ этого письма мы искренно рѣшили болѣе ни къ нему, ни къ д-ру Штрунцу, болѣе не обращаться, но что-жъ дѣлать—приходится надоѣдать и стучаться во всякую дверь, откуда слышится малѣйшій шорохъ надежды. На что ужъ д-ръ Ганъ, видавшій виды адвокатъ не изъ сантиментальныхъ, и онъ сегодня выразился, что наше положеніе дѣйствительно „Schrecklich“. Оно даже хуже положенія арестантовъ,—осужденныхъ преступниковъ. Тѣ по крайней мѣрѣ знаютъ, что имъ, обыкновенно вполнѣ заслужено, вынесенъ категорическій приговоръ, строго опредѣлившій положенный срокъ заключенія, соотвѣтственно чему подвергшійся наказанію человѣкъ по возможности устраивается, и каждый день приближаетъ его къ моменту освобожденія, точно ему извѣстному. Да и оторванность его отъ дома и того, что ему духовно или матеріально дорого и цѣнно, далеко не такая абсолютная, какъ у насъ. Хоть разъ въ недѣлю, можетъ быть при неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ можетъ повидаться съ тѣми, съ которыми онъ связанъ родственными или дѣловыми узами, и онъ находится въ болѣе или менѣе полной извѣстности о томъ, что дѣлается у него дома, въ его дѣлахъ, семьѣ или родинѣ, а мы всего этого лишены. Призываемому на войну солдату, безъ котораго самой войны не можетъ быть и который по сему сознаетъ, что иначе быть не можетъ,—тоже даютъ не менѣе сутокъ времени для предварительнаго устройства своихъ дѣлъ, да и во время самой войны онъ получаетъ изъ дому письма и газеты и лежа въ своемъ окопѣ пи-

шетъ кому нужно о своихъ переживаніяхъ и пожеланіяхъ. Мы же, ѣхавшіе на нѣсколько недѣль лѣчиться съ тѣмъ, чтобы къ опредѣленному дню быть обратно на своихъ постахъ, не имѣя никакого отношенія къ войнѣ, внезапно захвачены въ плѣнъ, томимся до сихъ поръ и не знаемъ доколѣ это продлится, при чемъ лишены всякихъ сношеній со своими семьями, друзьями и дѣлами. При этомъ тебя вѣчно гложетъ мучительный вопросъ, на который никто тебѣ отвѣтить не можетъ: къ чему всѣ эти ненужныя и безцѣльныя жертвы? Какая польза для тѣхъ интересовъ, ради коихъ тебя разоряютъ и отнимаютъ у тебя то, на что ты работалъ всю жизнь, отъ этой жестокости? Были въ Карлсбадѣ въ одно время со мною тысячи людей, гораздо болѣе меня подходящихъ для почетной роли „заложниковъ“ которымъ отъ сидѣнія здѣсь, хотя бы годами, никакого вреда не было бы, между тѣмъ они спокойно уѣхали къ себѣ домой. Я же, для котораго послѣдствія долгаго задержанія столь велики и тяжелы, долженъ все это терпѣть. Гдѣ здѣсь хотя бы тѣнь здраваго смысла и логики событій? Зависитъ же это не отъ стихіи, а отъ живыхъ людей съ головами на плечахъ, которые должны же разсуждать о цѣлесообразности ихъ дѣйствій...

17/30 декабря.

Почему то сложилось такъ, что роль рабочей лошади выпала на мою долю. Я не только долженъ изобрѣтать всѣ пути, ведущіе насъ къ желанной цѣли—освобожденію, но и самому исполнять всѣ намѣченные планы. Теперь готовимся подать заявленіе въ мѣстную Городскую Думу, для чего требуется отыскать публикацію карлсбадскаго

бургомистра въ мѣстныхъ газетахъ. Вчера у меня на это ушло все дообѣденное время и совершенно безполезно, такъ какъ въ Karlsbader Anzeiger, въ редакціи которой я былъ вчера, несмотря на долгіе поиски, ничего не оказалось. Сегодня я отправился въ другую мѣстную газету, редакція которой находится въ очень отдаленной мѣстности,—Karlsb. Tageblatt, и не только нашелъ искомую публикацію, но и познакомился съ редакторомъ этой газеты г-номъ Феллеромъ, оказавшимся довольно интереснымъ человѣкомъ. Это типичный европейскій журналистъ-издатель, имѣющій газеты не только въ разныхъ городахъ, но и въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ въ Италіи, откуда онъ недавно пріѣхалъ. Онъ имѣетъ на итальянской ривьерѣ свою виллу и причастенъ къ итальянской газетѣ Concordia. Недавно онъ разъѣзжалъ по Италіи и читалъ тамъ доклады. Онъ мнѣ подарилъ одно свое изданіе и обѣщалъ помочь въ нашемъ дѣлѣ, находя, что наше задержаніе—полная безсмыслица. Мы сегодня сговорились съ М. М., съ которымъ хочу его познакомить,—сдѣлать ему завтра совмѣстный визитъ. Можетъ быть черезъ него повліяемъ на центральную власть, такъ какъ онъ участвуетъ также въ вѣнской прессѣ.

18/31 декабря.

Были мы сегодня съ М. М. у Феллера. Какъ надо было ожидать, у нихъ оказалось много знакомыхъ въ разныхъ европейскихъ странахъ, особенно въ Италіи и Даніи, и они сразу другъ другу понравились. У Феллера связи колоссальныя, даже среди королей. Что касается нашего вопроса, то единственное, что онъ намъ обѣщалъ, это написать кому-нибудь изъ своихъ друзей въ Вѣну, чтобы

тотъ сообщилъ, что за исторія съ этими легендарными консульскими чиновниками и гдѣ они въ настоящее время находятся. Болѣе мы его ни о чемъ не просили. При его участіи недавно основано новая газета въ Италіи подъ названіемъ „Concordia", но онъ могъ до сихъ поръ получить одинъ лишь отрѣзокъ, на которомъ напечатанъ заголовокъ газеты, а не самые №№, такъ какъ всѣ иностранныя газеты, за исключеніемъ германскихъ, теперь въ Австрію не пропускаются. Отъ него мы отправились назадъ въ городъ лѣсною дорогою, совершивъ превосходную зимнюю прогулку мимо Шенбрунна.

Собирая беллетристическій матеріалъ для Вѣстника Европы М. М. просилъ меня предложить ему какой-нибудь изъ послѣднихъ нѣмецкихъ романовъ, который могъ бы имѣть успѣхъ въ переводѣ въ Россіи. Я ему посовѣтовалъ воспользоваться романомъ талантливаго писателя П. Грабейна Die Herren der Erde, который я читалъ еще въ Россіи и сильное впечатлѣніе отъ котораго у меня до сихъ поръ сохранилось. Мы прямо съ прогулки отправились къ Штарку, гдѣ онъ купилъ этотъ романъ. Я увѣренъ, что русской читающей публикѣ романъ долженъ понравиться, если только тамъ нѣмецкая литература теперь не подверглась остракизму.

19 декабря 1914 г.—1 января 1915 г.

Сегодня день Новаго Года по новому стилю. Отправляясь 12 Іюля изъ Петербурга сюда я не думалъ, что буду встрѣчать 1915 годъ въ Карлсбадѣ, и скорѣе повѣрилъ бы, что буду встрѣчать этотъ день въ Австраліи. Нашъ кружокъ сговорился провести этотъ вечеръ у Штейнера, по при-

мѣру мѣстныхъ жителей, за стаканчикомъ легкаго вина. Были тѣ же, которые въ первый день праздника были у К—скихъ. Кн. Б—ву крѣпко хотѣлось раздавить бутылку-другую шампанскаго. Я энергично этому воспротивился и добился своего. Такъ какъ мы сидѣли въ общей залѣ, то несмотря на нѣкоторые протесты нашихъ дамъ, мы ушли оттуда, находя неудобнымъ дождаться того момента, когда начнутъ кричать „Prosit Neujahr" и шумно выражать другъ другу свои пожеланія. Я очень опасался за возможность неподходящихъ такихъ выступленій со стороны князя, которыя могли бы вызвать недовольство нашихъ сосѣдей. Въ концѣ концовъ всѣ остались этимъ довольны и мирно разошлись по домамъ во благовременіи. Уже лежа въ постели я подумалъ, какое, дѣйствительно, я съ своей стороны могъ бы выразить пожеланіе, еслибъ дѣло дошло у насъ до произнесенія тостовъ. Мы вѣдь именно этотъ Новый Годъ встрѣчаемъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ, что обычныя шаблонныя мелкія пожеланія другъ другу на узкой почвѣ личныхъ благъ нынѣ неумѣстны. Моментъ теперь такой, что всѣ личныя дѣла и дѣлишки кажутся ничтожною мелочью по сравненію съ происходящими міровыми событіями. Я бы, кажется, пожелалъ своимъ тостомъ расширить тотъ промежутокъ будущаго времени, который нынѣшнія новогоднія пожеланія должны охватить. Обычно вѣдь подъ Новый Годъ выражаютъ другъ другу пожеланія встрѣчать слѣдующій Новый Годъ при извѣстныхъ счастливыхъ условіяхъ, а мы теперь переживаемъ такую историческую эпоху, которая бываетъ не болѣе одного раза въ столѣтіе или даже того меньше. Точно такъ, какъ интересы отдѣльныхъ лицъ кажутся ничтожными въ сравненіи съ тѣми міровыми актами, которые разыгрываются на нашихъ глазахъ, такъ и одинъ

годъ кажется ничтожною крупицею времени, на пространствѣ котораго никакое соотвѣтствующее моменту пожеланіе осуществиться не можетъ. . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Сколько разъ, обдумывая ужасную современную дѣйствительность, я убѣждаюсь, что когда нынѣ въ порывѣ гнѣва одинъ человѣкъ говоритъ другому: „ты озвѣрѣлъ“, то любой содержимый въ клѣткѣ четвероногій можетъ потащить обидчика звѣринаго рода къ мировому и послѣдній обязанъ подвергнуть оскорбителя заслуженному наказанію... Пока же я бы предложилъ замѣнить во всѣхъ словаряхъ какимъ либо болѣе подходящимъ словомъ терминъ „человѣчность“ какъ понятіе о чемъ то возвышенномъ, согрѣвающемъ сердце и душу.

Съ этими мыслями я заснулъ подъ новый 1915-й годъ.

20 декабря 1914 г.—2 января 1915 г.

Новый Годъ не принесъ намъ новаго счастья, а наоборотъ: въ отвѣтъ на наше письмо къ испанскому посланнику Я—ко сегодня получилъ отвѣтъ, что хотя все, что въ письмѣ сказано, вполнѣ основательно, тѣмъ не менѣе приходится еще ожидать исхода переговоровъ между правительствами обѣихъ странъ, такъ какъ въ ходѣ этихъ переговоровъ встрѣтились новыя затрудненія. Онъ, Я—ко, вновь пріунылъ, я же стараюсь уговорить себя, что ко мнѣ, дѣло котораго, по депешѣ того же посланника, уже совсѣмъ erledigt, это письмо не относится, но въ глубинѣ души чувствуется горькая правда, что намъ одинаково придется еще долго сидѣть на рѣкахъ Карлсбадскихъ, Теплѣ и Эгерѣ, и плакати...

Съ сегодняшняго вечера прекратилась наша вечерняя свобода, дарованная намъ полиціею на праздничное время и мы вновь обязаны являться домой не позже 8 ч. вечера. Молодежь, конечно, огорчена, а мы находимъ въ этомъ даже нѣкоторую пользу для души и тѣла. Сидѣть дома и заниматься, — писать или читать, — куда полезнѣе и здоровѣе, чѣмъ шататься по улицамъ, кофейнямъ и ресторанамъ. Ложиться спать пораньше и пораньше вставать тоже лучше, чѣмъ соблюдать Петербургскій режимъ сна и бодрствованія. Помимо всего оно здоровѣе и для кармана: ужинать дома всегда выходитъ дешевле, чѣмъ въ ресторанѣ, притомъ же домашняя пища не хуже, а всегда лучше зимней ресторанной. Вообще здѣшніе рестораторы стали кормить отвратительно, должно быть по случаю возростающей дороговизны и недостатка хорошихъ съѣстныхъ припасовъ.

21 декабря 1914 г.—3 января 1915 г.

Событіемъ дня для всей колоніи было сегодня письмо испанскаго посланника на имя Я—ко. Слухъ объ этомъ письмѣ переходилъ изъ устъ въ уста и съ неизбѣжными искаженіями сдѣлался общимъ достояніемъ. Всѣхъ охватило унылое настроеніе. Сулящее неопредѣленность и дальнѣйшее томительное сидѣніе, письмо внушаетъ нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, безпокойство за будущее. Каждый думаетъ о томъ, что дѣлается тамъ, гдѣ сосредоточены всѣ его семейные и личные дѣловые интересы. Даже тѣ, коимъ совершенно безразлично гдѣ бездѣльничать—здѣсь или гдѣ нибудь въ Россіи (а есть и такіе, которымъ здѣсь даже покойнѣе и лучше чѣмъ дома) заразились общимъ уныніемъ. Лучше всего должна чувствовать себя

молодежь. Они хорошо знаютъ, что до конца войны имъ нечего думать объ освобожденіи и живутъ себѣ самодовольно, не питаясь иллюзіями, которыя ежедневно лопаются какъ мыльные пузыри, — что собственно представляютъ собою всѣ даваемыя намъ съ разныхъ сторонъ обѣщанія. Нѣкоторые изъ нихъ изучаютъ здѣсь нѣмецкій языкъ, занимаются музыкою и вообще проводятъ свое время съ пользою, но имѣются и такіе, которые занимаются битьемъ баклушъ и пьянствомъ. Во время праздниковъ, какъ передаютъ, одинъ изъ нихъ до того напился, что отправился ночевать на кладбище. Для здѣшняго населенія это кажется чѣмъ-то неслыханно дикимъ.

22 декабря 1914 г.—4 января 1915 г.

Прочитанное мною утромъ въ газетахъ извѣстіе, что изъ Россіи опять пріѣхало 30 человѣкъ, задержанныхъ тамъ и теперь отпущенныхъ домой безъ всякаго обмѣна, испортило мнѣ расположеніе духа на цѣлый день. Этотъ и много другихъ фактовъ доказываютъ, что о насъ некому заботиться ни здѣсь, ни тамъ. При такихъ условіяхъ можно просидѣть въ Карлсбадѣ до конца войны и дойти до полнаго истощенія терпѣнія и здоровья, такъ какъ въ скорое окончаніе войны никто не вѣритъ и я меньше другихъ. А здѣсь еще мать пристаетъ со своими запросными, срочными депешами, о состояніи моего здоровья. Несмотря на то, что ей хорошо извѣстны условія нашей переписки и что много писемъ вовсе не доходитъ,—какъ только недѣлю не получитъ отъ меня письма, она уже телеграфируетъ и непремѣнно срочно, какъ будто если отвѣчу, что здоровъ—я въ дѣйствительности долженъ быть здоровъ и счаст-

ливъ. Единственное средство отучить ее отъ этого—писать порѣже. Я написалъ ей сегодня и заявилъ ей и сестрѣ въ этомъ же письмѣ, что слѣдующее письмо отъ меня будетъ черезъ двѣ недѣли. Если выдержу характеръ—буду строго соблюдать двухнедѣльные сроки для корреспонденціи съ Гамбургомъ, какъ мнѣ ихъ ни жаль. На телеграммы же, я ихъ предупредилъ, вовсе не буду отвѣчать.

Сегодня отвратительная погода. Столько навалило мокраго снѣга, что не знаю, когда они вычистятъ всю накопившуюся на улицахъ грязь. Сыро на улицѣ, сыро въ комнатѣ и еще сырѣе на душѣ...

23 декабря 1914 г.—5 января 1915 г.

Игнорируя отвѣтъ, полученный Я—ко отъ посла, я сегодня написалъ послѣднему лично отъ себя съ напоминаніемъ, что уже прошло 7 недѣль какъ онъ мнѣ телеграфировалъ, что мое „дѣло уже разрѣшено и недостаетъ только мелкихъ деталей“. Можетъ быть онъ и обидится на меня, но ничего не подѣлаешь: въ моемъ положеніи назойливость иногда простительна.

Пріѣхавшій сюда сегодня какой-то шведъ, бывшій три недѣли тому назадъ въ Россіи, также передаетъ, что оттуда всѣхъ пожилыхъ нѣмцевъ и австрійцевъ, которые желаютъ уѣхать, свободно выпускаютъ на родину, насъ же безъ конца держатъ на привязи.

Неожиданно оказался случай отправить въ Россію непосредственно письма черезъ одну застрявшую здѣсь даму изъ Новочеркасска, которой возвратили паспортъ и которая завтра же ѣдетъ прямо въ Петербургъ. Не знаю, откуда она взялась. Мы даже не знали о ея существованіи. Я ей далъ письма

къ брату и Н. С. А—ову, а Я—ко написалъ отъ нашего имени Н. Ф. фонъ-Д—ру. Она мнѣ даже обѣщала побывать въ Петербургѣ у меня на квартирѣ, узнать, что тамъ дѣлается, и сообщить мнѣ объ этомъ чрезъ Букарестъ. Мнѣ, однакожъ, что то мало вѣрится, что это будетъ исполнено. Розыски этой барыни и возня съ письмами для нея отняли у меня весь сегодняшній день. Вообще въ послѣднее время моя работа по собиранію экономическихъ матеріаловъ сильно затормозилась, отчасти вслѣдствіе тяжелаго состоянія духа, не дающаго мнѣ даже возможности систематически прочитывать ежедневныя газеты, а отчасти вслѣдствіе составленія всякихъ обращеній къ властямъ объ освобожденіи. Казалось бы все уже высказано и написано. Тѣмъ не менѣе каждый разъ находишь что то новое и пишешь, пишешь безъ конца...

24 декабря 1914 г.—6 января 1915 г.

М—скій явился ко мнѣ сегодня съ новымъ предложеніемъ: обратиться къ Римскому Папѣ съ просьбою о заступничествѣ за насъ. Мысль эта, уже подымавшаяся у насъ, родилась и у него подъ вліяніемъ извѣстія о сдѣланномъ Папою предложеніи всѣмъ воюющимъ державамъ обмѣняться негодными къ несенію военной службы плѣнными, каковое предложеніе, будто бы, принято уже правительствами всѣхъ странъ. Хотя я не возлагаю серьезныхъ надеждъ на подобный шагъ, такъ какъ по моему мнѣнію для вмѣшательства Папы мы представляемъ собою количественно и качественно ничтожную величину, при томъ же католиковъ среди насъ очень мало, но исходя изъ принципа „попытка не пытка“ я бы не уклонился отъ уча-

стія въ этомъ дѣлѣ, но не сомнѣваюсь, что, по бывшимъ примѣрамъ, подобное прошеніе, если будетъ отправлено по почтѣ, не дойдетъ по назначенію, а отправка съ нарочнымъ сопряжена съ большимъ расходомъ. Кромѣ того, если и дойдетъ до кардинала статсъ-секретаря, послѣдній не доложитъ Папѣ безъ предварительнаго обращенія къ австро-венгерскому посланнику при папскомъ дворѣ, а тотъ въ свою очередь никакого отвѣта не дастъ безъ сношеній со своимъ министромъ въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ пройдетъ очень много времени, пока чего-нибудь добьемся, а мы этимъ рискуемъ вызвать противъ себя неудовольствіе въ здѣшнихъ правящихъ сферахъ. По этимъ соображеніямъ я, обдумавъ дѣло, рѣшилъ уклониться отъ всякаго въ немъ участія. Кажется, М—скій убѣдился въ правильности моего взгляда на данный вопросъ.

25 декабря 1914 г.—7 января 1915 г.

Уже три дня какъ продолжается прескверная погода: сверху безпрерывно льетъ и сыплется мокрый и густой снѣгъ, а внизу—вода и грязь. Я обыкновенно отношусь очень чувствительно къ погодѣ, но теперь я на нее даже не реагирую. Я себѣ это объясняю тѣмъ, что въ сравненіи съ одолѣвающими меня тяжелыми думами вопросъ о погодѣ настолько ничтоженъ, что его не замѣчаешь, вѣрнѣе не чувствуешь. Впрочемъ, дурная погода имѣетъ и свою хорошую сторону: сидишь больше дома и поневолѣ что нибудь дѣлаешь или читаешь, а матеріала для чтенія у меня всегда больше имѣющагося запаса времени, несмотря на обиліе такового въ Карлсбадѣ въ зимнее время у всѣхъ его жителей, а у меня въ особенности. Я сегодня

прочиталъ много экономическихъ статей въ газетахъ, какихъ теперь особенно много печатаютъ по случаю окончанія года, и занесъ не мало новыхъ замѣтокъ въ свою тетрадь, которая понемногу толстѣетъ. Крайне жаль, что не все, что читаешь, удобно отмѣтить, а въ головѣ, вѣдь, всего этого не сохранишь. Я, поэтому, обращаю главнымъ образомъ вниманіе на цифровыя данныя, которыя отражаютъ послѣдствія происходящихъ событій въ народно-хозяйственной жизни разныхъ странъ, насколько это можно вылавливать въ органахъ ежедневной прессы. Все это матеріалъ случайный и отрывочный, но можетъ имѣть нѣкоторую цѣнность, если удастся привезти домой и тамъ позаняться разработкою, вѣрнѣе расшифровкою...

26 декабря 1914 г.—8 января 1915 г.

Весь день прошелъ въ изготовленіи записки, которая должна быть подана завтра Городскому Совѣту, чрезъ мѣстнаго бургомистра. Къ вечеру она была вполнѣ готова и мы собрались у Штейнера для подписанія. Какъ и надо было ожидать, одинъ лишь N... отказался ее подписать. Д-ръ Франкъ, посовѣтовавшій намъ отправить къ бургомистру, для подачи записки, особую депутацію, предупредилъ насъ, чтобы N... отнюдь не участвовалъ въ этой депутаціи, а такъ какъ мы рѣшили, чтобы въ депутаціи участвовали всѣ безъ исключенія лица подписавшія записку, то его отказъ отъ подписанія избавилъ насъ отъ неудобнаго положенія.

Сестра сообщила мнѣ адресъ одного ея знакомаго, бывшаго ихъ служащаго, проживающаго теперь въ Стокгольмѣ. Я этимъ воспользовался и сейчасъ же написалъ ему просьбу справиться о

судьбѣ столь интересующихъ насъ австрійскихъ консульскихъ чиновниковъ, задержанныхъ въ Россіи, чего мы до сего времени никакъ не можемъ добиться несмотря на всевозможныя попытки. Если только мое письмо дойдетъ до него и его отвѣтъ—до меня, то мы этимъ путемъ, кажется, добьемся, наконецъ, этой весьма цѣнной для насъ справки, на что мы уже почти потеряли надежду.

27 декабря 1914 г.—9 января 1915 г.

Подали мы сегодня здѣшнему бургомистру, д-ру Пфейферу, свое прошеніе при довольно импозантной обстановкѣ чрезъ особую депутацію изъ 5 старцевъ, изъ коихъ самому старшему, бессарабскому помѣщику З—кому, 69 лѣтъ. Онъ-то, какъ старѣйшій и совершилъ актъ „врученія". Бургомистръ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ стоя и, прочитавъ все прошеніе, обратился къ намъ съ длиннѣйшею рѣчью, въ которой доказывалъ, что городъ здѣсь не при чемъ, и что мы обращаемся не по подлежащему адресу: это дѣло политической власти, т. е. Bezirkshauptmannschaft, къ которой и слѣдуетъ намъ обратиться; городъ же Карлсбадъ, съ своей стороны, принесъ уже много жертвъ въ пользу своихъ кургастовъ и т. д. Такъ какъ З—кій не только слова не говоритъ по-нѣмецки, но и не понимаетъ, а прочіе члены депутаціи тоже не особенно крѣпки въ этомъ дѣлѣ, то ораторская часть выпала на мою долю. Пришлось объяснить господину бургомистру, что по указанному имъ адресу мы уже многократно обращались, какъ и по различнымъ другимъ адресамъ, откуда мы могли ожидать помощи, и все это безъ всякаго результата, почему мы и просимъ Карлсбадскій

Городской Совѣтъ (Stadtrat) взять на себя заступничество за насъ предъ этими самыми властями, къ коимъ онъ насъ посылаетъ. Кончилось вполнѣ благополучно: г. Пфейферъ внялъ моимъ объясненіямъ и согласился препроводить наше прошеніе куда слѣдуетъ съ сочувственнымъ отзывомъ Карлсбадскаго Городского Совѣта, прося объ удовлетвореніи нашего ходатайства объ отпускѣ насъ домой. Онъ при этомъ подтвердилъ, что насколько ему извѣстно, обращеніе въ Россіи съ плѣнными австрійцами гражданскаго состоянія лучше, чѣмъ во Франціи и Англіи. Будетъ ли наше прошеніе доложено Совѣту или обѣщанное будетъ исполнено отъ имени бургомистра лично, мы не знаемъ, но этотъ фактъ все-таки долженъ дать толчокъ нашему дѣлу.

Сегодня я получилъ письмо отъ нѣкоего Х—на изъ Стокгольма, сообщающаго, что онъ давно, по порученію Л. Г. Р—на, отправилъ мнѣ письмо, на которое проситъ отвѣтить. Я не имѣю представленія о томъ письмѣ, о которомъ онъ пишетъ, а между тѣмъ мы, т. е. Я—ко и я, не перестаемъ ругать Л. Г. за то, что онъ намъ ничего не пишетъ. Милое положеніе...

28 декабря 1914 г.—10 января 1915 г.

По совѣту г. Фишера я занесъ копію записки, поданной Городскому Головѣ, владѣльцу Post Hotel г-ну Вакеру, который считается однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Городского Совѣта, и просилъ его поддержать наше ходатайство. Я съ нимъ бесѣдовалъ довольно продолжительно и получилъ обѣщаніе, что онъ употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы городъ взялъ на себя защиту нашихъ интересовъ. Онъ почему-то придаетъ боль-

шое значеніе вмѣшательству Римскаго Папы и увѣренъ, что и мы подойдемъ подъ предложенный Папою обмѣнъ плѣнными, но мы совершенно не раздѣляемъ этого мнѣнія. М. М. предлагаетъ обратиться къ живущему въ Римѣ его пріятелю писателю Боборыкину и просить его переговорить по этому вопросу съ ватиканскими сферами. Пока что, мнѣ предложено составить соотвѣтствующую записку. Но какъ ее доставить по адресу?

Послѣдніе дни нашъ муравейникъ волновало слѣдующее событіе. При встрѣчѣ Новаго Года въ кафе Асторія одинъ изъ нашихъ „молодыхъ поляковъ Моисеева закона“ до того напился, что сталъ кричать „vive la France“. Даже принимавшій участіе въ трапезѣ молодой французъ, сознавая всю опасность подобнаго безумія для всей колоніи, возмутился этимъ поступкомъ и набросился на смѣльчака и хотѣлъ его избить. Это дошло до полиціи и началось слѣдствіе . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Тѣмъ не менѣе фактъ подтвердился. Инцидентъ, слава Богу, кончился вполнѣ благополучно и, какъ говорятъ, молодой человѣкъ, студентъ Карлсруэскаго Политехникума, поплатился за свой, проявленный не въ подлежащемъ мѣстѣ, французскій патріотизмъ,—лишь 10-дневнымъ арестомъ.

29 декабря 1914 г.—11 января 1915 г.

Волненія и угнетенное состояніе духа послѣдняго времени не остались безъ послѣдствій для здоровья. Я сталъ чувствовать голодъ не во время и сухость во рту по утрамъ, т. е. извѣстные мнѣ симптомы обостренія сахарной болѣзни и анализъ подтвер-

дилъ мои опасенія. Думаю начать хоть недѣли на двѣ вновь пить Mühlbrunn, но не рѣшаюсь еще приступить къ этому, такъ какъ погода все время очень скверная и необходимое гулянье пѣшкомъ послѣ питья невозможно.

Весь вчерашній вечеръ и все сегодняшнее утро ушли у меня на составленіе и переписку меморандума относительно нашего положенія, который К—скій намѣренъ послать въ Римъ Боборыкину и сенатору Грасси.

Одинъ членъ нашей колоніи М—вовъ получилъ изъ Россіи чрезъ нейтральную страну какую-то посылку. Уже этотъ фактъ самъ по себѣ—полученіе изъ Россіи настоящей „вещи" всколыхнуло весь муравейникъ какъ если бы посылка получена была съ Марса, но еще большую сенсацію вызвало другое обстоятельство: посылка оказалась завернутою въ какую то безграмотную мѣстную Казанскую газетку отъ 5 декабря. Теперь этотъ драгоцѣнный документъ, возбудившій всеобщее любопытство, ходитъ по рукамъ и его съ жадностью читаютъ. Вѣдь шесть мѣсяцевъ прошло, какъ никакой русской газетѣ перейти чрезъ границу не дозволено, и вдругъ такой случай. Неудивительно, что казанская газетка имѣетъ такой „успѣхъ" въ Карлсбадѣ. Каждому любопытно знать, что пишутъ и читаютъ „тамъ", гдѣ всѣ его помыслы...

30 декабря 1914 г.—12 января 1915 г.

Не только нѣтъ никакого просвѣтлѣнія въ нашей судьбѣ, но съ каждымъ днемъ мракъ все болѣе и болѣе сгущается. Д-ръ Штрунцъ получилъ письмо изъ Вѣны отъ г. Рауха, что послѣдній еще разъ былъ въ испанскомъ посольствѣ и ему тамъ передали, что уже послѣ того, какъ состоялось соглашеніе между обоими правительствами относительно

обмѣна насъ на консульскихъ чиновниковъ, неожиданно возникло недоразумѣніе, заключающееся въ томъ, что по толкованію русскаго правительства взамѣнъ упомянутыхъ чиновъ должны быть выпущены изъ Австріи всѣ безъ исключенія задержанные русско-подданные заложники, австрійское же правительство согласно выдать лишь соотвѣтствующее количество, т. е. 7 человѣкъ, вслѣдствіе чего отпущенные уже изъ Россіи консулы вновь задержаны тамъ на границѣ. Между тѣмъ австрійцы, частныя лица, эквивалентныя намъ, все продолжаютъ прибывать изъ Россіи безъ всякаго обмѣна и сегодня же въ мѣстной газеткѣ Karlsbader Badeblatt, пріѣхавшій изъ Одессы мѣстный уроженецъ описываетъ свои переживанія въ Россіи и исторію съ австрійскими консулами въ Одессѣ. Выѣздъ былъ ему разрѣшенъ безъ всякихъ условій Одесскимъ градоначальникомъ въ самое послѣднее время и, получивъ свой паспортъ, онъ вернулся чрезъ Румынію. Это письмо способно разочаровать любого оптимиста, и перспектива нашего пребыванія въ Карлсбадѣ до второго пришествія становится вѣроятной. Таково теперь наше положеніе въ этомъ интернаціональномъ курортѣ, куда мы пріѣхали въ прошлое лѣто на 3—4 недѣли лѣчить свои физическіе недуги...

31 декабря 1914 г.—13 января 1915 г.

Г. Фишеръ, большое ему спасибо, отправился сегодня по собственному почину къ начальству попросить, чтобы мнѣ безпрепятственно выдавалась адресованная мнѣ корреспонденція. Я не вѣрилъ въ успѣхъ его миссіи и не совѣтовалъ ему это сдѣлать, но онъ меня не послушалъ, надѣясь на свое положеніе мѣстнаго крупнаго домовладѣльца, съ которымъ надо считаться. Къ сожалѣнію, однакожъ,

оказалось, что былъ правъ не онъ, а я: ему только отвѣтили, что письма выдаются безпрепятственно и грубо предложили не вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Онъ, бѣдный, вернулся домой въ крайнемъ смущеніи. Могу только сказать: o tempora, o mores!

Въ Россіи теперь собираются встрѣчать Новый Годъ. Какъ свѣжо у меня въ памяти все происходившее со мною въ прошломъ году въ этотъ же вечеръ. Михайловскій театръ и очень продолжительная ночная прогулка по Петербургскимъ, нынѣ уже Петроградскимъ, улицамъ, подъ густымъ, безконечно падавшимъ снѣгомъ. Не знаю почему, а у меня тогда явилось большое желаніе ходить и находиться на улицѣ. Могъ ли тогда кто либо предвидѣть, выражая свои пожеланія на предстоявшій годъ, то ужасное, чему нашему несчастному поколѣнію пришлось быть свидѣтелями. Кажется, само Небо этого не знало. Какова-то встрѣча нынѣшняго Новаго Года теперь тамъ, откуда нынѣ труднѣе получать вѣсти, чѣмъ съ того свѣта. Не думаю, чтобы и теперь тамъ люди предавались въ эту ночь, какъ во всѣ прошлые годы, маскараднымъ удовольствіямъ и беззаботному веселію, — даже и тѣ, которые лично не пострадали отъ хода міровой трагедіи. Неужели только мнѣ одному все окружающее кажется тонущимъ въ мрачной пропасти кроваваго моря, всѣ же прочіе люди, разъ сами не находятся подъ страшнымъ огнемъ пулеметовъ или въ сырыхъ окопахъ, вовсе не чувствуютъ ужасовъ переживаемаго времени? Впрочемъ, если бы всѣ другіе это чувствовали такъ глубоко, какъ я, то, можетъ быть, ничего подобнаго теперь не было бы...

1/14 января.

Какъ-то вяло, съ опущенными глазами, поздравляли мы сегодня другъ друга съ Новымъ Годомъ.

У каждаго, за немногими исключеніями, на душѣ нѣчто совершенно противоположное всему праздничному. Несмотря на то, что вчера вечеромъ предъ самымъ сномъ я отмѣтилъ это календарное событіе въ своемъ дневникѣ, когда утромъ всталъ, все окружающее было настолько буднично, ничѣмъ не отличаясь отъ обычной моей здѣсь унылой жизни, что я совершенно забылъ и даже не вспомнилъ о томъ, какой сегодня день. Лишь въ кафе послѣ завтрака мнѣ напомнила объ этомъ старуха З—я, поздравивъ меня съ Новымъ Годомъ, а у Ганики за столомъ К—скихъ нѣсколько взысканныхъ судьбою эпикурейцевъ обоего пола, которымъ рѣшительно все равно гдѣ коротать свои беззаботные дни, съ вѣчно-празднующею N во главѣ, распивали вино и старались „отмѣтить“ сегодняшній день. У меня же на умѣ сегодня цѣлый день была совершенно другая мысль: не попытаться ли, пользуясь уходомъ въ отставку австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Берхтольда и назначеніемъ на этотъ постъ другого лица, барона Буріана, о чемъ сегодня опубликовано, — обратиться къ этому послѣднему съ просьбою отпустить насъ на волю Божію. Можетъ быть, этотъ министръ не только будетъ гуманнѣе прежняго, но и пойметъ, что отъ человѣческаго отношенія къ подданнымъ враждебныхъ державъ каждое воюющее государство можетъ только выиграть. Я эту мысль уже кое-кому высказалъ и она встрѣтила одобреніе. Надо еще обдумать въ какой формѣ это осуществить.

2/15 января.

Моя физическая инвалидность, не сотвѣтствующая возрасту, дѣлаетъ большіе шаги впередъ, и Карлсбадъ внесъ въ это дѣло свою большую долю.

Сегодня я имѣлъ еще поводъ убѣдиться въ этомъ и на самой важной изъ функцій организма — на зрѣніи. Замѣтивъ въ послѣднее время ужасающее ослабленіе глазъ я ихъ сегодня „понесъ“ для испытанія и консультаціи къ д-ру Анельту, который считается здѣсь весьма компетентнымъ окулистомъ. Оказалось, что правый глазъ совершенно уже не годится для чтенія на какомъ бы то ни было разстояніи, а лѣвый настолько ослабъ, что приходится выписать для меня изъ Вѣны новыя комбинированныя стекла, — особыя для улицы и особыя для работы. Не обрадовалъ меня этимъ милый докторъ. Съ плохими глазами весьма неудобно въ хозяйствѣ.

Только что вернулся изъ Букареста архитекторъ г. Симонъ и былъ удивленъ, услышавъ отъ меня, что я ему отправилъ по почтѣ заказнымъ пакетомъ еще 2/22 декабря письма для переотправки въ Петербургъ Ш—ну, Д—ру и Н—скому. Между тѣмъ у меня имѣется почтовая росписка и обратно пакетъ мнѣ не доставленъ, а на всѣ просьбы и жалобы отвѣчаютъ, что вся корреспонденція, будто бы, доставляется въ полной исправности.

Несмотря на сообщеніе, принесенное намъ Фишеромъ изъ Bezirkshauptmannschaft, что на субботу насъ позовутъ куда-то для какого-то опроса, сегодня на регистраціи намъ объ этомъ ничего не заявили. Такъ какъ въ нашемъ разумѣніи этотъ слухъ связывался съ нашимъ прошеніемъ бургомистру, то молчаніе со стороны полиціи вызвало у всѣхъ разочарованіе. Вѣроятно, что-то дѣйствительно предполагалось, такъ какъ Фишеръ зря разсказывать не станетъ.

Сегодня сдѣлано еще одно дѣло — отправлено прошеніе отъ имени моего и Я—ко новому австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ Буріану объ освобожденіи насъ. Мы указываемъ ему на наше

положеніе частныхъ лицъ, на нашъ пожилой возрастъ и на то, что Россія подобныхъ намъ частныхъ лицъ, состоящихъ въ австро-венгерскомъ подданствѣ и желающихъ выѣхать на родину, насильно не задерживаетъ. Это тоже принадлежитъ къ области шаговъ „на всякій случай".

3/16 января.

Я сегодня занесъ консулу экземпляръ записки на имя Карлсбадскаго Городского Совѣта и просилъ его, чтобы онъ, въ качествѣ офиціальнаго нашего покровителя, потребовалъ отъ бургомистра отвѣта на наше прошеніе. Онъ обѣщалъ это сдѣлать и сообщить испанскому посланнику въ Вѣну нашу записку вмѣстѣ съ отвѣтомъ бургомистра Пока же онъ отправляетъ въ посольство то объявленіе бургомистра отъ 2 августа, о которомъ говорится въ моей запискѣ.

Помимо офиціальной аудіенціи по сказанному поводу я сегодня имѣлъ съ г. Юнгомъ довольно продолжительную частную бесѣду обо всякой всячинѣ. Несмотря на его молодость и красивую наружность, онъ очень мало похожъ на другихъ молодыхъ людей своего круга и мало склоненъ къ свѣтскому образу жизни и свѣтскимъ развлеченіямъ. По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ квакеръ, интересуется религіозными и философскими вопросами и любитъ читать, но въ то же время, въ отличіе отъ европейскихъ, преимущественно русскихъ интеллигентовъ, не чуждъ дѣловыхъ вопросовъ и съ уваженіемъ относится къ дѣловому міру, какъ и подобаетъ американцу вообще и американскому консулу, — представителю американской торговли, въ особенности

По поводу нашего дѣла онъ мнѣ сообщилъ новую версію, о которой ему написалъ кто-то изъ его посольскихъ друзей въ частномъ порядкѣ, именно,—что Австрія потребовала отъ Россіи списка всѣхъ оставшихся тамъ австро-венгерскихъ подданныхъ и что Россія, будто бы, отъ исполненія сего отказалась, почему насъ и держатъ. Если только это правда—мнѣ лично не вѣрится—то просидѣть намъ въ Карлсбадѣ до конца войны, до котораго можетъ быть еще дальше, чѣмъ до ея начала. Читалъ я гдѣ-то на-дняхъ, что лордъ Китченеръ, на вопросъ своей сестры, когда война окончится, ей отвѣтилъ: я не могу знать, когда она окончится, но начнется она въ маѣ.

М. М. получилъ сегодня, чрезъ Красный Крестъ, письмецо на нѣмецкомъ языкѣ отъ 12/25 декабря отъ товарища Предсѣдателя Государственнаго Совѣта И. Я. Голубева, поздравляющаго его съ Новымъ Годомъ и выражающаго надежду на его скорое возвращеніе. М. М. вѣритъ, что эта надежда не является лишь пустымъ ободреніемъ, а основана, по всей вѣроятности, на чемъ-то реальномъ. Можетъ быть онъ и правъ.

4/17 января.

Въ Италіи произошло новое землетрясеніе, повлекшее за собою десятки тысячъ человѣческихъ жертвъ. Въ послѣдніе годы, въ этой самой странѣ, уже было нѣсколько такихъ ужасныхъ шалостей безпощадной природы и каждый разъ я объ этомъ читалъ съ содроганіемъ. У меня при прежнихъ случаяхъ волосы становились дыбомъ на головѣ, когда я себѣ представлялъ картину всеобщаго разрушенія, причиняемаго землетрясеніемъ: тысячи убитыхъ, искалѣченныхъ и сошедшихъ съ ума людей всякаго возраста и пола, отчаяніе уцѣлѣвшихъ,

лишившихся своихъ близкихъ и своего угла и т. д. Но совсѣмъ не то было на этотъ разъ: читаю подробное описаніе событія какъ самое обыкновенное газетное происшествіе безъ малѣйшаго внутренняго содроганія, какъ будто рѣчь идетъ о фантастическомъ разсказѣ для дѣтей младшаго возраста, гдѣ нѣтъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Что же это такое? Неужели я настолько очерствѣлъ и отупѣлъ. Стыдно и грустно, но надо сознаться, что это такъ. Это печальные плоды переживаемыхъ всѣмъ міромъ событій, которыя куда хуже и страшнѣе того, что произошло въ Италіи и къ которымъ мы уже полгода пріучились какъ къ фактамъ нашей нынѣшней повседневной, позорной дѣйствительности... Вѣдь тамъ, въ Италіи, хотя произошло нѣчто ужасное, но фатальное, непредотвратимое и слѣпое, жестокія нити чего лежатъ гдѣ-то въ тайникахъ безсмысленной природы, никому невидимой и непонятной, а здѣсь, на поляхъ, въ лѣсахъ и горахъ Франціи, Польши и Сербіи все это ежедневно дѣлается людьми, отъ воли коихъ зависитъ дѣлать или не дѣлать свое ужасное, разрушающее дѣйствіе. Тамъ дѣйствуетъ законъ природы, который, управляя вселенною, дѣлаетъ иногда какъ бы ложный шагъ и въ секунду, однимъ ударомъ, причиняетъ цѣлое море зла, а здѣсь люди, наоборотъ, нарушаютъ всѣ собственные законы, ими же написанные и вѣками проповѣдуемые, лицемѣрно облекая это въ личину религіи, морали и цивилизаціи, нарушаютъ ихъ каждый день, каждый часъ, самымъ позорнымъ образомъ, грубо и открыто, не думая перестать и заставляя другихъ дѣлать то же самое. По сравненію съ этимъ, какое-то землетрясеніе дѣйствительно,—самое ничтожное событіе, не заслуживающее никакого вниманія...

5/18 января.

Консулъ уже раздумалъ имѣть какія-либо сношенія по нашему дѣлу съ бургомистромъ, а рѣшилъ поговорить по этому поводу съ Bezirkshauptmannschaft, куда, по частнымъ слухамъ, передано наше прошеніе. Не сомнѣваюсь, что въ этомъ учрежденіи онъ ровно ничего не добьется, но я цѣню его обѣщаніе препроводить послѣ этого копію прошенія съ полученнымъ имъ отвѣтомъ испанскому послу въ Вѣну. По справедливости посолъ долженъ войти въ сношеніе съ министерствомъ и указать, что виновникомъ нашего несчастія является бургомистръ, задержавшій насъ здѣсь своимъ успокоительнымъ объявленіемъ, каковой фактъ возлагаетъ нѣкоторымъ образомъ отвѣтственность и на центральныя власти. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ....

По газетнымъ извѣстіямъ на финско-шведской границѣ уже идутъ приготовленія къ пріѣзду изъ Германіи русскихъ военно-плѣнныхъ, негодныхъ къ военной службѣ. Намъ и здѣсь не везетъ. Чего, кажется, можетъ быть легче какъ отправить ходатайство отъ имени нашихъ коллегъ католиковъ къ Римскому Папѣ съ просьбою не забыть при этомъ дѣлѣ и насъ. Но къ несчастью всѣ католики нашей колоніи либо чиновники, которымъ вовсе ужъ не такъ страшно получать жалованье и проводить время безъ дѣла въ Карлсбадѣ на концертахъ въ кургаузѣ, либо помѣщики западнаго края и Польши, коимъ здѣсь гораздо спокойнѣе жить, чѣмъ дома, и они сами ничего предпринимать не хотятъ.

6/19 января.

Вновь установилась зима, — мягкая, не русская, но все же настоящая зима, требующая теплой

одежды на улицѣ и теплой печки дома. Я даже соблазнился послѣ обѣда наступившею перемѣною погоды и отправился на часокъ въ одиночествѣ погулять. Проходя по Alte Wiese мимо книжнаго магазина Штарка, я зашелъ купить вчерашнюю вечернюю „Фоссову Газету". Тамъ за меня ухватились, прося помочь какому-то старичку, стоявшему тутъ же надъ географическимъ атласомъ, отыскать на картѣ Сибири городъ Семипалатинскъ, что нетрудно было исполнить. У старика, оказывается, тамъ находится сынъ въ плѣну. Вообще здѣсь теперь сибирскіе города: Томскъ, Омскъ, Красноярскъ, Петропавловскъ и даже Павлодаръ очень популярны. Въ ушахъ австрійцевъ эти страшныя для нихъ названія звучатъ по вельзевульски, но многіе уже стали получать оттуда письма отъ своихъ и начинаютъ убѣждаться, что и тамъ живутъ люди и жизнь тамъ вовсе не такъ ужасна, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ сырыхъ и мокрыхъ окопахъ. Но вотъ что мнѣ даже завидно, — всѣ здѣшніе обыватели, имѣющіе родственниковъ и друзей военно-плѣнныхъ въ отдаленнѣйшихъ углахъ Сибири и Туркестана, преисправно съ ними корреспондируютъ, а мнѣ, частному лицу, никакого участія въ войнѣ не принимавшему, невозможно сноситься даже съ Петербургомъ и Харьковомъ...

7/20 января.

Вновь стали носиться въ воздухѣ зловѣщіе слухи относительно Румыніи, и это подтверждаетъ находящійся здѣсь румынъ, а Карлсбадцы, для коихъ человѣкъ есть прежде всего кургастъ, объясняютъ этими слухами отсутствіе здѣсь въ это время года кургастовъ изъ Румыніи, которые обыкновенно пріѣзжаютъ сюда лѣчиться въ январѣ — февралѣ.

Если это дѣйствительно такъ, то даже когда насъ отпустятъ, — мы лишимся послѣдняго сноснаго пути для обратнаго проѣзда домой. Впрочемъ, пусть раньше дадутъ возможность уѣхать, а тамъ ужъ посмотримъ, какимъ путемъ.

Сегодня Я—ко былъ имянинникомъ и только благодаря этому событію удалось его впервые потащить въ курзалъ на концертъ, такъ какъ ему очень хотѣлось насъ сегодня угостить виномъ. Ему всетаки не удалось совершить это тамъ, такъ какъ вблизи насъ за другимъ столомъ, возсѣдали другіе наши земляки, съ которыми пришлось бы соединиться и вышла бы безтактная, какъ намъ казалось, демонстрація передъ „туземцами". Мы потому перекочевали къ Штейнеру, и я очень радъ былъ тамъ случаю познакомиться съ д-ромъ Цольшаномъ, книгу котораго „Расовая Проблема" я съ большимъ интересомъ прочелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ очень интересный и образованный человѣкъ и завѣдываетъ здѣсь въ главномъ лазаретѣ рентгеновскимъ кабинетомъ, которымъ пользовались Я—ко и М—нъ.

Сегодня здѣсь впервые былъ настоящій русскій зимній день. Утромъ температура доходила до 11 градусовъ по Реомюру. Это для Карлсбада рѣдкое событіе. Я удивляюсь, какъ они, при всемъ этомъ, такъ легко переносятъ холодъ въ своихъ куцыхъ шубенкахъ-пиджакахъ, или легкихъ пальто.

8/21 января.

Только что мнѣ принесли въ *заказномъ конвертѣ*, отправленномъ на мое имя изъ Вѣны, безъ указанія отъ кого, депешу изъ Букареста, адресованную мнѣ и Я—ко, достойную занесенія цѣликомъ въ мой дневникъ:

„D'aprés renseignement appris dans Ministere affaires etrangeres pourparles concernants consuls autrichiens continuent. Stop. Russie en tous cas n'est pas cause du retard de la question car autorités autrichiennes employent tous les moyens pour retarder la resolution. Association des representants de l'industrie et du commerce de la Russie".

Почему депеша попала въ Вѣну — я не знаю. Конвертъ былъ въ обычномъ порядкѣ вскрытъ на здѣшней почтѣ и содержаніе прочитано кѣмъ слѣдуетъ, о чемъ имѣется отмѣтка на конвертѣ. Телеграмма — изъ Петербурга отъ 2 января. Думаю, что содержаніе депеши дошло до кого слѣдуетъ и ею заинтересовались... но отъ этихъ взаимныхъ обвиненій, намъ, вѣроятно, будетъ не лучше, а пожалуй еще хуже.—Въ свою очередь г. Юнгъ сегодня отправилъ испанскому посланнику въ Вѣну копію нашего прошенія Городскому Совѣту Карлсбада съ сообщеніемъ, какъ къ этому отнеслось здѣшнее начальство. Что именно онъ по сему поводу узналъ отъ здѣшнихъ властей — я отъ него добиться не могъ. Между прочимъ онъ мнѣ показалъ сегодня свое письмо послу по поводу задержанной въ Маріенбадѣ жены Одесскаго Городского Головы г-жи Пеликанъ, которая хлопочетъ, чтобы ей, какъ больной сердцемъ, разрѣшили по крайней мѣрѣ уѣхать на Югъ Австріи. Консулъ очень сердечно относится къ участи этой больной женщины и сильно о ней хлопочетъ.

9/22 января.

Не безъ удовольствія могу отмѣтить въ своемъ дневникѣ сегодняшній день, какъ удачный въ почтово-телеграфномъ отношеніи. Помимо вчерашней депеши отъ Совѣта Съѣздовъ, вѣрнѣе сказать отъ

Н. С. Авдакова, я получилъ сегодня большую депешу отъ г. Г—ца изъ Копенгагена, что у брата въ Маріуполѣ все въ порядкѣ, всѣ здоровы, и дочь ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ будетъ жить въ моей квартирѣ, въ которой тоже все обстоитъ благополучно подъ наблюденіемъ Р—ча и Ш—на. Отъ сестры же я получилъ письмо и сообщеніе отъ ея мужа, что интересующій меня вопросъ разрѣшится въ мою пользу. Какъ курьезъ и иллюстрацію нашихъ почтовыхъ условій я долженъ отмѣтить полученіе сегодня же двухъ открытыхъ писемъ: отъ 8 сент. изъ Генуи на русскомъ языкѣ отъ Ц—на о томъ, что онъ и жена проѣхали отсюда въ Италію безъ малѣйшихъ затрудненій на австро-итальянской границѣ и отъ 10 сентября изъ Гамбурга отъ М—на на нѣмецкомъ языкѣ о здоровьѣ нашихъ. Эти письма, такимъ образомъ, валялись гдѣ-то более 4-хъ мѣсяцевъ въ цензурѣ.

Въ колоніи новая злоба дня, дѣйствующая угнетающе на всѣхъ насъ и, конечно, прежде всего, на наиболѣе впечатлительнаго Я—ко: въ „Karls. Tageblatt", издаваемомъ тѣмъ же г. Феллеромъ, который на словахъ былъ съ нами такъ любезенъ и высказалъ намъ сочувствіе, уже второй день печатаются противъ насъ замѣтки отъ имени редакціи возмутительно провокаціоннаго характера. Въ этихъ замѣткахъ передается, что въ то время, когда въ Россіи за разговоръ по-нѣмецки штрафуютъ, будто бы, на 3000 р., мы здѣсь позволяемъ себѣ говорить на улицѣ по-русски, осмѣиваемъ раненыхъ солдатъ и вообще ведемъ себя вызывающе. Особенно безсмысленно лживо обвиненіе въ осмѣиваніи раненыхъ, способное вызвать раздраженіе простого народа, который вѣритъ всему, что читаетъ, а читаютъ вѣдь здѣсь всѣ. Высказывается опасеніе, что это есть злая инспирація, имѣющее цѣлью под-

готовить почву для предстоящихъ новыхъ репрессій, какъ это уже одинъ разъ имѣло мѣсто, и это опасеніе имѣетъ особое основаніе, такъ какъ обвиненіе въ употребленіи русскаго языка совершенно несостоятельно: здѣсь теперь такая масса поляковъ, руссинъ и другихъ славянъ, что врядъ ли нѣмецъ можетъ разбираться въ томъ, на какомъ именно языкѣ происходитъ уличный разговоръ.

10/23 января.

Ясно замѣчаемъ, что послѣ газетной травли наши здѣшніе знакомые стали еще болѣе прежняго насъ чуждаться. Даже врачи у Штейнера, и прежде подходившіе къ намъ не безъ опаски, теперь совсѣмъ избѣгаютъ насъ. Д-ръ В—линъ, лечащій Я—ко и посовѣтовавшій ему поѣхать къ спеціалисту по носовымъ болѣзнямъ въ Нейдекъ, въ то же время отказался дать ему записку въ Bezirkshauptmannschaft на предметъ полученія разрѣшенія на поѣздку, а д-ръ Р—окъ, всегда громко кричащій намъ на улицѣ и въ кафе по-русски „Мое почтеніе“, уже пересталъ совсѣмъ кланяться. Даже наиболѣе храбрый изъ нихъ, д-ръ Ф—къ, поднеся мнѣ сегодня газету, чтобы показать интересную, по его мнѣнію, для меня замѣтку, вопреки обыкновенію, быстро всунулъ мнѣ газету въ руки и, сказавъ два слова, поспѣшилъ ретироваться. Словомъ, мы находимся въ положеніи какихъ то зачумленныхъ... Положеніе не изъ пріятныхъ.

Депеша Совѣта Съѣздовъ, побывавшая въ Вѣнѣ еще ранѣе, чѣмъ попала ко мнѣ, возымѣла нѣкоторое дѣйствіе. Въ офиціальной Fremdenblatt напечатано правительственное сообщеніе относительно задержки въ Россіи австрійскихъ чиновниковъ и принятыхъ Австріею мѣръ возмездія, при чемъ за-

является, что со стороны русскаго правительства замѣчается тенденція къ затягиванію вопроса объ обмѣнѣ, по которому еще въ октябрѣ состоялось соглашеніе. Оканчивается сообщеніе тѣмъ, что австрійское правительство принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ возвращенію на родину своихъ чиновниковъ, для каковой цѣли оно готово, въ случаѣ неисполненія сего со стороны Россіи, отвѣтить еще большими репрессіями противъ русскихъ заложниковъ. Это сообщеніе внушаетъ намъ мало пріятныхъ надеждъ...

11/24 января.

Перепечатанная во вчерашнемъ Prag. Tageblatt замѣтка изъ Fremdenblatt относительно насъ появилась уже (во вчерашнемъ номерѣ Neue Fr. Presse подъ видомъ правительственнаго сообщенія съ особымъ добавленіемъ отъ редакціи, которая, касаясь репрессій, утверждаетъ, что таковыя, молъ, въ видѣ отвѣта, допускаются и международнымъ правомъ. У многихъ изъ насъ сегодня настроеніе, такъ сказать, тюремное, т. е. ожиданіе, что скоро повлекутъ насъ въ тюрьму. Это оправдывается еще тѣмъ, что въ газетахъ появилось описаніе страданій австрійскаго консула въ Одессѣ Паумгартена и рядъ статей о томъ, что австрійскихъ плѣнныхъ заставляютъ въ Сибири исполнять непосильныя работы. Нѣкоторые же, наоборотъ, рады, что нами вообще стали заниматься, и думаютъ, что это скорѣе приведетъ къ освобожденію. Мое же мнѣніе такое, что разъ дѣлу данъ такой энергичный толчокъ, то возможенъ двойной выходъ: или скоро насъ отпустятъ, если будутъ выпущены изъ Россіи консулы, или же угроза репрессаліями будетъ осуществлена. Скорѣе возможно послѣднее.

Г. Феллеръ прислалъ К—скому корректурный листъ своей газеты, изъ котораго видно, что нашъ меморандумъ на имя Городского Совѣта имъ былъ набранъ для помѣщенія въ газетѣ, но по требованію цензуры пришлось исключить предъ самымъ выходомъ номера. О поднятой же въ его газетѣ травлѣ противъ насъ г. Феллеръ ни словомъ не упоминаетъ...

12/25 января.

О готовящихся для насъ скорпіонахъ мы писали чрезъ Букарестъ Авдакову и, за подписью К—скаго, Я—ко и моею, телеграфировали, чрезъ испанское посольство въ Вѣнѣ, Н. Ф. фонъ-Д—ру. Этимъ же путемъ мы ему отправили подлинное правительственное сообщеніе въ видѣ вырѣзки изъ N. Fr. Presse, гдѣ напечатанъ также разсказъ жены австрійскаго консула въ Одессѣ г-жи Паумгартенъ о переживаніяхъ персонала консульства. Не знаемъ только дойдетъ ли все до него.

Утромъ я зашелъ въ консульство узнать нѣтъ ли тамъ чего-нибудь новаго и засталъ г-на Юнга какъ разъ говорящимъ по телефону съ Вѣною, по вызову американскаго посольства. Онъ говорилъ долго и вернулся въ свой кабинетъ ко мнѣ весьма разстроеннымъ. По его словамъ ему изъ посольства только что сообщили, что они, американцы, совершили объѣздъ всѣхъ пунктовъ, гдѣ находятся германскіе и австрійскіе плѣнные . . . .
. . . .
. . . . . На мой вопросъ относительно насъ онъ тоже отвѣтилъ, что теперь можно ожидать всего... Мнѣ ничего не оставалось, какъ предупредить нашихъ о томъ, что насъ ожидаетъ. Нѣкоторые, вообще скептически настроенные, ожидаютъ съ ми-

нуты на минуту приглашенія въ тюрьму, а другіе, веселые оптимисты, увѣрены, что они скоро будутъ дома, или будутъ попрежнему гулять по стонамъ Карлсбада. Къ послѣднимъ принадлежитъ и М. М. Я допускаю, что его лично, можетъ быть, репрессіи дѣйствительно не коснутся, изъ уваженія къ его міровому имени, но другіе, простые смертные, должны быть на все готовы.

13/26 января.

Желая все-таки добиться, получилъ ли Карлоти мою депешу, отправленную ему чрезъ Букарестъ 12 сентября, я 31 декабря заявилъ претензію въ Прагу, въ телеграфную дирекцію, о недоставленіи телеграммы. Сегодня я былъ вызванъ къ начальнику почтово-телеграфной конторы, объявившему мнѣ, что за указанное мною въ заявленіи число 12 августа,—ничего подобнаго не нашли. Просмотрѣли депеши за весь мѣсяцъ и все-таки не нашли. Вернувшись домой я открылъ, что ошибка моя: дѣло было не 12 августа, а 12 сентября. Я въ полномъ смущеніи вернулся на почту извиниться за мою ошибку и вмѣсто недовольства за мою небрежность, я былъ пораженъ встрѣтить такое вѣжливое отношеніе, даже любезное, противоположное тому, чего я могъ ожидать даже въ самое нормальное время и не только во вражеской странѣ. Мнѣ весьма пріятно отмѣтить это въ своемъ дневникѣ. Въ такое время и въ такомъ положеніи, которое намъ приходиться переживать, такіе факты дѣйствуютъ ободряюще.

Наконецъ я сегодня впервые получилъ настоящее дѣловое письмо изъ Россіи—отъ . . . Банка. Письмо отправлено изъ Петербурга чрезъ Швецію. Банкъ подтверждаетъ офиціально полученіе моего

письма къ нему, взятое г-номъ Симономъ въ Букарестъ. Изъ письма видно, что нѣкоторыя мои опасенія оказались неосновательными. Главное,— хорошо то, что дѣловыя сношенія кое-какъ все-таки возможны. Это на меня пріятно подѣйствовало и послужило маленькимъ утѣшеніемъ въ переживаемой въ послѣдніе дни тревогѣ, подъ вліяніемъ которой мы всѣ теперь пришиблены.

Только что получилъ сегодняшній „Berliner Tageblatt“, въ которомъ опубликовано о введеніи въ Германіи казенной хлѣбной монополіи. Я вспомнилъ при этомъ внесенный въ третью Думу, незадолго предъ ея роспускомъ, за подписью нѣсколькихъ десятковъ членовъ, по инициативѣ самарскаго Челышева, законопроектъ о введеніи хлѣбной монополіи казны въ Россіи и какъ смѣялись въ печати и въ Совѣтѣ Съѣздовъ надъ этимъ глупымъ проектомъ, который даже не дошелъ до обсужденія въ думскихъ комиссіяхъ. Думаю, что въ Россіи теперь, пожалуй, найдутся такіе, которые, узнавъ о германскомъ законѣ, скажутъ: а вотъ видите, если это въ Германіи возможно, то почему намъ нельзя. Врядъ-ли, однакожъ, этотъ примѣръ можетъ кого-либо переубѣдить. Условія настолько различны, что никакого сравненія здѣсь сдѣлать нельзя. Германія въ настоящее время никакой внѣшней хлѣбной торговли не имѣетъ и все дѣло у нея сводится къ тому, чтобы законодательными мѣрами, и то лишь временно, подъ вліяніемъ крайней нужды, регулировать между потребителями тѣ хлѣбные запасы, которые имѣются въ странѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при ея усовершенствованномъ административномъ механизмѣ оно это проведетъ въ жизнь болѣе или менѣе удовлетворительно. Не то въ Россіи, при ея колоссальныхъ пространствахъ,

сложности и разнообразіи производства хлѣба въ различныхъ частяхъ Имперіи и еще болѣе сложномъ хлѣботорговомъ аппаратѣ. И въ Германіи въ мирное время никому не приходила бы въ голову такая мысль.

14/27 января.

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, бѣднякъ, у котораго даже шляпа порвана, явился въ прошлую пятницу въ полицію на регистрацію въ 10¼ час. вмѣсто 9, что до сихъ поръ обычно практиковалось многими, являвшимся даже въ двѣнадцатомъ часу. За это опозданіе ему предложили внести 10 кронъ штрафа или сутки отсидѣть. Не имѣя денегъ, бѣднякъ предпочелъ отсидку. Его же объясненіе, что живя далеко, въ Фишернѣ, онъ опоздалъ не по своей винѣ, не возымѣло послѣдствій. Сегодня я его видѣлъ, и онъ разсказалъ намъ объ условіяхъ своего заключенія. Отсидѣть ему пришлось въ тюрьмѣ, въ особой комнатѣ, гдѣ стояла кровать безъ постели и безъ клозета. Ему поставили въ комнату парашку и на ночь не дали свѣта, даже за предложенныя имъ деньги. Пищу онъ долженъ былъ взять съ собою, а дали только воду для питья. Онъ несчастный не ложился спать, а буквально „просидѣлъ“ цѣлыя сутки со своею парашкою. Этотъ фактъ и нѣкоторые другіе намъ явно доказываютъ, что отношенія къ намъ все болѣе и болѣе ухудшаются.

М. М. получилъ сегодня какое-то письмо по адресу своей хозяйки, и хотя она австріячка и видная въ городѣ особа, тѣмъ не менѣе не постѣснялись вскрыть гдѣ-то письмо и доставить его открытымъ. Этого тоже прежде не бывало. Относительно писемъ, впрочемъ, мнѣ сегодня жало-

вался г. Симонъ, что, будучи нейтральнымъ румыномъ, онъ отправилъ въ Букарестъ со времени пріѣзда сюда много писемъ и телеграммъ и тамъ, какъ онъ видитъ изъ полученныхъ имъ депешъ, до сихъ поръ еще ничего отъ него не получили. Ему даже пришлось вызвать по этому поводу своего посланника по телефону изъ Вѣны и попросить его содѣйствія.

15/28 января.

Чтобы хоть немного облегчить свой мозгъ отъ тяжести давящихъ на него свинцовыхъ думъ, я сталъ читать взятый у К—скаго послѣдній романъ Поля Бурже „Le démon du Midi“, появившийся лишь въ прошломъ году. Я въ прежнее время, когда увлекался еще беллетристикою, былъ большимъ поклонникомъ этого романиста и прочитывалъ все, что выходило изъ-подъ его пера. Я пока еще не добрался до конца первой главы и долженъ былъ въ раздумьѣ прервать чтеніе на томъ мѣстѣ, гдѣ аббатъ Лартикъ, восхваляя своему другу достоинства рекомендуемаго имъ кандидата въ депутаты, Савиньяна, экзальтированно разсказывалъ геройскій поступокъ послѣдняго, какъ онъ когда то, съ опасностью для жизни, спасъ ребенка изъ горѣвшаго дома. Событіе описывается живо и картинно, въ тонѣ этого талантливаго романиста: весь ужасъ пожара налицо,—огненная стихія бушуетъ какъ разсвирѣпѣвшее море, охватывая домъ за домомъ, отчаянная борьба другой стихіи—воды, съ огнемъ, усилія пожарныхъ и растерянность городской толпы, удерживаемой чинами пожарной команды подальше отъ опасныхъ мѣстъ, и крики ужаса прибѣжавшей бѣдной вдовы, оставившей въ своей запертой квартиркѣ,

въ одномъ изъ горящихъ домовъ, своего спящаго ребенка. Вдругъ, среди криковъ обезумѣвшей отъ отчаянія женщины, рвущейся изъ рукъ пожарныхъ, не дающихъ ей приблизиться къ дому, гдѣ ее ожидаетъ вѣрная гибель, изъ толпы выбѣгаетъ молодой Савиньянъ, вырываетъ изъ рукъ несчастной матери квартирный ключъ, вбѣгаетъ внутрь дома и, рискуя собственною жизнью, спасаетъ жизнь 5-лѣтнему ребенку. Собесѣдникъ аббата восхищенъ этимъ поступкомъ и предлагаетъ напечатать о немъ въ газетахъ, будучи увѣренъ, что одного этого эпизода достаточно, чтобы обезпечить Савиньяну избраніе въ палату депутатовъ. Я не дочиталъ главы до конца и задумался надъ вопросомъ: какъ надлежало бы поступить всякому и, прежде всего мнѣ самому, если бы это самое событіе случилось вотъ здѣсь сегодня, на моихъ глазахъ. Казалось бы, съ одной стороны, что и я долженъ былъ бы поступить такъ, какъ поступилъ герой романа, тѣмъ болѣе, что я уже отжилъ болѣе полувѣка и если даже мнѣ суждено прожить еще сколько-нибудь, то это настолько мало по сравненію съ цѣлою жизнью, предстоящею 5-лѣтнему ребенку, что не можетъ быть спора о томъ, какая изъ этихъ двухъ жизней представляетъ бо́льшую цѣнность. Съ другой стороны, у меня возникли другіе вопросы, а именно: какъ поступилъ бы тотъ самый герой Бурже въ подобномъ же случаѣ не годъ или двадцать лѣтъ тому назадъ, а сегодня, а если онъ и нынѣ рискнулъ бы своею жизнью для спасенія ребенка, то имѣлъ бы этотъ поступокъ подъ собою основаніе при нынѣшнихъ условіяхъ нашего существованія, когда милліоны взрослыхъ молодыхъ людей погибаютъ какъ мухи. По подсчету „Американскаго Герольда“, который я на-дняхъ читалъ у консула, до декабря уже на-

считывается до трехъ милліоновъ убитыхъ и раненыхъ, а теперь, можетъ быть, уже будетъ четыре мил., въ томъ числѣ десятки тысячъ утонувшихъ и замерзшихъ. Какое значеніе можетъ имѣть нынѣ въ глазахъ той же толпы, которая когда то (эти столь отдаленныя времена могли быть полгода тому назадъ) восхищалась геройскимъ поступкомъ Савиньяна и готовой за это избрать его въ депутаты,— жизнь какого то ребенка, когда здѣсь погибаютъ при самыхъ страшныхъ условіяхъ милліоны и та же толпа относится къ этому съ полнымъ равнодушіемъ, если эти жертвы свои, и даже съ удовольствіемъ,—если это касается чужихъ. . . . .

. . . .

16/29 января.

Только что, въ 9 ч. вечера, мы съ Я—ко вернулись изъ Нейдека, куда ѣздили, съ особаго разрѣшенія полиціи, къ живущему тамъ пользующемуся большою извѣстностью въ Карлсбадѣ спеціалисту по носовымъ болѣзнямъ д-ру Гниличкѣ. У Я—ко въ носу скверный полипъ, а я, страдая вѣчными насморками и частыми кровотеченіями, давно уже, еще въ Россіи, собирался обратиться къ врачу съ просьбою обслѣдовать мое носовое хозяйство. Я—ко и М—нъ уже лѣчатся давно, а теперь и я за компанію тоже поѣхалъ и доволенъ, что такъ поступилъ. Онъ нашелъ у меня катарръ, который приходится выжигать въ нѣсколько пріемовъ электрическимъ аппаратомъ. Первое выжиганіе сдѣлано сегодня, почти безъ боли, а слѣдующее будетъ

чрезъ двѣ недѣли. Имѣя три часа времени до обратнаго поѣзда, мы осмотрѣли городокъ и выпили чаю въ мѣстномъ лучшемъ кафе при Hôtel Post. Городокъ имѣетъ 6000 жителей и лежитъ у подножія знаменитой Рудной Горы, недалеко отъ Саксонской границы. Онъ очень живописенъ съ добродушнымъ и привѣтливымъ населеніемъ, почти сплошь нѣмецкимъ. Католицизмъ рѣзко бросается въ глаза. На каждой улицѣ статуя какого-нибудь католическаго святого. Даже въ кафе, когда мы потребовали чего-нибудь для чтенія, намъ подали журналъ „Die Stadt Gottes"—органъ нѣмецкихъ католиковъ. Городокъ имѣетъ свою собственную еженедѣльную газету и особое мѣстное окружное управленіе, издающее свой офиціальный печатный органъ. Въ другое время стоило остаться тамъ хоть на сутки пожить, но не по нынѣшнимъ временамъ, когда только стараешься лишь объ одномъ: какъ бы тебя поменьше замѣчали...

17/30 января.

Придя послѣ обѣда домой, я засталъ нѣсколько писемъ. Испанское посольство сообщаетъ, что депеша и письмо Н. Ф. фонъ-Д—ру отправлены, а г. Х—нъ изъ Стокгольма увѣдомляетъ, что онъ передалъ Л. Г. Р — чу содержаніе моего письма и навелъ въ австрійскомъ посольствѣ справки о консулахъ, на что получилъ отвѣтъ, что нѣкоторые изъ нихъ уже вернулись, а о другихъ ничего неизвѣстно; частнымъ же образомъ ему сообщили, что дѣло скоро будетъ улажено и остающіеся еще въ Россіи консулы будутъ отпущены. Въ pendant къ этому сегодня имѣется сообщеніе въ газетахъ, что на этихъ дняхъ возвратились изъ Россіи въ Берлинъ нѣкоторые германскіе консулы. Съ другой стороны

въ Neue Fr. Presse напечатана депеша по этому поводу далеко не успокоительнаго характера. Я лично болѣе склоненъ вѣрить послѣднему, зная по горькому опыту, что означаютъ всѣ эти отвѣты относительно „скорыхъ“ переговоровъ и результатовъ. У большинства изъ насъ давно сложилось убѣжденіе, что, пока не получимъ на руки своихъ паспортовъ, никакой увѣренности въ отъѣздѣ не можетъ быть. Имѣется также письмо отъ сестры, въ которомъ нахожу одну фразу, не выходящую у меня изъ головы. Она, между прочимъ, пишетъ, что мужъ въ письмѣ изъ Россіи выражаетъ свою радость по поводу того, что они теперь находятся въ Гамбургѣ. Это доказываетъ, что тамъ, куда рвется твоя душа, теперь скверно, а что это означаетъ,—мы уже хорошо понимаемъ, вѣрнѣе чувствуемъ...

Отрадно было читать письмо младшей дѣвочки. Видно, что она уже далеко не ребенокъ, какъ я привыкъ ее себѣ представлять. Она съ интересомъ ходитъ слушать доклады какого то пастора, котораго она называетъ „знаменитымъ монистомъ и этикомъ“ по вопросамъ этической культуры и теперь изучаетъ исторію этики, рѣшая задачи практической морали изъ повседневной жизни. Вотъ какъ далеко дѣло уже дошло. Неожиданнымъ отличіемъ всѣхъ сегодняшнихъ моихъ писемъ отъ прежнихъ является то, что таковыя довольно скоро получены—всѣ онѣ отъ 25—27 числа. Не знаю,—приписать ли это какой либо случайности или началась въ этомъ отношеніи новая, лучшая эра...

18/31 января.

Сегодня намъ передали по поводу одного изъ нашихъ, что онъ начинаетъ проявлять признаки

психическаго разстройства. Я къ этому отношусь скептически,—по моему это только, можетъ быть, не болѣе какъ нѣкоторое обостреніе, подъ вліяніемъ переживаемаго ужаснаго душевнаго состоянія, его обычной странности, но при этомъ не удивлюсь, если съ кѣмъ нибудь изъ насъ это дѣйствительно случится. Необычная раздражительность развилась, можно сказать, у всѣхъ членовъ колоніи, за исключеніемъ двухъ-трехъ, которые безучастно относятся ко всему, такъ какъ они себя хорошо чувствуютъ вездѣ, гдѣ бы ни находились, матеріально обезпечены и вполнѣ независимы. Но такихъ счастливыхъ натуръ очень мало. Взять, хотя бы, Н—ка. Онъ, во-первыхъ, здѣсь сидитъ съ женою и дѣтьми, средства имѣетъ большія и его фабричное дѣло, которое у него дома, ведется аккуратно его роднымъ братомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ ходитъ какъ въ воду опущенный, тоскуетъ и съ каждымъ днемъ становится раздражительнѣе. Есть, значитъ, чувство родины, не поддающееся уничтоженію у нормальныхъ людей. Но больше всего я опасаюсь за своего Я—ко. Онъ очень недалекъ отъ ипохондріи и, если останется здѣсь еще нѣсколько мѣсяцевъ, трудно ручаться за его будущее. Уже посторонніе стали обращать вниманіе на его походку, какъ онъ себя странно ведетъ на улицѣ и въ публичныхъ мѣстахъ. Да и мѣстныя власти, кажется, относятся къ нему съ сожалѣніемъ, за исключеніемъ одного негодяя, которому это чувство недоступно.

19 января—1 февраля.

Въ кафе Вестъ-Эндъ я сегодня утромъ начитался въ имѣющихся тамъ вѣнскихъ и пражскихъ газетахъ такихъ вещей, что надо имѣть желѣзные нервы

и каменное сердце, чтобы относиться ко всему этому безучастно. Это — юдоль плача и бездонное море горя и страданій, созданныя не слѣпой случайностью, а руками людей, вѣрнѣе жестокихъ звѣрей, одаренныхъ къ несчастью людскими способностями и человѣческимъ разумомъ. Если исторія нѣкоторыхъ народовъ всегда представляла собою безконечный длинный мартирологъ и ужасный перечень страданій, то за послѣднее время—страницы этой исторіи увеличились въ своемъ объемѣ на цѣлыя столѣтія. Окончивъ это страшное чтеніе, я думалъ, что на недѣлю лишусь способности ѣсть, спать и по человѣчески мыслить, но къ стыду своему достаточно было пройтись полчаса на свѣжемъ воздухѣ и набраться впечатлѣній городской жизни, чтобы потомъ отправиться по обыкновенію обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ до чего условія современности притупили и сердце и нервы. Какъ то на-дняхъ К—скій разсказалъ намъ, что когда въ комиссіи 1-й Государственной Думы одинъ извѣстный депутатъ полтора часа говорилъ свою рѣчь, онъ просилъ его больше такихъ рѣчей не говорить, и на мой вопросъ почему, онъ отвѣтилъ: „Нервы не выдержали". Вспоминая теперь объ этомъ, я не могу понять настоящаго смысла этихъ словъ: неужели слѣдуетъ заботиться о своихъ нервахъ, когда въ законодательномъ учрежденіи обсуждается вопросъ объ устраненіи причинъ, вызывающихъ эти самые факты, столь вліяющіе на нервы? М. М. вѣроятно думаетъ, что тамъ, въ той атмосферѣ законности и гуманизма, это было излишне, такъ какъ для всей той аудиторіи и такъ было ясно все то, къ чему стремился ораторъ. Но все-таки правъ не К—скій, а депутатъ, такъ какъ недостаточно было, чтобы слушатели поняли, но еще надо, чтобы они именно почувствовали. Но

какъ мы нынѣ, однакожъ, далеки отъ того времени, когда нервы порядочныхъ людей не выдерживали такихъ рѣчей. Нынѣ наши нервы выдерживаютъ не только рѣчи, но и самые свѣжіе факты почище этихъ, имѣющіе мѣсто изо дня въ день... Да, прогрессируемъ!

Со словъ Ш—ва, К—скій сегодня принесъ намъ новость. Г-жа Ш—ва передала мужу по телефону изъ Вѣны, что обмѣнъ уже состоялся. Выпущено, якобы, 15 человѣкъ по указанію русскаго правительства и въ число этихъ счастливыхъ никто изъ насъ не попалъ. Думаемъ, что это вздоръ, такъ какъ оно противорѣчитъ всему тому, что намъ извѣстно стало изъ разныхъ источниковъ. Я все-таки напишу объ этомъ г. Рауху.

Сегодня я получилъ письмо отъ 24 января изъ Бергена отъ Ш—на, ѣдущаго чрезъ Норвегію — Англію къ своей семьѣ въ Версаль. Онъ сообщаетъ мнѣ нѣкоторыя краткія дѣловыя свѣдѣнія, но вотъ что интересно: письмо написано по-русски и было всего 7 дней въ пути. Неужели настали мессіанскія времена?

20 января—2 февраля.

Во всѣхъ мѣстныхъ и полученныхъ здѣсь сегодня иногородныхъ газетахъ перепечатана телеграмма „Франкфуртской Газеты" изъ Вѣны о достигнутомъ соглашеніи между русскимъ и австро-венгерскимъ правительствами по вопросу объ обмѣнѣ плѣнными гражданскаго состоянія. Это извѣстіе, разумѣется, служитъ предметомъ всевозможныхъ толковъ и комментарій всего нашего муравейника, дѣйствуя различно на психику каждаго, соотвѣтственно его субъективнымъ наклонностямъ. Сужденія высказываются самаго противоположнаго ха-

рактера. Иной уже собирается въ путь-дорогу и высказываетъ увѣренность, что чрезъ день-два его отпустятъ на всѣ четыре стороны. Другіе, пессимистически настроенные люди, связывая эти извѣстія съ телефоннымъ сообщеніемъ г-жи Ш—вой изъ Вѣны, утверждаютъ, что ни одинъ изъ Карлсбадцевъ не уѣдетъ, такъ какъ само русское правительство назначило къ обмѣну лишь 15 человѣкъ, по особому, имъ составленному, списку, въ которомъ даже нѣтъ имени К—скаго. Есть и такіе, которые склонны думать, что въ списокъ могли попасть лишь чиновники, коихъ въ одномъ Карлсбадѣ 7—8 человѣкъ, а остальные, недостающіе до сакраментальнаго числа 15, находятся въ другихъ мѣстахъ Австро-Венгріи. Съ своей стороны допускаю возможность этой комбинаціи, имѣющей за собою формальное, съ точки зрѣнія чиновныхъ составителей списка, основаніе: чиновники, молъ, обмѣниваются на чиновниковъ,—это разъ, во-вторыхъ—чиновники получаютъ въ Россіи казенное жалованье и нужны казнѣ для несенія службы. Второй мотивъ, собственно принадлежитъ Я—ко. Я даже допускаю примѣненіе въ этомъ дѣлѣ другихъ началъ, господствующихъ въ Россіи. Не стану, впрочемъ, гадать. Посмотримъ, что по данному дѣлу напишетъ намъ г. Раухъ. Для Я—ко, однакожъ, этого вполнѣ достаточно, чтобы раскиснуть, и онъ ходитъ уже цѣлый день, какъ человѣкъ, приговоренный къ смертной казни. Мы были съ нимъ по благотворительнымъ билетамъ въ кинематографѣ, гуляли и играли у Штейнера въ домино, но все это не помогаетъ — онъ страшно страдаетъ и близокъ къ меланхоліи. Не знаю, чѣмъ его оживить. Его мрачное настроеніе стало рельефно обнаруживаться въ его внѣшности—онъ сильно посѣдѣлъ и осунулся.

21 января—3 февраля.

Сегодня за обѣдомъ у насъ вышла форменная ссора съ М—омъ, за его злую болтовню. Я—ко и я наговорили ему откровенно много рѣзкихъ словъ, а онъ очень слабо отвѣчалъ. Мнѣ показалось, что ему самому стало стыдно за свои слова, и онъ сознадъ свою вину, почему мнѣ даже жаль стало его. Я—ко же очень горячился и нашъ споръ обратилъ на себя вниманіе сосѣдей—русскихъ и нѣмцевъ.

По случаю своихъ именинъ К—скій созвалъ сегодня къ себѣ гостей на чай. Были тѣ же, что на Рождество, за исключеніемъ Б—выхъ. Бесѣдовали съ 4-хъ до 7 ч. за чашкою чаю и рюмкою вина о разныхъ разностяхъ и больше всего о слухахъ послѣдняго времени относительно предстоящаго обмѣна плѣнными гражданскаго состоянія. Я смотрѣлъ все время на это разнородное общество и думалъ: какое это, собственно, прямо таки противоестественное соединеніе людей различнаго общественнаго положенія, образованія, убѣжденій, воспитанія и наклонностей, и какъ М. М. неразборчивъ въ выборѣ знакомыхъ. Дай сегодня этимъ людямъ свободу, отпусти ихъ всѣхъ по домамъ, и не только всякая между ними связь сразу исчезнетъ, но они и кланяться другъ съ другомъ не станутъ. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра: этотъ ядовитый цементъ войны имѣетъ и хорошую сторону — соединяетъ людей, ничего общаго между собою не имѣющихъ...

На обратномъ пути домой отъ К—скихъ мы воспользовались теплымъ и пріятнымъ вечеромъ, чтобы немного погулять. Въ послѣднія ночи я очень плохо сплю—можетъ быть прогулка немного поможетъ мнѣ возстановить правильный сонъ.

22 января—4 февраля.

Вставъ съ постели простуженнымъ съ сильнымъ кашлемъ, я имѣлъ намѣреніе не выходить цѣлый день изъ комнаты, но не выдержалъ характера и отправился въ café Boulevard выпить кофе, повидаться съ Я—ко и почитать газеты. На обратномъ пути домой мы имѣли несчастье встрѣтиться на улицѣ со старухою N... Я—ко безъ церемоній отвернулся и ушелъ дальше, а я попалъ въ капканъ. Она меня держала на тротуарѣ полчаса и подняла такой крикъ да еще по-русски, что многіе изъ проходившихъ смотрѣли на насъ довольно злобно, и дѣло кончилось тѣмъ, что къ намъ подошелъ постовой городовой, собираясь, повидимому, исполнить какой то „долгъ службы“ надъ нами. Лишь тогда она поняла и отпустила меня во свояси. Завидую Я—ко, что онъ умѣетъ отъ нея отвиливать, а мнѣ ее просто жалко. Хотя сознаю, что она сама, какъ вообще люди ея среды, никогда бы не постѣснялась выказать мнѣ самую жестокую грубость, но самъ такъ поступать не могу. Послѣ обѣда у Ганики М. М. разсказалъ намъ нѣкоторыя новости изъ Россіи такого содержанія, что у всѣхъ насъ, за исключеніемъ развѣ NN, вновь всплылъ неоднократно уже всплывавшій вопросъ: не было ли бы еще хуже, еслибъ мы теперь были дома. Я до того разстроился, что уже не пошелъ домой работать, а отправился съ М. М. къ Штейнеру, гдѣ мы до одури играли въ домино. Эта игра, какъ это ни смѣшно, очень теперь популярна въ нашей здѣшней колоніи. Вспоминаешь мудрую русскую пословицу: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось—лишь бы не плакало. А плакать то многимъ теперь есть надъ чѣмъ....

23 января—5 февраля.

За все время моего пребыванія въ Карлсбадѣ сегодняшній день первый, что я и Я—ко другъ съ другомъ не видѣлись. Онъ съ утра поѣхалъ одинъ въ Нейдекъ къ доктору и долженъ вернуться послѣ 8 час. вечера, когда каждый изъ насъ уже арестованъ въ своей квартирѣ. Время между полицейскою явкою и обѣдомъ я провелъ съ М. М., съ которымъ ходилъ по книжнымъ магазинамъ и кофейнямъ или просто гуляли по улицамъ города, такъ какъ день былъ теплый и солнечный. Въ одномъ изъ кафе къ намъ подсѣлъ Ш., и мы бесѣдовали объ извѣстныхъ намъ Петербургскихъ дѣятеляхъ, имена коихъ теперь встрѣчаются иногда въ здѣшнихъ газетахъ. Ш., служитъ въ Государственномъ Банкѣ, и у насъ оказались нѣкоторые общіе знакомые. Съ лицами, о коихъ была рѣчь, я встрѣчался въ Петербургѣ не далѣе прошлой зимы или даже весною и лѣтомъ, между тѣмъ у каждаго изъ насъ создается представленіе какъ будто говоришь о лицахъ и событіяхъ предыдущаго поколѣнія—настолько событія рѣзко отмежевали насъ отъ того, что было лишь какихъ-нибудь семь мѣсяцевъ тому назадъ. Созданію подобнаго чувства отдаленности во времени и пространствѣ содѣйствуетъ еще наша почтово-телеграфная оторванность оттуда и отсутствіе прямыхъ свѣдѣній. Образовались какъ будто бы два міра, отдѣленные одинъ отъ другого цѣлымъ океаномъ: до войны и послѣ. Ш. человѣкъ, кажется, приличныхъ убѣжденій и такого мнѣнія о немъ и К—скій. Между прочимъ онъ намъ разсказалъ, что въ Вѣнѣ русскимъ запрещено появляться на нѣкоторыхъ улицахъ и площадяхъ, но зато тамъ нѣтъ того 12-часового домашняго ареста, которому мы здѣсь всѣ подвергнуты. Отсут-

ствіе Я—ко измѣнило мнѣ весь порядокъ дня: къ Ганикѣ обѣдать я уже не пошелъ, просто съ цѣлью произвести маленькое, хотя бы однодневное, измѣненіе въ надоѣвшемъ режимѣ, а такъ какъ въ разныхъ кофейняхъ я уже наглотался достаточно кофе и молока, то никакого аппетита не было и я такъ и не обѣдалъ вовсе, а обѣденное время употребилъ на прогулку въ нижней части города. Вечеромъ же я вмѣсто Штейнера пошелъ въ Асторію, откуда вернулся домой въ 6 часовъ, т. е. на часъ раньше обыкновеннаго, благо дома работы хоть отбавляй,—надо постепенно очистить накопившіяся книжныя залежи: вдругъ, чего добраго, выпустятъ и придется всѣ эти интересныя вещи оставить здѣсь, не прочитавши.

24 января — 6 февраля.

Я—ко вернулся вчера изъ Нейдека съ окровавленнымъ носомъ и цѣлый день страдаетъ сильнымъ кровотеченіемъ. Завтра онъ опять будетъ возиться съ зубнымъ врачемъ, который уже мѣсяцы мучаетъ его и тянетъ съ него сотни. При всей его меланхоліи и полномъ отсутствіи жизнерадостности у него упорная страсть къ лѣченію, и заботы о своемъ организмѣ и здоровьѣ вѣчно его занимаютъ. Въ противоположность мнѣ ему еще хочется жить и поживать. Этому различію въ нашихъ отношеніяхъ къ данному вопросу, при одинаковомъ возрастѣ, я отнюдь не удивляюсь. Онъ матеріально вполнѣ обезпеченный человѣкъ и, сколько бы еще ни жилъ, не только ему лично не угрожаетъ нужда, но и никому изъ его близкихъ. Любя общественную дѣятельность, онъ имѣетъ полную возможность отдаваться ей всею душою при какихъ бы то ни было условіяхъ. Онъ земскій глас-

ный, почетный мировой судья, членъ промышленныхъ совѣтовъ и т. д. Средства и правовое положеніе позволяютъ ему посвятить этой дѣятельности времени и средствъ сколько онъ желаетъ и использовать во всю ширь свою независимость. Если онъ видитъ вблизи себя зло—онъ имѣетъ возможность, если не всегда полную, то во всякомъ случаѣ частичную, съ нимъ бороться. Естественно, что онъ въ 55 лѣтъ желаетъ еще сколь возможно продолжить свою жизнь и принимаетъ къ этому всѣ доступныя ему средства. Совершенно другое дѣло я...

25 января — 7 февраля.

Достаточно мнѣ было одной порціи „Selbstwehr" утромъ въ Вестъ Эндѣ, чтобы испортить себѣ расположеніе духа на цѣлый день. Прибавилъ еще масла на огонь явившійся предъ обѣдомъ М—скій, который меня раздражаетъ своею крайнею субъективностью, подъ угломъ зрѣнія котораго онъ разсматриваетъ всѣ общественные вопросы, сильно напоминая этою своею чертою Я—ко, котораго, по крайней мѣрѣ, знаю какъ порядочнаго человѣка вообще. М—скій пошелъ еще дальше Я—ко: онъ, какъ мы всѣ, попалъ въ капканъ и отъ этого сильно пострадалъ, но во всякомъ случаѣ не больше моего, и почему то сталъ ко всему примѣнять свое личное дѣло, какъ будто все человѣчество раскололось на двѣ половины: одна состоитъ изъ виновниковъ его несчастья, ихъ единомышленниковъ и всѣхъ, къ нимъ причастныхъ родствомъ или свойствомъ и которымъ, конечно, какъ Іудѣ грѣшному, мѣсто только въ аду кромѣшномъ, а другая—всѣ прочіе люди, которые, по его мнѣнію, являются всѣ безъ исключенія противниками первыхъ и которымъ поэтому мѣсто въ раю.

Не знаю, насколько правильно мое наблюденіе, мнѣ кажется, что безпристрастіе вообще болѣе страдаетъ у людей семейныхъ, чѣмъ у одинокихъ. Этотъ фактъ, если только онъ вѣренъ, имѣетъ подъ собою логическое основаніе. Человѣкъ, имѣющій жену и дѣтей, благомъ коихъ онъ дорожитъ и съ которыми онъ органически связанъ, невольно приноситъ имъ въ жертву большую долю своей объективности. Помимо личныхъ нуждъ, предъ его сердечными склонностями и умственнымъ взоромъ всегда выростаетъ его семья съ ея потребностями, даже несуществующее еще потомство съ его обязанностями по отношенію къ послѣднему и это не можетъ не произвести давленія на его разумъ и совѣсть. Я не говорю о людяхъ завѣдомо дурныхъ, у коихъ ничего кромѣ эгоизма нѣтъ: такіе одинаково скверны всегда и вездѣ при всякомъ положеніи, а имѣю въ виду именно людей порядочныхъ. Я въ этомъ именно вижу всегда даже нѣкоторое оправданіе для семейнаго человѣка, — ему тѣмъ труднѣе отречься отъ своего „я“, чѣмъ больше оно сложнѣе, многоголовѣе. Можетъ быть и у меня, въ ихъ положеніи, выработалось бы другое отношеніе къ окружающимъ явленіямъ. Помню ужасные дни событій 1905 года; какъ различно реагировали на страшныя событія съ одной стороны я, и съ другой стороны святая для меня женщина,—человѣкъ съ золотымъ сердцемъ, принесшая въ жертву свою долгую жизнь своимъ рано осиротѣвшимъ дѣтямъ. Я тогда, конечно, страдалъ за своихъ близкихъ, но не менѣе, чѣмъ за всѣ сотни тысячъ другихъ, и участь послѣднихъ терзала мое сердце не менѣе, чѣмъ участь моихъ, а она больше всего думала о своихъ дѣтяхъ, которыя для нея были дороже, какъ мнѣ казалось, милліоновъ другихъ. Съ точки зрѣнія

общественной пользы, можетъ быть, это имѣетъ очень хорошую сторону, даже необходимую въ общихъ интересахъ человѣчества, такъ какъ этотъ стимулъ, лежащій въ основѣ семейнаго начала и у людей самой низшей культуры, даже у животныхъ, служитъ залогомъ сохраненія жизни нарождающимся поколѣніямъ въ самомъ безпомощномъ ихъ возрастѣ и подготовки ихъ къ самостоятельному существованію, но въ то же время привязываетъ каждаго главу семейства къ своей берлогѣ иногда въ ущербъ всѣмъ прочимъ, ему равнымъ. Тамъ же, гдѣ происходитъ борьба за существованіе, эти священныя обязанности человѣка къ семьѣ уже иногда переходятъ въ грабежъ другихъ семей, ему чужихъ, и какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ, наоборотъ, нѣтъ добра безъ худа. Эта тема, впрочемъ, такая обширная, что ей не мѣсто въ бѣглыхъ замѣткахъ дневника...

26 января—8 февраля.

На нашемъ мрачномъ горизонтѣ сегодня вновь показалось солнце надежды. Убѣдимся ли скоро, по бывшимъ примѣрамъ, что это былъ лишь миражъ или дѣйствительно на этотъ разъ судьба надъ нами уже не насмѣхается — пока сказать трудно. Д-ръ Штрунцъ получилъ письмо, отъ г. Рауха, что, получивъ мое письмо, онъ побывалъ въ испанскомъ посольствѣ, гдѣ ему сообщили, что разсказъ г-жи Ш—вой о состоявшемся уже, будто бы, обмѣнѣ и выпускѣ 15 человѣкъ—чистый вымыселъ, но переговоры уже могутъ въ настоящій моментъ считаться окончательно завершенными, и наканунѣ посѣщенія посольства г-номъ Раухомъ, т. е. 5-го с./м., посолъ отправилъ въ Петербургъ по телеграфу послѣднюю справку по сему дѣлу, которое дня чрезъ

3 приметъ уже реальную форму. Выданы будутъ изъ русскихъ заложниковъ 16 человѣкъ, въ числѣ коихъ нахожусь и я. О Я—кѣ же пока ничего новаго. Я эти обѣщанные 3 дня готовъ увеличить до 30, лишь бы стоять на твердой почвѣ и знать время отъѣзда, но этой увѣренности, къ несчастью, у меня нѣтъ, чему я наученъ горькимъ опытомъ. Мнѣ очень непріятно было передать содержаніе этого письма Я—кѣ, но волею-неволею пришлось это сдѣлать, такъ какъ считалъ себя не вправѣ скрыть отъ него такой фактъ. Я все-таки не допускаю, чтобы, въ случаѣ освобожденія меня, не отпустили также и его. О немъ въ Петербургѣ хлопочутъ не менѣе чѣмъ обо мнѣ. Я сегодня получилъ письмо изъ Петербурга отъ 6/19 января, чрезъ Стокгольмъ, отъ М—на. Къ сожалѣнію, оно слишкомъ кратко и безсодержательно и въ общемъ не содержитъ ничего для меня новаго.

27 января—9 февраля.

Сегодняшній день одинъ изъ рѣдкихъ, когда мнѣ не пришлось работать надъ поддержаніемъ бодрости духа Я—ко, такъ какъ онъ находится подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ радостнаго событія—полученія имъ письма отъ своихъ двухъ сестеръ изъ Москвы, изъ коихъ одна работаетъ теперь тамъ въ качествѣ врача въ больницѣ. Очень хорошая черта у него — сильная любовь къ своимъ сестрамъ, коихъ у него цѣлыхъ 6. Младшихъ онъ же воспиталъ и выдалъ замужъ, кромѣ одной, оставшейся дѣвицей. Своимъ порядкомъ онъ получилъ депешу отъ своей Ростовской сестры чрезъ Браильскую, въ Румыніи, контору Парижской фирмы Гольдштюкъ Гейнце и К⁰, имѣющей отдѣленія и въ Россіи. Пользуясь этимъ, я его также просилъ въ своемъ отвѣтѣ

просить эту фирму сообщить моимъ друзьямъ въ Одессѣ, что надѣюсь скоро вернуться къ своему посту, хотя не знаю, какую цѣну всѣ они тамъ придадутъ моимъ постояннымъ выраженіемъ надежды, что вотъ-вотъ скоро пріѣду.

Все более и болѣе надоѣдаетъ читать газеты, гдѣ пишутъ все одно и то же каждый день. Читать ли сегодняшнюю газету и ноябрьскую—рѣшительно одно и то же. Я когда то удивлялся, какъ это люди могутъ жить безъ газетъ и не знать, что дѣлается на свѣтѣ. Теперь все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что тѣ, кто читаетъ нынѣшнія газеты по цѣлымъ днямъ, тоже ничего не знаютъ и даже составляютъ себѣ понятія о событіяхъ противоположныя тому, что происходитъ въ дѣйствительности.

28 января—10 февраля.

Членъ нашей колоніи N несомнѣнно очень дурной человѣкъ, — гнусъ. Несмотря на это у него есть симпатичная черта—нѣжная любовь къ своей дочкѣ. Съ какою охотою онъ бѣгаетъ по магазинамъ разыскивать для нея игрушекъ каждый разъ, когда узнаетъ, что кто-нибудь уѣзжаетъ въ Варшаву. Такая трогательная черта у подобнаго эгоиста, у котораго запасъ идеализма такъ микроскопиченъ, заставилъ меня нѣсколько разъ задуматься надъ этимъ противорѣчіемъ и задать самому себѣ вопросъ: не есть ли вообще чувство любви къ близкимъ по крови тотъ же эгоизмъ, но нѣсколько расширенный, вышедшій немного за предѣлы своего узкаго „я“. Или, наоборотъ, не есть ли то, что мы называемъ эгоизмомъ — похвальное чувство, достойное уваженія, а не порицанія. Казалось бы, идя дедуктивнымъ путемъ, что тутъ удивительнаго,

что самый тяжкій преступникъ, для котораго никакое преступленіе не страшно, въ то же время нѣжно любитъ своего ребенка. Это у него простое животное чувство, потому что этотъ ребенокъ — его, часть его самого, а не чужой. И тигръ, вѣдь, любитъ своихъ дѣтенышей. Дальнѣйшее же развитіе этого чувства распространяетъ его уже на болѣе отдаленныхъ членовъ семьи, фамиліи, рода и всего его племени. И дѣйствительно, даже дикари, способные убивать другъ друга за каждую бездѣлушку или при первомъ припадкѣ гнѣва, идутъ часто на самые опасные подвиги, когда надо защищать своего отъ чужого. Значитъ, такимъ образомъ, и патріотизмъ, всѣми почитаемый какъ возвышенное и священное чувство, есть ничто иное, какъ отраженіе того же личнаго эгоизма, одно изъ его дальнихъ степеней. Норвежецъ любитъ норвежца предпочтительно предъ представителями другихъ націй только потому, что онъ ему ближе по крови, нѣкоторымъ образомъ родственникъ. Еще дальше— бѣлый человѣкъ считаетъ ближе къ себѣ другого бѣлаго человѣка, чѣмъ представителя черной расы, и наоборотъ. Почему же люди возвели патріотизмъ въ добродѣтель, да еще самой высокой марки? Почему человѣкъ, принесшій свою жизнь въ жертву своимъ личнымъ интересамъ, скажемъ погибшій въ поискахъ золота, не герой, а просто несчастный сорви-голова, а погибшій за свою родину—достойный благоговѣнія герой и праведникъ? Теперь вернемся тѣмъ же путемъ назадъ. Такъ какъ никто не отрицаетъ того, что горячая любовь къ своему народу—одна изъ величайшихъ добродѣтелей, то почему же, подымаясь постепенно вверхъ, и перейдя затѣмъ отъ своихъ дѣтей къ самому себѣ,— не признать, что любовь къ своей особѣ есть тоже прекрасное чувство, а не что-то скверное,

достойное презрѣнія. Мнѣ кажется, что тутъ ничего софистическаго нѣтъ, если мы именно такъ рѣшимъ этотъ вопросъ, что эгоизмъ, т. е. любовь къ собственной персонѣ и заботы о ней, не только не преступное и дурное качество у человѣка, а наоборотъ, даже обязательное, но лишь тогда, когда оно не затемняетъ все чужое, не вредитъ ему, т. е. когда не противорѣчитъ справедливости, безпристрастію и морали, но этотъ принципъ слѣдуетъ уже выдержать и во всѣхъ дальнѣйшихъ степеняхъ родства до самаго широкаго патріотизма включительно. Безъ соблюденія этого условія, все это уже будетъ лишь узкій шовинизмъ, на который способны самые дурные люди и именно они. Мнѣ могутъ поставить вопросъ: если человѣкъ, жертвуя собою для семьи, родного города, своего народа или отечества совершаетъ подвигъ ради тѣхъ, на благо коихъ онъ принесъ себя въ жертву, то не согрѣшилъ ли онъ въ то же время противъ самого себя? На это я бы отвѣтилъ: такъ какъ съ самимъ собою каждый воленъ сдѣлать все, что ему угодно, если только его жизнь не требуется для другихъ, органически съ нимъ связанныхъ и передъ коими онъ несетъ моральныя обязанности, то онъ воленъ жертвовать одн и м ъ лицомъ въ пользу м н о г и х ъ, и подобный поступокъ можетъ вызвать только благоговѣніе къ человѣку, но такія вещи должны совершаться только добровольно и никого нельзя заставить насильно такъ поступить. Приходится все-таки согласиться, что подобные люди не всегда герои, такъ какъ жизнь далеко не всѣмъ людямъ одинаково цѣнна и отъ этого, т. е. отъ степени цѣнности собственной жизни для самого приносящаго себя въ жертву ради общаго блага, зависитъ цѣна самого подвига. Вѣдь тысячи людей добровольно разстаются съ жизнью безъ всякой пользы

для другихъ, а съ единственною цѣлью — прекратить свое существованіе. Какую же жертву, спрашивается, принесъ подобный самоубійца, если онъ, погибая, въ то же время оказалъ пользу другимъ?

29 января — 11 февраля.

Имѣя надобность ѣхать завтра въ Нейдекъ къ д-ру Гниличкѣ, я отправился въ полицію за разрѣшеніемъ на отлучку, но оттуда меня направили въ Bezirkshauptmannschaft. Мнѣ очень не хотѣлось идти туда, но пришлось подчиниться. Іорданъ безъ всякихъ возраженій приказалъ выдать мнѣ разрѣшеніе на бумагѣ на право отлучки чрезъ каждые 14 дней на одинъ день въ Нейдекъ. Я бы только желалъ поменьше пользоваться этою милостью. Поѣду завтра вмѣстѣ съ Я—ко.

М. М. получилъ сегодня письмо изъ Рима отъ Боборыкина о томъ, что онъ используетъ посланныя ему бумаги. Хотѣлось, чтобы не вышло такого вранья, какъ въ статьѣ Амфитеатрова. Когда уѣзжалъ въ Букарештъ г. Симонъ, мы ему дали депешу на имя Совѣта Съѣздовъ, въ которой просимъ телеграфировать намъ, внесены ли наши, моя и Я—ко, фамиліи въ обмѣнный списокъ, существованіе котораго подтверждаетъ въ своемъ письмѣ и г. Раухъ. Симонъ, получивъ отъ меня 10 кр. на расходы, далъ слово, что депеша будетъ отправлена изъ Букарешта не позже воскресенья. Такимъ образомъ въ понедѣльникъ она должна быть уже въ Петербургѣ. Сегодня четвергъ, и мы уже начинаемъ волноваться по поводу отсутствія отвѣта.

Сегодня въ здѣшнихъ газетахъ напечатаны депеши объ открытіи сессіи русскихъ законодательныхъ учрежденій. Значитъ, тамъ теперь должны на-

ходиться Н. С. Авдаковъ и Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, и мы увѣрены, что оба они отнесутся къ нашей просьбѣ съ полнымъ вниманіемъ.

30 января — 12 февраля.

Только что, въ 9 часовъ вечера, я вернулся изъ Нейдека, усталый и разбитый, какъ будто бы проѣздилъ по крайней мѣрѣ сутки на таратайкѣ по русскимъ дорогамъ. Вотъ до какого негоднаго состоянія я дошелъ въ 54 года. Началась неизбѣжная, но нѣсколько преждевременная ликвидація. Нежелательно только, чтобы она долго продолжалась, отчего никому никакой пользы не будетъ.

Д-ръ Гниличка нашелъ у меня носъ почти уже въ порядкѣ, но все-таки придется еще разъ къ нему съѣздить. Что-жъ дѣлать? Пока живъ, — безъ носа въ хозяйствѣ никакъ не обойдешься. Докторъ сегодня опять завелъ со мною разговоръ о переживаемыхъ событіяхъ и многое разсказалъ о томъ, что происходило у него на родинѣ, гдѣ-то возлѣ Кенигреца, въ 1866 году, чему онъ былъ свидѣтелемъ въ дѣтствѣ. . . . .
. . . .
. . . .

Такъ какъ на улицахъ сегодня изрядная грязь, какъ въ Карлсбадѣ, такъ и въ Нейдекѣ, то мы отъ доктора прямо пошли въ знакомый намъ уже по прежнимъ поѣздкамъ Post-Hôtel, чтобы посидѣть тамъ за чаепитіемъ и чтеніемъ газетъ до поѣзда. Мы знали, что тамъ ежевечерно, въ 6 час. безъ четверти, собираются мѣстные нотабли играть въ карты, но не могли не обратить вниманія на то, что когда часовая стрѣлка была какъ разъ на $5^3/_4$ час. буквально въ одну минуту явились всѣ, какъ будто вышли подъ рядъ изъ одной комнаты, хотя вошли чрезъ разныя двери...

31 января — 13 февраля.

2-3 дня, о коихъ писалъ г. Раухъ, даже помноженные еще на другіе 2-3, уже давно прошли, и изъ Вѣны ничего нѣтъ. Передаютъ со словъ Ш — ва, что консулъ справлялся третьяго дня по телефону въ Вѣнѣ и ему передали, что еще ничего нѣтъ. Изъ Букарешта же отъ Симона тоже ничего нѣтъ. Между тѣмъ одному изъ интернированныхъ здѣсь, Варшавскому фабриканту г. Ш—ну, сегодня объявлено, что ему съ семьей, въ которой имѣются два сына воинскаго возраста, разрѣшается уѣхать въ Дрезденъ. Онъ, вѣрно, не принадлежитъ къ числу заложниковъ и паспортъ у него былъ отобранъ не въ одно время съ нами, а гораздо позже, когда отобрали у всѣхъ, добровольно оставшихся здѣсь русско-подданныхъ. Я поэтому не могу брать его въ примѣръ. Да и его, впрочемъ, отпускаютъ не домой, а въ Германію, на что у него имѣется разрѣшеніе тамошнихъ властей. Пока что, здѣсь репрессіи не облегчаются, а усиливаются. Сегодня намъ пришлось убѣдиться въ новомъ фактѣ, могущемъ быть непріятнымъ именно для меня. Я отправился въ Wiener Bank-Verein получить тысячу кронъ по чеку Я — ко и мнѣ выдали деньги съ предупрежденіемъ, что въ теченіе текущаго мѣсяца съ даннаго счета уже болѣе выдано не будетъ, такъ какъ по приказу изъ Вѣны запрещена выдача болѣе 1000 кронъ въ мѣсяцъ съ одного и того же счета. Это самое случилось вчера съ М. М. К—скимъ. Такъ какъ вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ Я—ко предложенія пользоваться его счетомъ я деньгами не запасся и получаю таковыя по его чекамъ, то могу остаться на бобахъ. Перспектива далеко не изъ пріятныхъ...

1/14 февраля.

Въ послѣднее время воскресные дни, коими люди, живущіе въ нормальныхъ условіяхъ существованія, пользуются для физическаго и душевнаго отдохновенія, стали для меня страшными днями въ истинномъ смыслѣ слова, полными душевныхъ мукъ и невыносимыхъ страданій, которыя я самъ на себя накликаю. Въ эти дни я измѣняю Я—ко и вмѣсто того, чтобы завтракать съ нимъ въ кафе Boulevard, отправляюсь въ Вестъ-Эндъ, гдѣ читаю Selbstwehr и другіе подобные журналы, которые и являются причиною моихъ терзаній. По прочтеніи номера подобнаго изданія у меня отъ состоянія безсильнаго отчаянія опускаются руки и ноги. Когда-то, въ случаяхъ, сколько-нибудь напоминающихъ то, что тамъ еженедѣльно описывается съ такими ужасающими подробностями, могли утѣшаться надеждами „на Европу", предъ которою, какъ думали, во-первыхъ, будетъ стыдно, и которая, во-вторыхъ, можетъ принять мѣры къ смягченію нравовъ. Теперь эта призрачная надежда кажется даже смѣшною и звучитъ не менѣе безсмысленно, какъ если бы надѣялись „на Азію" или „на Африку". Сама эта „Европа" ничѣмъ не лучше, а можетъ быть и хуже Патагоніи и сама нуждается въ дрессировщикахъ съ раскаленными прутьями въ рукахъ, которые бы занялись обузданіемъ ея дикости, но взять на себя эту роль никто не въ состояніи. . . . .

. . . . . Что же все-таки послѣ этого будетъ? Вѣдь человѣческій родъ не исчезаетъ еще, а увеличивается въ своемъ количествѣ, несмотря на массовое взаимоистребленіе. Что съ того, что я и милліоны другихъ скоро исчезнутъ съ лица земли, растутъ же какъ грибы другіе люди, появятся новыя поколѣнія и что имъ предстоитъ? И подумать страшно.

2/15 февраля.

За все время моего пребыванія здѣсь, я въ первый разъ получилъ сегодня посылку изъ Гамбурга. Присланныя вещи все такія же, которыя я покупаю здѣсь и не лучшаго качества, но какая, однакожъ, разница: то — „товаръ", который пріобрѣтаешь за деньги, имѣющій въ моихъ глазахъ цѣнность, равную уплаченной за него суммѣ, а это — что то другое, тебѣ близкое и пріятное, неоцѣнимое на кроны или марубли. Шерстяныя вещи—собственное издѣліе матери, изготовленное ея старческими дрожащими руками при плохо видящихъ глазахъ. Не мало слезъ было, можетъ быть, пролито ею надъ этою работою. Не мудрено даже угадать, какія думы терзали ея сердце, когда крючки прыгали между ея сухими пальцами. Она всегда приготовляла эти мелкія принадлежности моего туалета къ моему пріѣзду къ ней и собственноручно, съ нѣжною заботливостью матери, укладывала ихъ мнѣ въ чемоданъ къ отъѣзду, а нынѣ, будучи географически такъ близокъ къ ней уже 7 мѣсяцевъ, я не могу обрадовать ее свиданіемъ съ нею. И не потому, что имѣются какія-нибудь понятныя ей препятствія въ родѣ невозможности оставить свои дѣла и служебныя обязанности или дальность пути, а потому, что происходитъ война, связь которой со мною не только мать, но и я самъ, никакъ найти не можемъ. Вотъ о чемъ думали мать и сестра, возясь съ присланными мнѣ вещами, которыя меня такъ сильно растрогали...

3/16 февраля.

Лжецы дѣлятся на различныя школы. Самая распространенная школа, всегда и вездѣ имѣвшая и имѣющая наибольшее количество учениковъ, это та, приверженцы которой лгутъ, гдѣ только нахо-

дятъ слушателей, съ увлеченіемъ, и не только тамъ, гдѣ извлекаютъ пользу изъ своей лжи, но изъ любви къ искусству. Къ этой школѣ принадлежатъ иногда и хорошіе по природѣ люди, но больше всего, конечно, дурные. Говоря „хорошіе" люди, я вовсе не допускаю, чтобы это были вполнѣ нравственные люди. У безукоризненно честнаго человѣка любовь къ правдѣ — одинъ изъ принциповъ нравственнаго кодекса, и если у него подобная склонность и имѣется, привитая воспитаніемъ, дурною средою или даже наслѣдственная, — а такіе случаи я самъ знаю,—онъ ее превозможетъ и если онъ иногда не выдержитъ характера и въ пылу увлеченія скажетъ невинную неправду—онъ будетъ отъ этого страдать душою. Подъ „хорошими" людьми, которыхъ иногда и встрѣтишь въ роли лгуна, я разумѣю въ житейскомъ смыслѣ невредныхъ людей, которые лучше многихъ изъ окружающихъ и неспособны на завѣдомо скверныя дѣла. Къ другой школѣ принадлежатъ тѣ лжецы, для коихъ это качество является средствомъ къ достиженію какой либо преслѣдуемой цѣли, выгодной для нихъ. Для нихъ ложь не самодовлѣющая цѣль, а лишь средство, какъ всѣ прочіе ихъ поступки, преслѣдующіе опредѣленную цѣль. Когда нѣтъ надобности, они лгать не станутъ. Адепты этой школы умнѣе и практичнѣе, да и менѣе попадаютъ въ просакъ, такъ какъ меньше врутъ. Когда сегодня намъ NN сталъ по обыкновенію разсказывать турусы на колесахъ о себѣ, я долго думалъ, къ какой изъ этихъ славныхъ школъ его слѣдуетъ причислить, и рѣшилъ, что хотя онъ человѣкъ дурной и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ охотно извлечетъ какую-нибудь для себя пользу отъ своей лжи, хотя бы съ цѣлью внушить къ себѣ уваженіе своего слушателя, тѣмъ не менѣе онъ еще

больше вретъ просто безъ всякой въ этомъ нужды, лишь бы его слушали. Такимъ образомъ онъ несомнѣнно представитель первой школы абсолютныхъ лгуновъ. Для этихъ господъ, у коихъ имѣется еще одно свойство—не вѣрить другимъ, такъ какъ имъ трудно допускать существованіе у другихъ отрицательнаго отношенія ко лжи, Карлсбадъ, при нынѣшнихъ условіяхъ нашего пребыванія здѣсь,—рай земной. Наша оторванность отъ міра вообще и отъ родины въ особенности, гарантируетъ полную невозможность провѣрять то, что кто навретъ. Захоти кто-нибудь разсказать о себѣ, что онъ носитель всѣхъ ученыхъ степеней, кавалеръ всѣхъ орденовъ и личный другъ всѣхъ великихъ князей, никто не можетъ доказать противнаго до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться наша замкнутость. Не знаю, какъ другіе, а NN этимъ благопріятнымъ условіемъ пользуется очень широко. Пусть вретъ—шутъ съ нимъ. Мели Емеля, твоя недѣля.

4/17 февраля.

Характерною чертою массы галиційскихъ бѣженцевъ, которыми кишмя кипитъ Карлсбадъ и всѣ его окрестности,—это сравнительно небольшой процентъ поляковъ-католиковъ. Австрійцы это объясняютъ тѣмъ, что русскія войска, занимая мѣстности Галиціи, не одинаково обращаются съ мѣстнымъ населеніемъ, дѣлая различіе между національностями. Такъ ли оно въ дѣйствительности? Главная же масса этихъ несчастныхъ—евреи, изъ коихъ 95%—голь перекатная, богатая только дѣтворою и вообще потомствомъ въ нѣсколько поколѣній. Нерѣдко плетется по улицѣ еврей, которому не болѣе 40 лѣтъ отъ роду, и за нимъ дѣти и внуки. Но что еще курьезнѣе—полиція выудила въ ихъ средѣ около

40 человѣкъ русско-подданныхъ, которые какими то судьбами попали въ эту толпу. Иные же сами теперь не знаютъ кто они такіе. Къ этой категоріи принадлежатъ либо уроженцы тѣхъ русскихъ губерній, которыя теперь заняты нѣмцами, либо, наоборотъ, тѣхъ мѣстностей Галиціи, которыя заняты русскими войсками. Вопросъ о подданствѣ этихъ лицъ, имѣющихъ у себя дома недвижимость и торговопромышленныя предпріятія,—довольно сложная задача для юриста. Одинъ бывшій здѣсь полякъ изъ Львова сдѣлалъ попытку вернуться къ себѣ домой чрезъ Россію, предполагая, что онъ безпрепятственно выѣдетъ отсюда въ Румынію, въ качествѣ австрійца и оттуда будетъ пропущенъ въ Россію уже въ качествѣ русскаго и какъ сообщилъ мнѣ сегодня П—скій первая часть ему удалась, т. е. изъ Австріи онъ былъ свободно выпущенъ, но во второй части его постигла неудача и онъ сидитъ уже мѣсяцъ въ Букарестѣ и тщетно хлопочетъ о пропускѣ въ Россію, чего ему не разрѣшаютъ. Все это были бы лишь любопытные курьезы, если-бъ каждый такой случай не влекъ за собою столько моральныхъ и матеріальныхъ невзгодъ...

5/18 февраля.

Большой день для колоніи, которая сегодня вся кипитъ и волнуется: кто торжествуетъ, ни мало не смущаясь чужимъ горемъ, кто плачетъ и близокъ къ отчаянію. Въ 11 ч. утра ко мнѣ зашелъ г. Фишеръ и передалъ, что приходилъ ко мнѣ городовой и звалъ въ полицію къ 2 $^1/_2$ ч. Онъ, Фишеръ, при этомъ высказалъ свое предположеніе, что дѣло, по которому меня зовутъ, можетъ быть, касается возможности для меня „отчалить“. Потерявъ въ послѣднее время всякую способность къ опти-

мизму—я заподозрилъ, что скорѣе всего зовутъ для какого-нибудь допроса и спокойно продолжалъ свое чтеніе. Чрезъ 10 минутъ, однакожъ, явился Я—ко, ни живъ ни мертвъ, и сообщилъ, что извѣстный намъ полицейскій надзиратель Аманъ, регистрирующій по пятницамъ наши паспорта, показалъ ему списокъ семи освобождаемыхъ членовъ колоніи, въ которомъ имѣется и моя фамилія, а его, Я—ко, отсутствуетъ. Волненіе его было ужасно и онъ метался по комнатѣ какъ безумный, вопрошая съ отчаяніемъ: „что я стану здѣсь одинъ дѣлать". Здѣсь же случился еще крайне непріятный казусъ: по ошибкѣ онъ въ число освобождаемыхъ назвалъ также Ме—скаго, который, какъ на зло, явился ко мнѣ сейчасъ же, какъ только вышелъ Я—ко. Я поспѣшилъ сообщить ему объ этомъ крайне радостномъ для него событіи, зная, какъ онъ страдаетъ отъ своего положенія. Выходимъ съ нимъ на улицу и встрѣчаемъ Г—она, поспѣшившаго поздравить его съ освобожденіемъ. Разумѣется—радости этого несчастнаго старика не было предѣловъ, но тѣмъ больше было его отчаяніе, когда чрезъ полчаса категорически выяснилось, что въ спискѣ его имени не имѣется. Въ полицію было позвано 7 человѣкъ, и полицейскій инспекторъ, д-ръ Штейнъ, объявилъ намъ оффиціально, что гг. К—скій, М—нскій, кн. Б—овъ, Д—скій, Ма—скій, М—онъ и Р—скій будутъ выпущены изъ Австріи, а такъ какъ открыты три границы,—Итальянская, Швейцарская и Румынская, то каждому изъ насъ предоставляется указать чрезъ какую именно границу онъ желаетъ выѣхать, и по полученіи этихъ свѣдѣній въ Вѣнѣ, оттуда будутъ высланы наши паспорта для врученія намъ, на что потребуется около недѣли времени. Такъ какъ мы всѣ намѣрены ѣхать на родину, то всѣ, разумѣется,

указали направленіе чрезъ Предеаль. Выборъ освобождаемыхъ насъ поразилъ и столь же намъ непонятенъ, какъ въ свое время выборъ заложниковъ. 70-лѣтній З—кій остается, а 33-лѣтній Р—скій выпускается. Мы весь день ломаемъ голову надъ вопросомъ: гдѣ этотъ списокъ составленъ—въ Петербургѣ или въ Вѣнѣ. Съ одной стороны, въ немъ имѣются лица, о коихъ никто не хлопоталъ въ Россіи, а съ другой стороны есть и такіе, которыхъ никто не знаетъ въ Вѣнѣ. Для насъ это неразрѣшимая задача. Въ чемъ мы всѣ сошлись, это въ томъ, что предполагаемая г. Штейномъ „недѣля", какъ всякое вообще „тѣло", вѣроятно, подъ вліяніемъ начавшейся теплой погоды, растянется. Къ этому мы уже привыкли и согласны на 2 и 3 недѣли, лишь бы это не кончилось такимъ разочарованіемъ, какъ всѣ предыдущія неофиціальныя и офиціальныя заявленія и обѣщанія. Что касается того впечатлѣнія, которое это событіе произвело на меня, то стараясь въ немъ разобраться, прихожу къ заключенію, что если и чувствую, можетъ быть, нѣкоторый подъемъ сегодня, то онъ настолько малъ, что едва уловимъ для меня самого. Поѣздка домой представляетъ для меня исполненіе моихъ завѣтныхъ стремленій и связана со всею моей будущностью, но два обстоятельства омрачаютъ это удовольствіе: неизвѣстность, что будетъ тамъ, и безпомощное положеніе Я—ко, въ которомъ придется его оставить. Я его цѣлый день утѣшаю тѣмъ, что этотъ списокъ только начало, что К—скій и я многое можемъ для него сдѣлать въ Петербургѣ и, проѣздомъ, въ Вѣнѣ, но я самъ не убѣжденъ, что, дѣйствительно, удастся, такъ скоро его выручить и высказываемое имъ опасеніе, что ему придется просидѣть въ Карлсбадѣ до конца войны, пожалуй, имѣетъ за собою большое основаніе. Онъ

при этомъ къ несчастью, по складу своего характера и ума, человѣкъ скорѣе склонный къ пессимизму, чѣмъ къ оптимизму и такого соловья накормить баснями не такъ-то легко. Я ему совѣтую послѣ моего отъѣзда, если дѣйствительно таковой состоится, сойтись поближе съ Ко—выми. Какъ онъ такъ и она производятъ впечатлѣніе добродушныхъ и порядочныхъ людей, и я увѣренъ, что они будутъ тепло къ нему относиться.

6/19 февраля.

Возбужденіе умовъ, вызванное вчерашнимъ событіемъ, еще не улеглось, и всѣ разговоры въ колоніи, пожалуй и всѣ помыслы, вращаются вокругъ даннаго вопроса. Я—ко еще вчера вечеромъ отправилъ депешу о своемъ положеніи Н. Ф. Д—ру, а сегодня М. М. Алексѣенко. Мысль объ обращеніи къ этому, весьма вліятельному лицу у меня являлась давно, и я неоднократно предлагалъ Я—ко это сдѣлать, такъ какъ они оба состоятъ въ числѣ губернскихъ земскихъ гласныхъ Екатеринославской губерніи и сосѣди по имѣнію, но Я—ко почему то ни за что не хотѣлъ къ нему обращаться. Нынѣ его взглядъ на данный вопросъ измѣнился подъ вліяніемъ письма члена Думы Е. П. К—скаго къ своему дядѣ, М. М., о томъ, что въ засѣданіи Бюджетной Комиссіи сдѣлано было давленіе на Сазонова по поводу нашего плѣна, каковому обстоятельству М. М. приписываетъ то, что хоть нѣсколько человѣкъ наконецъ освобождаютъ. Подъ вечеръ я встрѣтился на улицѣ съ д-ромъ Цолльшанъ, и мы, бесѣдуя о разныхъ разностяхъ, дошли до резервнаго госпиталя, гдѣ онъ работаетъ. Онъ любезно пригласилъ меня присутствовать при его работѣ въ рентгеновскомъ кабинетѣ и дѣйствительно было

очень интересно наблюдать, какъ онъ при помощи X-лучей съ замѣчательною ясностью отыскивалъ у раненыхъ солдатиковъ пули и надломы костей. Страшны были только самые больные и ихъ ужасныя раны, но въ то же время поражаешься терпѣніемъ и выносливостью этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, которые совершенно безропотно столько страдаютъ....

7/20 февраля.

Почти весь день ушелъ на хлопоты о судьбѣ Я—ко. Я для него составилъ новую депешу на имя австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ барона Буріана и письмо на имя д-ра Тирнауэра, находящагося теперь въ Вѣнѣ и обѣщавшаго ему, какъ постоянному своему паціенту, похлопотать, когда понадобится. Мы ему также послали копію записки, подданной нами бургомистру. При крайней трудности этого дѣла, надежды на эти старанія слабы, но надо же что нибудь сдѣлать. Дѣйствительно вышла большая нелѣпица: молодой человѣкъ, ратникъ ополченія, получаетъ свободу, а больной и 55-лѣтній старикъ долженъ оставаться въ плѣну. Онъ все не можетъ прійти въ себя, не спитъ по ночамъ и не перестаетъ твердить, что ему страшно оставаться здѣсь одному. Утромъ я былъ съ К—скимъ въ Wiener Bank-Verein и намъ тамъ жаловались на М—на, учинившаго въ банкѣ скандалъ за то, что ему начислили 27 кронъ за переговоры по телефону съ Вѣною. Нельзя отрицать, что банки, дѣйствительно, насъ грабятъ, гдѣ только могутъ, но мы должны понимать свое нынѣшнее положеніе здѣсь и соотвѣтственно вести себя, т. е. тише воды, ниже травы, не забывая, что если мы и уѣдемъ, то оставляемъ здѣсь въ ихъ рукахъ сотни

другихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Вотъ сегодня же, здѣшняя націоналистическая газетка Karlsbader Badeblatt, издаваемая русскимъ перебѣжчикомъ Дорожкинымъ, передавая объ освобожденіи 7 лицъ, выражаетъ неудовольствіе тѣмъ, что въ то время, когда въ Россіи, будто бы, всѣ австрійцы сидятъ въ тюрьмахъ или въ концентраціонныхъ лагеряхъ, здѣсь русскіе до сихъ поръ пользуются свободою.

Вчера, въ первый разъ за все время моего пребыванія здѣсь, я получилъ письмо отъ брата при посредствѣ испанскаго посольства въ Вѣнѣ. Письмо было въ дорогѣ ровно мѣсяцъ и писано по-нѣмецки. Я очень обрадовался этому факту, но содержаніе письма можетъ внушить мнѣ одну лишь печаль.

8/21 февраля.

Всѣ толки и пересуды до сихъ поръ вращаются вокругъ „освобожденія“ 7-ми „счастливцевъ“. К—скій получилъ письмо отъ профессора Гамбарова о ходѣ переговоровъ по поводу нашего обмѣна и содержаніе этого письма переходитъ изъ устъ въ уста съ обычными наслоеніями и искаженіями, при чемъ совершенно игнорируется, что свѣдѣнія г. Гамбарова уже не оправдались. Обиженные, т. е. не попавшіе въ списокъ, заняты составленіемъ прошеній и телеграммъ куда только возможно, коллективныхъ и единоличныхъ. Для своего Я—ко я сегодня составилъ новую телеграмму на имя Авдакова. Теперь онъ не перестаетъ сожалѣть, что не писалъ въ свое время Алексѣенко, какъ я ему многократно совѣтовалъ. Его душевное настроеніе, хотя еще не вернулось къ полному равновѣсію, но немного поднялось. Сегодняшній воскресный день я почти весь про-

велъ съ нимъ и онъ даже принялъ мое предложеніе пойти въ Орфеумъ, гдѣ играли пьеску „Die Barbaren". Онъ остался очень доволенъ театромъ и просвѣтлѣлъ было, но на обратномъ пути мы зашли поужинать къ Эрихту, гдѣ шелъ разговоръ о возможной продолжительности войны, и сидѣвшій тамъ бѣглецъ изъ Землина энергично доказывалъ, что война должна продолжаться не менѣе трехъ лѣтъ. Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ къ нему вернулось прежнее уныніе и онъ уже сталъ рисовать себѣ ужасную картину трехлѣтняго сидѣнія въ Карлсбадѣ. Вотъ несчастный у человѣка характеръ. Что будетъ, если дѣйствительно ему придется посидѣть здѣсь хотя бы одинъ годъ, не говоря уже о трехъ...

9/22 февраля.

Чтобы окончательно избавиться отъ нападеній г-жи N., которымъ приходится ежедневно подвергаться въ кафе Boulevard, намъ пришлось прибѣгнуть къ радикальному средству — переселиться въ другое кафе Вестъ-Эндъ, находящееся въ другой части города, гдѣ эта особа не бываетъ. Это переселеніе принесло намъ другую, случайную пользу, такъ какъ на обратномъ пути оттуда намъ встрѣтился ѣхавшій на вокзалъ американскій консулъ г. Юнгъ, который, увидя меня, остановился и сообщилъ, что ѣдетъ въ Вѣну и просилъ, по его возвращеніи, съ нимъ повидаться. Воспользовавшись этимъ, мы поѣхали за нимъ на вокзалъ и попросили его сдѣлать что-нибудь тамъ въ пользу Я—ко и, прежде всего, узнать, гдѣ и по какой системѣ составленъ списокъ отпускаемыхъ, что онъ и обѣщалъ исполнить.

Зависть плохой совѣтникъ, говоритъ мудрая

народная поговорка, и я только что имѣлъ доказательство этого. Я—ко принесъ мнѣ показать присланное ему для подписи составленное М—скимъ прошеніе на имя русскаго министра иностранныхъ дѣлъ по поводу неосвобожденія остающихся въ Карлсбадѣ, вѣрнѣе по поводу освобожденія 7 человѣкъ, такъ какъ все прошеніе проникнуто чувствомъ зависти къ намъ и, какъ писанное подъ вліяніемъ этого чувства, представляетъ собою такую безтактную и безсмысленную нелѣпицу, которую стыдно разумнымъ людямъ подписывать. Подъ прошеніемъ, одинъ внѣшній видъ котораго гарантируетъ, что Министръ его читать не станетъ, имѣются уже подписи 3-хъ присяжныхъ повѣренныхъ—М—скаго, Г—на и Ѳ—ва, К—ва и Ш—на. Я—ко оказался благоразумнѣе ихъ и категорически отказался подписывать подобное прошеніе, способное принести больше вреда, чѣмъ пользы. Если три адвоката, подписавшіе подобное посланіе, такъ составляютъ свои дѣловыя бумаги, то не завидую ихъ кліентамъ. Они предполагаютъ дать это прошеніе К—скому для подачи. Не знаю, будетъ ли онъ настолько легкомысленъ, чтобы взять на себя эту неблагодарную задачу. Вѣрно, — людямъ тяжело и горько и они потеряли головы, но тѣмъ болѣе слѣдуетъ взвѣшивать всѣ свои шаги, не путать и не предаваться дурнымъ чувствамъ. Я на нихъ не обижаюсь, а мнѣ ихъ просто жалко.

10/23 февраля.

И такъ—„конченъ, конченъ, конченъ дальній путь"... Вѣрнѣе—кончено семимѣсячное пребываніе въ Карлсбадѣ въ совершенно неподходящей для меня роли какого то заложника. Еще утромъ явился городовой и звалъ къ 4-мъ часамъ въ Окружное

Правленіе (Bezirkshauptmannschaft), гдѣ намъ, семи избранникамъ, помощникъ Іордана, знаменитый Деложъ, вручилъ легитимаціи или проходныя свидѣтельства на проѣздъ въ Вѣну, обязательно на слѣдующее утро, съ указаннымъ поѣздомъ. Въ бумагѣ указано, что по пріѣздѣ на второй день вечеромъ въ Вѣну мы должны заѣхать всѣ въ Hôtel de France и немедленно дать знать о своемъ прибытіи мѣстной полиціи. Что будетъ тамъ съ нами—мы не знаемъ. Нѣкоторые просили разрѣшенія остаться еще на одинъ день, чтобы устроить свои дѣла въ банкахъ и сдѣлать нужныя покупки, но въ этомъ намъ было категорически отказано съ предупрежденіемъ, что кто не поѣдетъ завтра утромъ, тотъ вообще уже не уѣдетъ. Мое замѣчаніе по этому поводу Das lohnt nicht начальство повторило за мною съ великодушною улыбкою. Благодаря любезности директора Credit-Anstalt г. Ледерера, я успѣлъ уже послѣ закрытія банка перевести остатокъ своихъ денегъ матери и обезпечить ее средствами на все лѣто. Воображаю, каково будетъ душевное состояніе моихъ бѣдныхъ матери и сестры по полученіи ими моей депеши о внезапномъ отъѣздѣ, который хотя самъ по себѣ для меня желателенъ и необходимъ, но оторветъ меня отъ нихъ Богъ знаетъ на сколько времени.

15 февраля. — Одесса.

Сегодняшняя моя запись — первая на родной территоріи, датированная уже по одному лишь старому стилю. Я еще не пришелъ въ себя, утомленъ и заспанъ, но хочется хоть что-нибудь отмѣтить изъ пережитого, такъ какъ считаю, что эпопея моего плѣна окончится лишь по пріѣздѣ домой въ

Петербургъ, а пока еще нахожусь въ пути, преждевременно сложить перо.

Вотъ что произошло послѣ моей послѣдней записи, сдѣланной вечеромъ, наканунѣ выѣзда изъ Карлсбада.

Всю эту ночь, со вторника на среду, я не сомкнулъ глазъ — до того велико было возбужденное состояніе, въ которомъ я находился. Въ 6½ утра я поднялся и приступилъ къ окончательной укладкѣ вещей, которыхъ набралось столь много, что никакими усиліями не удалось помѣстить ихъ въ моихъ трехъ чемоданахъ, а купить новый до отхода указаннаго намъ утренняго поѣзда было невозможно, такъ какъ магазины были еще закрыты. Выручилъ меня Я—ко, давшій мнѣ пріобрѣтенный имъ въ Карлсбадѣ превосходный портъ-плэдъ. Относительно главнаго вопроса — какъ быть съ книгами и бумагами, я поступилъ такъ: тѣ книги, въ отношеніи коихъ было опасеніе со стороны цензуры, я оставилъ здѣсь, остальныя же, коихъ вообще осталось немного, взялъ съ собою; бумаги же я распредѣлилъ на три части, одну уничтожилъ, другую оставилъ г. Фишеру, а третью взялъ съ собою. Въ послѣднюю категорію попали и мои записки, на что я самъ смотрѣлъ какъ на скачокъ съ двумя препятствіями: одно, венгерское, — въ Предеалѣ, а другое, русское,—въ Унгени. Въ сопровожденіи Я — ко я поѣхалъ на вокзалъ, гдѣ собралось большинство оставшихся членовъ колоніи, кромѣ такихъ господъ какъ П—скій и К—овъ, охваченныхъ въ сильной дозѣ чувствомъ зависти. Былъ и нашъ казенный „покровитель", полицейскій чиновникъ г. Аманъ, отобравшій у насъ 15 августа паспорта и все время зорко наблюдавшій за нами, чтобы мы не „шпіонили". Ѣхали мы какъ всѣ прочіе пассажиры, безъ

всякаго различія и въ 8 час. вечера пріѣхали въ Вѣну, но въ указанную намъ гостиницу Hôtel de France насъ не пустили, заявивъ, что нѣтъ комнатъ, и велѣли отправиться во второстепенный Clamser's Hôtel, что было сдѣлано, какъ намъ сказали, съ разрѣшенія полиціи. Не успѣли мы разобрать свой багажъ и утолить въ ресторанѣ при отелѣ свой голодъ, какъ явился полицейскій детективъ и предупредилъ насъ, чтобы мы были готовы къ 8 час. утра поѣхать на вокзалъ Восточной жел. дороги. Такимъ образомъ всѣ мои надежды повидаться съ г. Раухомъ и побывать въ посольствѣ съ цѣлью сдѣлать кое-что для И. П. Я—ко, разбились вдребезги. Поговорить съ Раухомъ по телефону тоже оказалось невозможнымъ, такъ какъ телефонъ въ его квартирѣ, какъ отвѣтили со станціи, снятъ, а контора вечеромъ и утромъ была закрыта. Изъ Hôtel de France еще съ вечера принесли мнѣ адресованную туда прощальную депешу отъ своихъ изъ Гамбурга съ предложеніемъ повидаться съ находящимся въ Вѣнѣ ихъ знакомымъ, но изъ его отеля отвѣтили, что онъ уже уѣхалъ. Хотя я рано уложился въ постель, но спать все-таки не могъ. Я поднялся спозаранку и до отъѣзда успѣлъ еще написать письмо въ Карлсбадъ Я—ко, совѣтовавъ ему прибѣгнуть къ тому средству, которое, какъ я узналъ лишь въ поѣздѣ, спасло М—на и Р—скаго, и обратиться къ адвокату, предложивъ крупное пожертвованіе въ пользу Австрійскаго Краснаго Креста. Писалъ я ему по-русски, адресовавъ письмо его хозяйкѣ съ просьбою передать ему. Я увѣренъ, что она будетъ ругать меня напропалую за то, что подвергаю ее опасности быть оштрафованной, но письмо передастъ. На вокзалъ мы отправились въ сопровожденіи детектива, который на вопросъ о паспор-

тахъ отвѣтилъ, что таковые будутъ намъ возвращены на венгерско-румынской границѣ. Взявъ билетъ прямого сообщенія до Яссъ я устроился въ отдѣленіи 1 класса, въ которомъ было 6 пассажировъ, въ томъ числѣ молодой лейтенантъ и германскій унтеръ-офицеръ, сопровождавшій на театръ военныхъ дѣйствій свое начальство, сидѣвшее въ другомъ отдѣленіи того же вагона. Этотъ унтеръ, одѣтый съ иголочки, въ полномъ боевомъ снаряженіи, былъ центромъ вниманія всѣхъ моихъ сосѣдей по отдѣленію. Начались разные разговоры по поводу войны, демонстрація ружья и пуль и т. п. Мое положеніе стало весьма неловкимъ, и я счелъ своимъ долгомъ предупредить этихъ господъ о своей принадлежности къ „непріятельскому стану“. Нескромные разговоры сразу прекратились. Мое предупрежденіе произвело на всѣхъ хорошее впечатлѣніе и было кстати, такъ какъ минутъ черезъ 10 выросъ предо мною тотъ самый детективъ, который отвезъ насъ въ Вѣнѣ на вокзалъ. Спросивъ мою фамилію и что-то отмѣтивъ у себя въ книжкѣ, онъ попросилъ меня довольно вѣжливо не выходить изъ вагона до Будапешта, разрѣшивъ мнѣ, однако, пойти въ вагонъ-ресторанъ пообѣдать. Когда мы пріѣхали въ Будапештъ, курьерскій поѣздъ, которымъ намъ назначено было дальнѣйшее слѣдованіе до Предеаля, уже стоялъ готовый къ отъѣзду у другой платформы. Предполагая, что мы можемъ и дальше ѣхать какъ до сихъ поръ въ разбродъ я, проходя въ сопровожденіи носильщика съ вещами мимо кассы Международнаго Общества спальныхъ вагоновъ, запасся спальнымъ мѣстомъ до границы, уплативъ 16 кронъ за билетъ. Не суждено было, однакожъ, пользоваться этимъ удобствомъ: не успѣлъ носильщикъ уложить вещи и удалиться,

какъ появился венгерскій полицейскій чинъ съ грузною фигурою и лицомъ барбоса и приказалъ мнѣ немедленно же, не теряя ни минуты времени, отправиться въ прицѣпленный къ хвосту поѣзда отдѣльный вагонъ, въ которомъ мы всѣ должны поѣхать вмѣстѣ до границы, подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи. На мой протестъ и заявленіе, что я вѣдь заплатилъ деньги за билетъ, не будучи заранѣе предупрежденъ о какомъ то отдѣльномъ вагонѣ, онъ только грубо на меня накричалъ, приказавъ не разсуждать и отправляться куда велятъ. Я еле добѣжалъ до указаннаго мнѣ вагона, который уже былъ переполненъ всѣмъ комплектомъ „обмѣна". Кое-какъ размѣстившись, мы скоро всѣ перезнакомились. Изъ новыхъ лицъ, т. е. не карлсбадцевъ, здѣсь были: молодой князь К—дзе съ женою изъ Мерана, директоръ Одесской гимназіи г. Д—іевъ съ семьею изъ Рапса, псаломщикъ посольской церкви въ Вѣнѣ г. Якубовскій, просидѣвшій все время въ одиночномъ заключеніи, дьяконъ Пражской церкви г. Волковъ съ семьею, какая-то жена полковника П—ская, г. Бо—скій и нѣкоторые другіе, что-то, вмѣстѣ съ дѣтьми, свыше 20 человѣкъ. Въ нашемъ отдѣленіи, состоящемъ изъ 6 мѣстъ, помѣстились, кромѣ трехъ карлсбадцевъ, — К—скаго, меня и М—она, чета К—дзе. Молоденькая 22-лѣтняя княгиня оказалась симпатичною и хорошенькою особою, а ея мужъ, 29-лѣтній имеретинецъ-правовѣдъ, служащій въ Государственной Канцеляріи, — типичный представитель аристократическаго чиновничества, будущій статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта. Онъ былъ захваченъ войною въ Маріенбадѣ, откуда отвезенъ былъ въ Эгеръ и вмѣстѣ съ многими карлсбадцами спалъ нѣсколько ночей на соломѣ подъ арестомъ въ то время, когда жена, оставшись

безъ денегъ, жила тамъ въ гостиницѣ на 2 кроны въ день. Конечно, первымъ дѣломъ всѣ освобожденные стали другъ другу разсказывать, какъ имъ жилось въ плѣну. Оказалось, что лучше всѣхъ было намъ въ Карлсбадѣ, нѣсколько хуже было въ Меранѣ, гдѣ содержалось всего 12 человѣкъ, застигнутыхъ войною въ разныхъ мѣстахъ Австріи и пріѣхавшихъ туда по особому разрѣшенію. Хуже же всего было въ Рапсѣ—какомъ-то глухомъ мѣстечкѣ, куда интернировано было нѣсколько человѣкъ изъ Вѣны. Тамъ они могли выходить на улицу только два часа въ день.

Для наблюденія за нами были командированы 3 венгерскихъ чиновника съ полицейскимъ инспекторомъ, человѣкомъ военнаго званія, во главѣ. . . . . Вскорѣ завязалось знакомство, мы ихъ пригласили въ вагонъ-ресторанъ и угостили даже шампанскимъ. Они не только не отказались, но охотно приняли наше предложеніе и оказались на высотѣ своей задачи по части выпивки. У меня по крайней мѣрѣ сложилось убѣжденіе, что они въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ по инструкціи свыше, стараясь, выпуская насъ изъ плѣна, загладить, по возможности, прошлое и вытравить изъ нашихъ душъ всякую обиду. Инспекторъ г. фонъ-Герзихъ—оберъ-лейтенантъ и не дуракъ выпить. Этотъ талантъ онъ приписываетъ своей продолжительной военной службѣ, проведенной на Черногорской границѣ на скалахъ, гдѣ офицерство, кромѣ стрѣльбы, пьянства и игры, никакихъ другихъ развлеченій не имѣетъ. Несмотря на винные пары, не произошло ни малѣйшей неделикатности. Ни о войнѣ, ни о какихъ-либо связанныхъ съ нею вопросахъ, не было даже намека. Помощникъ же его г. Веніовскій (внукъ русскаго поляка, бывшаго, по его увѣренію, Камчатскимъ губернаторомъ) не выдержалъ и въ ми-

нуту откровенности выразилъ свою скорбь по поводу вреднаго для Венгріи дуализма. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Венгріи намъ приказано было спустить занавѣски на окнахъ, то съ одной, то съ другой стороны, но эта процедура насъ только забавляла и наши чиновные провожатые давали намъ эти приказанія шутя, въ очень милой формѣ. При тѣснотѣ въ поѣздѣ о снѣ не могло быть и рѣчи, но мучило насъ не это, а полное отсутствіе въ вагонѣ воды. На это, впрочемъ, не приходилось обижаться, такъ какъ этотъ непріятный фактъ, не знаю почему, имѣлъ мѣсто и во всѣхъ прочихъ вагонахъ даннаго поѣзда. По росписанію намъ полагалось пріѣхать въ 6 ч. 33 м. утра на границу Румыніи, но мы ѣхали съ сильнымъ опозданіемъ и лишь къ 8 часамъ прибыли въ Кронштадтъ (по-венгерски „Брашо“). Тамъ нашъ вагонъ почему-то отцѣпили, весь же поѣздъ пошелъ дальше. На нашъ вопросъ, что сіе означаетъ, мы получили отвѣтъ, что это сдѣлано для нашего удобства, такъ какъ въ Предеаль мы все равно къ утреннему поѣзду опоздали, а ожидать на маленькой станціи безъ буфета 3—4 часа намъ будетъ неудобно. Это объясненіе хотя и правдоподобно, но полной увѣренности въ отсутствіи другой причины у насъ все-таки не было. На станціи Кронштадтъ имѣется комендантское управленіе и намъ было предложено воспользоваться уборною этого учрежденія для умыванія и приведенія въ порядокъ своихъ туалетовъ. Мы, разумѣется, всѣ жадно набросились на это приглашеніе. Насъ подъ конвоемъ водили попарно туда, но это было обставлено такъ привѣтливо со стороны офицеровъ и солдатъ, какъ будто насъ сопровождаютъ галантные кавалеры, готовые намъ служить изъ вѣжливости, а не конвоиры. Когда мы привели себя въ порядокъ, намъ предоставлено было пойти въ бу-

фетъ позавтракать. Никто, конечно, не отказался, и такъ какъ кромѣ насъ и венгерскихъ офицеровъ никого тамъ въ это время не было, то завтракъ прошелъ непринужденно и въ веселомъ настроенiи. Время прошло незамѣтно, подошелъ другой поѣздъ, къ которому насъ прицѣпили, и послѣ часового проѣзда по живописной Трансильванiи мы прiѣхали на пограничную станцiю Предеаль. Насталъ моментъ оставленiя нами Австрiи, гдѣ мы томились долгiе мѣсяцы въ плѣну, и прощанiя съ нашими проводниками. Здѣсь то у меня екнуло сердце насчетъ моихъ записокъ и бумагъ. А что, если отберутъ да еще самого, до пересмотра, задержатъ? Я былъ готовъ оставаться еще нѣсколько дней въ „залогѣ“, лишь бы лично увезти бумаги, но гдѣ увѣренность, что нѣсколько дней, а не нѣсколько мѣсяцевъ. Все это, однакожъ, оказалось напрасною тревогою. Какъ только мы вышли изъ вагона, подошли къ намъ наши провожатые, въ сослуженiи съ австрiйскими пограничными властями, произвели перекличку, сосчитали количество „душъ“ и вручили каждому его паспортъ съ особымъ документомъ, удостовѣряющимъ день нашего освобожденiя, объявивъ намъ, что мы свободны и о какомъ-либо осмотрѣ багажа не было даже и рѣчи.

Любезно простившись съ австрiйцами, мы уже отправились на румынскую таможню. Со вступленiемъ на румынскую почву начался для насъ рядъ настоящихъ мытарствъ. Ревизiонная зала тѣсна и грязна, багажъ пришлось весь раскрыть и перерыть, носильщики безтолковые, не понимающiе ни на какомъ языкѣ кромѣ своего, и, вдобавокъ, живодеры и попрошайки. По окончанiи осмотра багажа надо было подойти къ маленькому окошку въ той же залѣ, гдѣ взимаютъ 5 франковъ и визируютъ паспорта. Около этого окошка сбилась въ кучу

безъ всякаго порядка и очереди добрая сотня крестьянъ и крестьянокъ и каждый, оттискивая локтями сосѣда, совалъ въ окошко свой паспортъ. Покончивъ съ этими мытарствами мы думали, что здѣсь, на нейтральной почвѣ, мы уже будемъ вольными птицами, но не тутъ-то было. Насъ заперли крѣпко на замокъ въ грязнѣйшемъ и неотопленномъ вагонѣ, опять безъ воды, не разрѣшали даже открывать окна и приставили къ намъ „бдительное око" въ штатскомъ, слѣдившее за каждымъ нашимъ движеніемъ. На вопросъ, что сіе означаетъ, намъ данъ былъ отвѣтъ, что для всѣхъ, будто-бы, путешественниковъ, ѣдущихъ изъ Венгріи чрезъ Румынію транзитомъ, установленъ карантинъ, въ виду имѣющейся въ Австро-Венгріи холеры и что приставленное къ намъ „око"—санитарный чиновникъ. Ѣхать мы должны непремѣнно до Унгени, а заѣхать изъ Плоэштъ въ Букарестъ намъ не разрѣшено. При этомъ ссылались на телеграфное распоряженіе румынскаго министра Стентинеску. Изъ купленныхъ нами еще въ Предеалѣ букарештскихъ газетъ мы узнали, что въ тотъ же день въ Букарестѣ находится проѣздомъ въ Россію генералъ По, который вечеромъ, въ одномъ поѣздѣ съ нами, поѣдетъ въ Петербургъ. Подъѣхавъ къ Плоэштамъ, мы увидѣли на вокзалѣ тысячную толпу съ флагами и оркестромъ музыки, ожидающую пріѣзда генерала, слышали оваціи толпы, когда генералъ подъѣзжалъ, но какъ только замѣтили, что нашъ вагонъ сдѣлался предметомъ вниманія публики, поспѣшили отвезти его на запасный путь, далеко за водокачку, откуда передвинули обратно къ вокзалу лишь по отъѣздѣ генерала. Населеніе нашего вагона имѣло одно утѣшеніе: намъ разрѣшили подать въ вагонъ изъ буфета такой превосходный обѣдъ, котораго никто изъ насъ не

имѣлъ во все время пребыванія въ Австріи. Я еще помнилъ со времени моего путешествія по Румыніи въ 1903 году національное румынское блюдо „Чорба“, напоминающее нашъ борщъ, но гораздо вкуснѣе его. М. М., знатокъ кулинарнаго дѣла, былъ въ восторгѣ отъ этого обѣда, за который содрали съ насъ страшно много, и официанты, по румынскому обычаю, по нѣсколько разъ подъ разными предлогами все приходили вымогать на чай еще и еще. М. М. такъ разсердился, что бросилъ этимъ прохвостамъ лично отъ себя добавочныхъ 10 франковъ на чай. Отъ Плоэштъ до Яссъ намъ надо было проѣхать всю ночь, но какъ только поѣздъ отошелъ отъ Плоэштъ, нашъ „санитаръ“ соскочилъ, предоставивъ намъ полную свободу, использовать которую мы все-таки не могли, такъ какъ нашъ вагонъ стоялъ сзади, за багажнымъ, и мы были разъединены съ прочими вагонами. Здѣсь только окончательно выяснилось, что холера была чисто политическая, а санитаръ—шпикъ. Вся комедія была разыграна спеціально съ цѣлью отдѣлить насъ отъ демонстраціи генералу По и настолько строго, что М. М. К—скому, пожелавшему передать находившемуся тутъ же на плоэштскомъ вокзалѣ посланнику Поклевскому-Козеллъ записку по частному дѣлу, это не было разрѣшено. Вотъ что значитъ игра въ нейтралитетъ: съ одной стороны фейерверочныя манифестаціи въ честь По, а съ другой стороны перевозка подъ замкомъ возвращающихся русскихъ плѣнныхъ. Все это очень похоже на обычную лицемѣрную политику этого маленькаго государства, всегда вѣрнаго самому себѣ.

Намерзшись всю ночь въ нашемъ грязномъ вагонѣ, мы утромъ пріѣхали въ Яссы, гдѣ встрѣтили А. И. Вышнеградскаго, ѣхавшаго изъ Парижа и другихъ русскихъ. Въ буфетѣ старый бессарабскій

еврей-мѣняло размѣнялъ намъ наши кроны по такому выгодному курсу, котораго никто не ожидалъ— 37 коп. за крону. Имѣя 2 часа времени до поѣзда на Унгени, я и К—скій поѣхали осмотрѣть городъ. Онъ довольно чистенькій, имѣетъ много хорошихъ зданій, но рядомъ съ ними видны на каждомъ шагу турецкія постройки. Отсюда К—скій перевелъ въ Прагу Крамаржу 1000 кр., которые тотъ ему выслалъ въ августѣ, когда мы всѣ остались безъ гроша. Курьезно, что будучи затѣмъ въ Карлсбадѣ все время при деньгахъ, онъ не могъ рискнуть отослать г. Крамаржу этотъ долгъ, чтобы не навлечь на послѣдняго подозрѣнія въ томъ, что онъ получаетъ какія-то деньги отъ русскаго. Отъ Яссъ идетъ новый поѣздъ — до „Унгени - Румынскія". Опять скверно, безпорядокъ, тѣснота и вымогательства безтолковыхъ носильщиковъ, но ѣзды немного. Въ Унгени высадка и выгрузка всего багажа для осмотра—нѣтъ ли медикаментовъ, которые строго воспрещены къ вывозу изъ Румыніи, именно теперь. Какая это гнусная жестокость—не давать больнымъ лекарствъ. Можетъ быть—это исходитъ отъ Австріи, которая только подъ условіемъ запрещенія дальнѣйшаго вывоза разрѣшаетъ вывозъ въ Румынію. Если это такъ—тогда это жестоко со стороны Австріи. Не знаю, какъ на это смотритъ международное право. Впрочемъ, это лицемѣрное право осталось только въ учебникахъ. Никакихъ медикаментовъ, разумѣется, ни у кого изъ насъ не нашли, и мы опять въ новомъ поѣздѣ, исключительно изъ вагоновъ третьяго класса съ рѣшетками, какъ арестантскіе, переѣхали черезъ Прутъ и минутъ черезъ 5 очутились на русской землѣ, въ „Унгени-Русскія". Слѣдуетъ еще упомянуть, что предъ отходомъ поѣзда со ст. Унгени-Румынскія подошелъ къ нашему отдѣленію какой то почтенный румынъ и спросилъ М. М.—онъ

ли и есть профес. К—скій, что послѣдній и подтвердилъ. Господинъ, назвавшись докторомъ N., бывшимъ, по его словамъ, вмѣстѣ съ М. М. на антропологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, удалился и вернувшись съ цѣлою толпою румынскихъ франкофиловъ, провожавшею генерала По до границы, устроили М. М. овацію. Насъ очень развеселило, когда послѣ ихъ ухода М. М. намъ разсказалъ, что онъ никогда на этомъ съѣздѣ не былъ.

Какъ только поѣздъ остановился и изъ вагона вылѣзла характерная фигура К—скаго, подошла къ нему цѣлая, ожидавшая его уже здѣсь, толпа репортеровъ и мѣстный жандармскій ротмистръ, представившійся ему и попросившій М. М., меня и г. С—ва отправиться прямо въ буфетъ, не продѣлавъ предварительно паспортныхъ и таможенныхъ формальностей. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . Меня это очень волновало: когда онъ все это успѣетъ разсмотрѣть до отхода поѣзда, даже поверхностно, а между тѣмъ поѣздъ скоро отходитъ. Въ концѣ концовъ онъ понялъ, что ничего опаснаго у меня нѣтъ, и все возвратилъ. Теперь мнѣ стало жаль, что я совершенно напрасно много цѣнныхъ книгъ оставилъ въ Карлсбадѣ и не взялъ съ собою.

Я рѣшилъ первымъ дѣломъ поѣхать въ Одессу, чтобы денекъ отдохнуть и повидаться тамъ со своими дѣловыми и личными знакомыми. Въ другое время я бы не могъ позволить себѣ такую роскошь, но теперь, при 6-мѣсячномъ опозданіи, не страшно опоздать еще на однѣ сутки. Идея поѣхать въ Одессу понравилась всей нашей компаніи: т. е.

К—скому, М—ну и кн. К—дзе, за что они впослѣдствіи были мнѣ всѣ благодарны. М. М—ча, конечно, какъ въ поѣздѣ, такъ и въ Одессѣ, облѣпили какъ мухи, репортеры мѣстныхъ и иногородныхъ газетъ, то и дѣло являвшіеся къ нему съ телеграммами своихъ редакцій, поручившихъ имъ интервьюировать его. Эти интервью, происходившіе большею частью въ моемъ присутствіи, были довольно безсодержательны и скучны. Не сомнѣваюсь, что эти интервью, въ кои репортеры и редакціи съ своей стороны внесутъ каждый свою долю искаженія, представятъ картину нашей жизни въ Карлсбадѣ довольно далеко отъ дѣйствительности. Меня въ свою очередь гг. репортеры не оставляютъ въ покоѣ. Одинъ потребовалъ отъ меня, чтобы я ему представилъ, не болѣе и не менѣе, какъ изложеніе экономическаго положенія Австріи, при чемъ это было въ тотъ моментъ, когда я уже былъ въ шубѣ и спѣшилъ сѣсть на извозчика поѣхать къ Г—мъ, гдѣ меня ожидали обѣдать.

Мы пріѣхали въ Одессу съ большимъ опозданіемъ въ 2 ч. ночи и сейчасъ легли спать, но я все-таки настолько отбился отъ сна, что спалъ очень мало. На слѣдующій день, въ часъ дня, наша компанія собралась въ Лондонскомъ ресторанѣ позавтракать, и здѣсь я встрѣтился съ П. П. Р—мъ и З. А. А—и. Ресторанъ кишмя кишѣлъ военными и всѣ разговоры за всѣми столами вращаются вокругъ одной темы—войны. За эти однѣ сутки моего пребыванія на родинѣ я узналъ столько для меня новаго, какъ будто нѣсколько лѣтъ находился на сѣверномъ полюсѣ. . . . .
Остаюсь еще на день въ Одессѣ и выѣду отсюда завтра съ расчетомъ пріѣхать въ Петербургъ въ четвергъ, 19 февраля.

Весь чистый доходъ отъ этого изданія поступаетъ въ пользу населенія, пострадавшаго отъ военныхъ дѣйствій.

Складъ изданія при издательствѣ „ШИПОВНИКЪ“:
Пгр. Николаевская, 31.

Ц. 1 Р.

Тип. „Двигатель“ Казначейская, 6.

